

# МОРАТОРИЙ НА СМЕРТНУЮ КАЗНЬ

## ПОНЯТИЕ «ЗАКОН»

**П**онятие закон в русском языке XVIII столетия было многозначно и имело отношение к социальной, религиозной, духовной сферам жизни современников. Утро каждого дня человек обязан был начинать с молитвы и следовать Закону Божьему, охраняющему нравственные устои общества. Подданные неукоснительно подчинялись предписаниям верховной власти или *государственным законам*. В век Просвещения нельзя было отрицать и действие закона *естественного*, о котором, в частности, писал А. Н. Радищев: «Человек, исходя на свет, есть равен во всем другому. Неможен, наг, алчущ, жаждущ... первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде. <...> Се основание закона естественного»<sup>1</sup>. На основании словаря русского языка XVIII века можно выделить целый ряд определений слова закон, демонстрирующих богатейшее смысловое наполнение этого понятия. В рассматриваемый период различали *гражданский, криминальный, всемирный, откровенный, обычный закон; закон христианский, магометанский, еврейский, идолопоклоннический; закон чести, закон Моисеев, закон движения, закон математический*

---

<sup>1</sup> Радищев А. Н. Опыт о законодательстве // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 10. Ср.: «Самыми первыми святейшими законами... представляются те, которыми защищаются наше здравие и жизнь» (Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным, говоренное Семеном Десницким апр. 22 дня, 1770 г. [М., 1770]).

и т.д.<sup>2</sup> В «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения» четко выделялось девять «родов законов»: право Божественное, право церковное, право естественное, право народное, право государственное общее, право государственное особенное, право завоевания, право гражданское и, наконец, право домашнее<sup>3</sup>.

Для понимания внутреннего мира человека XVIII столетия особое внимание следует обратить на соотношение в мышлении личности закона *государственного* и *Божественного*. В «Генеральном плане Московского Воспитательного дома» так и провозглашалось — «человек живет по законам государственным и Божественным»<sup>4</sup>. *Государственные законы* иногда также определялись как *светские* или *гражданские*: «...гражданские законы в сохранении доброго порядка имеют сношение и сопряжение с духовными, сии последние от светских законов занимают помощь и подкрепляются оными»<sup>5</sup>. В законодательных актах апелляция к догматам Нового и Ветхого Заветов встречается довольно часто. Достаточно упомянуть, что даже «Наказ Уложенной комиссии» начинается не с двух своих главных тезисов, провозглашающих Россию европейской державой с единственно приемлемой для нее самодержавной формой правления, а со смиренного обращения к всевышнему: «Господи Боже мой, вонми ми, и вразуми мя, да сотворю суд людям твоим по закону святому твоему судити в правду»<sup>6</sup>. В уже цитированном «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения» было сказано: «Мы ведаем повеленное человекам законом Божиим: законы гражданские должны в обществе подкреплять законы Божии»<sup>7</sup>. Однако содержание исходящих от престола указов свидетельствует, что здравый смысл и приземленные реалии законов человеческих заставляли власть, напротив, прагматично использовать авторитет веры для усиления идеологической составляющей своих указов.

<sup>2</sup> Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб., 1992. С. 244–251.

<sup>3</sup> ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

<sup>4</sup> Там же. № 12957. С. 311, 317. 1767. 11 августа.

<sup>5</sup> Там же. № 13095. С. 505. 1768. 8 апреля.

<sup>6</sup> Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 6–7.

<sup>7</sup> ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

Государственный закон, возвышенный и подтвержденный Законом Божиим, приобретал особую силу воздействия на сознание подданных. Кроме того, христианские догматы в правовых актах использовались как мощное дисциплинирующее орудие и в то же время средство для смягчения нравов. Не случайно «Устав благочиния или полицейский» начинался с изложения «правил добронравия», сформулированных в прямом соответствии с заповедями Нагорной проповеди: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее»<sup>8</sup>. Однако, несмотря на провозглашенный в «Присяге депутатам, вступающим в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения» тезис о том, что «правосудие истекает из правил богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие»<sup>9</sup>, Екатерина предостерегала от смешения «оснований, долженствующих управлять людьми»<sup>10</sup> и отождествления социального контроля власти с требованиями христианской морали. Действительно, анализ частной переписки, воспоминаний и публицистики обнаружил довольно слабую корреляцию между религиозной верой и правовым сознанием на уровне повседневной практики.

Иная ситуация складывалась в пограничной зоне особого социального напряжения, связанной с тяжкими преступлениями. И уж совершенно особое звучание данная проблема приняла к середине XVIII столетия, когда практически было отменено «наказание смертью».

#### «МОЛИТВА ИМПЕРАТРИЦЫ»

Каждому знакомо свидетельство князя Щербатова о том, что, вступая на престол, дочь Петра пообещала отказаться от применения смертной казни: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствова-

<sup>8</sup> ПСЗ. Т. XXI. № 15379. С. 464–465. 1782. 8 апреля.

<sup>9</sup> ПСЗ. Т. XVIII. № 12945. С. 181. 1767. 24 июля.

<sup>10</sup> Там же. № 12950. С. 281. 1767. 30 июля.

ние свое повелением ее никто смертной казни предан не будет»<sup>11</sup>. Специалисты нередко выражают скептические мнения по поводу правдоподобности столь классически<sup>12</sup> срежессированной сцены. Однако французский посланник маркиз де ла Шетарди, сыгравший ключевую роль в событиях 5 декабря 1741 года, уже на следующий день после удачного переворота доносил в Париж об обстоятельствах смены власти в России: «5 декабря четыре тысячи гвардейцев получили вдруг приказание выступить к Выборгу в 24 часа. <...> Партия Елизаветы считала [это] намерением удалить гвардейцев, которых приверженность к принцессе была известна. Сторонники [принцессы] убедили ее решиться исполнить свое намерение. В ту же ночь с 5 на 6 число она сначала помолилась Богу, надела кирасу на свое обыкновенное платье, села в сани и прямо отправилась в казармы». Более того, Шетарди упоминает имена трех свидетелей молитвы будущей императрицы: камер-юнкера М. И. Воронцова, хирурга Иоганна Лестока и Якоба Шварца, «который в прежнее время служил музыкантом, пользовался небольшим пенсионом от Императорской Академии наук и при том имел свободный доступ ко двору принцессы, которая от времени до времени выдавала ему значительные пособия»<sup>13</sup>.

Достоверность этого рассказа Шетарди подтверждается в записках находящегося на русской службе прусского генерал-майора Кристофа Манштейна, а также в депеше голландского резидента в Петербурге Марселиса де Шварта<sup>14</sup>. Более того, знаменитый исто-

---

<sup>11</sup> «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 55.

<sup>12</sup> Упоминание подобной постановочной мизансцены уже встречалось в источниках. 1 сентября 1598 года, приняв от патриарха царский венец, избранный царь Борис Годунов торжественно обещал в течение пяти лет никого не казнить смертью (*Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце: Берова летопись московская. СПб., 1831. С. 11–12).

<sup>13</sup> *Пекарский П. П.* Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов. СПб., 1862. С. 398–400. Хроника этих событий изложена в обстоятельном исследовании И. В. Курукина (см.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 326–343).

<sup>14</sup> См.: *Маништейн К. Г.* Записки о России: 1727–1744. СПб., 1875. С. 250; *Пекарский П. П.* Маркиз де ля Шетарди в России. С. 425–426. В 1754 году французская «Утрехтская газета» (*Gazette d'Utrecht*) подтвердила факт своеобразного моратория на смертную казнь в России, который был введен только в резуль-

рик и филолог XIX века П. П. Пекарский в своих исследованиях сообщает, что ему удалось купить в Москве по случаю некую рукопись XVIII столетия, по всей видимости плохой перевод иностранной реляции, в которой сообщались весьма любопытные факты. 18 декабря 1741 года, в день рождения только что взошедшей на престол императрицы Елизаветы Петровны, русский резидент при английском дворе по просьбе собравшихся пересказывал письмо от приятеля из Петербурга. Оказывалось, что действительно Анна Леопольдовна решила отправить в поход ненадежные гвардейские полки. Вечером 5 декабря делегация из девяти гренадеров отправилась к великой княгине Елизавете Петровне и обратилась к ней со словами мольбы: «Всемиловитейшая государыня! изволишь видеть сама неблагополучие над собою и всей России: нас заутро высылают в поход, помилуй, не оставь нас в сиротстве, но защити материнским своим соизволением оного намерения!» Со слов резидента, оказавшегося в центре внимания при английском дворе, будущая императрица прослезилась, попросила всех выйти в соседнее помещение, «а сама, наклоня голову к земле перед образом Спасителя, мол[илась] в тайности сердца своего». Затем Елизавета Петровна появилась с крестом перед ожидающими ее верными подданными и потребовала присяги на верность<sup>15</sup>.

Молитва императрицы не была сиюминутным эмоциональным порывом, в то же время в ее обете, данном перед иконой Спаса, не лишать жизни ни одного из подданных отсутствовало и какое-либо рациональное начало, связанное с гуманистическими идеями Просвещения. Импульсивные действия российской монархини в ночь перед переворотом мотивировались прежде всего глубоким религиозным чувством. Еще Щербатов пронизательно замечал: «Хотя не можно сказать, чтобы Елизавета Петровна не имела исполненное человеколюбием сердце, но смертные казни при самом восшествии ее на престол отставлены были не на основании систем человеколюбия, но по единой набожности»<sup>16</sup>.

---

тате «торжественного обета», данного русской императрицей в ночь «чудесной перемены, возведшей ее на престол» (см.: Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 649–650).

<sup>15</sup> Пекарский П. П. Маркиз де ля Шетарди в России. С. 431–433.

<sup>16</sup> Щербатов М. М. Размышления о смертной казни // Чт. ОИДР. 1860. Кн. 1. С. 66.

Для императрицы образ, открывший ей путь к власти, приобрел высокий сакральный смысл. В сентябре 1742 года секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд доносил Августу III: «В прошедший четверг происходило в первый раз по повелению Ее Величества императрицы по всему государству церковное празднество в честь чудотворной иконы, которую уже император Петр I подымал в дом во время опасных и важных предприятий и которую несли перед императрицей в ту ночь, когда она вывела из казарм гвардейских солдат и потом заняла престол». Елизавета Петровна создала своеобразный культ этой иконы Спаса, передала ее на хранение в Донской монастырь, регулярно ездила в сопровождении двора поклониться образу и приобрела алмаз за 30 тысяч рублей для оклада<sup>17</sup>.

Анонимный автор записок под названием «Анекдоты и сборник обычаев и особенностей по части естественной истории, собственных разным народам России, сочинение путешественника, прожившего в этом государстве 13 лет»<sup>18</sup> сообщает еще об одном торжественном обещании императрицы: «Вступая на престол, она дала обет по исходе каждого часа, днем и ночью, молиться образу Спаса, находившемуся у нее в изголовье кровати. Были особые старухи, которых обязанность состояла в том, чтобы после каждого боя часов будить ее»<sup>19</sup>. Если признать достоверность этого свидетельства, то станет понятно, почему богато украшенный образ вскоре оказался в Донском монастыре. Выдержать такой ритуал было не под силу любому живому организму, а вот запретить смертные казни самодержавной волей монарха в абсолютистской России было вполне реально.

---

<sup>17</sup> Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 442.

<sup>18</sup> П. И. Бартенев опубликовал перевод этих изданных в 1782 году в Лондоне записок и выразил предположение, что их мог написать Иоганн Бенедикт Шерер (1741–1824), одно время находящийся на русской службе в должности члена Юстиц-коллегии по финским, эстским и ливонским делам. В записках сказано, что они основаны на рассказах фельдмаршала Бурхарда Миниха, графа Иоганна Лестока, князей Никиты Трубецкого и Михаила Щербатова, а также камергера Александра Ржевского (Русский архив. 1877. Кн. III. № 9–12. С. 166).

<sup>19</sup> Там же. С. 391.

«ПРИГОВОРА К СМЕРТНОЙ КАЗНИ  
НЕ ИСПОЛНЯТЬ»

7 мая 1744 года появился довольно лаконичный указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение экзекуций по делам колодников, приговоренных к смертной казни, политической смерти, а в отдельных случаях и к вечной ссылке. Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. Решение, само по себе беспрецедентное в истории Российской империи, сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно»<sup>20</sup>.

Реакцию на этот указ, как и его последствия, нельзя назвать однозначными. После всей истории предшествующего законодательства можно было ожидать всплеска эмоциональных отзывов, нашедших отражение в дневниках, письмах и, конечно же, панегирической литературе. Действительно, Соборное уложение, а также указы первой трети XVIII столетия предусматривали целый спектр наказаний смертью — отсечение головы, четвертование, колесование, повешение за ребро, «посажение» на кол, «окопание в землю», заливание горла свинцом, сожжение и, как его разновидность, «копчение». При этом могли предать смерти не только за собственную вину, но и по жребию<sup>21</sup>. В 1724 году голштинский дворянин камер-юнкер Фридрих Берхгольц писал в своем дневнике о смертной экзекуции как о достаточно привычном явлении в столице: «Утром в городе была большая казнь: двум делателям фальшивой монеты опять лили в горло свинец и потом навязали их на колеса»<sup>22</sup>.

В 1744 году власть пошла не просто на смягчение, а на приостановку смертной казни, однако эта добрая воля новой монархини, резко порывающая с предшествующей традицией и политическим опытом населения, не была преподнесена помпезно и не вызвала

<sup>20</sup> ПСЗ. Т. XII. № 8944. С. 114. 1744. 7 мая.

<sup>21</sup> См., например: ПСЗ. Т. IX. № 7009. С. 876–879. 1736. 9 июля и др.

<sup>22</sup> *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. М., 1860. Ч. 3. С. 10–11.

особого ликования современников. «Оды на отмену смертной казни» не появилось, и лишь спустя два года в связи с днем рождения императрицы М. В. Ломоносов упомянул:

Ты суд и милость сопрягаешь,  
Повинных с кротостью казнишь,  
Без гневу злобных исправляешь,  
Ты осужденных кровь щадишь<sup>23</sup>.

Характерно также, что поначалу ни в законодательстве, ни в одических произведениях, ни в политических памфлетах акт высочайшего милосердия не рассматривался в контексте христианской морали, что безусловно придало бы ему особое звучание. Только за несколько недель до кончины Елизаветы Ломоносов, назвав императрицу «богиней», напишет от ее лица:

Моей державы кротка мочь  
Отвергнет смертной казни ночь;  
Владеть хочу зефира тише;  
Мои все мысли и залог  
И воля, данная мне свыше,  
В устах прощенье, в сердце Бог<sup>24</sup>.

Представляется, что подобное отсутствие резонансных откликов на приостановку смертной казни в первые годы правления Елизаветы было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, не следует преувеличивать жестокость судебной практики при Петре и Анне Иоанновне. Так, по «Воинскому уставу» лишение жизни предпола-

---

<sup>23</sup> Ломоносов М. В. Ода на день рождения Ее Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, Самодержицы Всероссийской, 1746 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 152, 156, 921.

<sup>24</sup> Ломоносов М. В. Ода Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елизавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый торжественный праздник Ее Величества восшествия на Всероссийский престол ноября 25 дня 1761 года, в оказание истинной радости и ревностного усердия всенижайше поднесенная от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 745. См. также: Ломоносов М. В. Слово благодарственное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елизавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественной инаугурации Санкт-Петербургского Университета говоренное 1760 года // Там же. С. 679, 1117.

галось более чем за 120 деяний, включая испорченную «крестьянскую рухлядь», обнаженную «в сердцах» шпагу и отданный в заклад мундир<sup>25</sup>. Однако в действительности исполнялась лишь незначительная часть устрашающих артикулов, напрямую связанных с самозащитой государства и предполагающих казнь за измену, фальшивомонетничество<sup>26</sup>, убийство, поджог, грабеж, посягательство на казну и т.д.<sup>27</sup> Более того, по именному указу 1724 года все преступления вообще разделялись на серьезные, так называемые *государственные*, когда вред наносился «государственным правам», и *партикулярные*, менее опасные, приносящие убыток лишь одному лицу<sup>28</sup>. Вообще обещание смертной казни в известном смысле можно отождествить с напоминанием о *Страшном суде*, расценивая оба грозных предостережения как метафору и оценочную характеристику недопустимости тех или иных поступков<sup>29</sup>.

Во-вторых, собственно о моратории и тем более об отмене смертной казни официально не сообщалось. Речь шла лишь о распоряжении направлять в Сенат экстракты всех дел, по которым вынесены были приговоры к смертной казни или политической смерти. Резкого всплеска эмоций указ не мог вызвать еще и потому, что это был не первый прецедент в русском законодательстве. Не далее как в 1726 году Верховный тайный совет потребовал от Сената представлять на рассмотрение сведения об осужденных на казнь

<sup>25</sup> ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 321, 330, 337, 374 и др. 1716. 10 января.

<sup>26</sup> Причем с 1723 года «поддельщикам денег, которым заливают горло расплавленным металлом» приказано было отсекаать головы для скорой смерти (ПСЗ. Т. VII. № 4157. С. 20. 1723. 5 февраля).

<sup>27</sup> См., например: *Загоскин Н. П.* Очерк истории смертной казни в России: Речь, читанная 5 ноября 1891 года в торжественном годичном собрании Императорского Казанского университета // Известия и ученые записки Казанского университета. 1892. № 1. С. 32–75.

<sup>28</sup> Именной указ о различии штрафов и наказаний за государственные и партикулярные преступления (ПСЗ. Т. VII. № 4460. С. 250–251. 1724. 5 февраля).

<sup>29</sup> В. М. Живов справедливо полагает, что в целых категориях дел узаконенная смертная казнь вообще не применялась и означала самую суровую угрозу, но никак не наказание (*Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 258. См. также: *Викторский С. К.* История смертной казни в России и современное ее состояние // Ученые записки имп. Московского университета. Отд. юридический. Вып. 41. М., 1912. С. 112).

колодниках<sup>30</sup>. Наконец, власть сама проявляла осторожность и, как следствие, неясность трактовок: с одной стороны, приказывалось «экзекуции не чинить», а с другой — количество смертных приговоров никак не регламентировалось, и они неизменно выносились в соответствии с существующим законодательством. Собственно о провозглашенном моратории вообще мало кто был осведомлен даже в среде высшего сословия. Указ, приостанавливающий смертную казнь и политическую смерть, был составлен собственноручно императрицей в мае 1744 года в качестве заключения по поводу представленного ей доклада Сената на тех же листах. Этот подлинник немедленно скрыли в секретной экспедиции. В публичную экспедицию поступила копия, содержащая лишь высочайшее распоряжение без замедления высылать экстракты дел колодников, приговоренных к высшей мере наказания. Именно этот документ без какого-либо упоминания о существовании спрятанного указа и был разослан в коллегии, канцелярии, губернии и провинции. Подготовку экстрактов для высочайшей конфирмации поручили специально учрежденной при Сенате экспедиции во главе с секретарем Иваном Судаковым. Слушания по приговорам осужденных на смертную казнь и политическую смерть проходили в строжайшей секретности: сенатские протоколисты на эти заседания не допускались, а посвященного Судакова с канцеляристами экспедиции поместили в «особливой от публичных дел палате»<sup>31</sup>.

В свою очередь исполнение принятого, но так и не обнародованного моратория требовало постоянного контроля правительства и даже высочайшего вмешательства в самые разнообразные судебные дела. Решение о приостановке смертной казни воспроизводилось с нарастающей регулярностью на протяжении всего царствования Елизаветы Петровны и обрастало все новыми трактовками, пояснениями и толкованиями. Настойчивое повторение одного и того же указа свидетельствовало о больших сложностях, связанных с его реализацией, и о многочисленных фактах нарушения, некоторые из которых дошли до престола и нашли отражение в законодательстве.

---

<sup>30</sup> ПСЗ. Т. VII. № 4964. С. 700. 1726. 8 октября.

<sup>31</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 99–100.

Так, в 1749 году киевский генерал-губернатор М.И. Леонтьев вынужден был донести в Сенат, что вопреки изданному указу в Запорожье повесили двух казаков, участвовавших в грабительстве и разгромивших дом польского еврея-арендатора Шмолла. При этом кошевой атаман Запорожского войска в рапорте сослался на некое, видимо, ему одному известное императорское распоряжение вершить смертную казнь и впредь, поскольку без этого «воровство и прочие шалости искоренить невозможно»<sup>32</sup>. Незадолго до этого сходная бумага пришла из Ревельской губернской канцелярии. Местные ландраты и магистрат просили Сенат не уничтожать их «древние справедливости» и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации ввиду увеличивающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось все труднее<sup>33</sup>.

Позиция престола по поводу таких попыток ревизии существующего законодательства оставалась непреклонной: на всей территории империи без исключения «осужденным к смертной казни и политической смерти экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа». Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, места заключения переполнены, а смертные приговоры по-прежнему оставались лишь на бумаге<sup>34</sup>. Власть же продолжала ревностно относиться к принятому закону, действовала на опережение и после присоеди-

---

<sup>32</sup> ПСЗ. Т. XIII. № 9586. С. 25. 1749. 13 марта. См. об этом также: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XII. Т. 23–24. С. 40.

<sup>33</sup> ПСЗ. Т. XII. № 9312. С. 583–584. 1746. 5 августа.

<sup>34</sup> Менее чем за 10 лет с момента издания указа 1744 года в Сенате скопилось 279 приговоров к смертной казни и еще 3579 дел, связанных с убийствами, воровством и разбоями, были в производстве и ожидали конфирмации императрицы. «Колодники час от часу умножались, чинили[сь] утечки», и караульные не справлялись со своей должностью (ПСЗ. Т. XIII. № 10086. С. 817–819. 1753. 29 марта). Екатерина II также вспоминала о первых месяцах своего правления: «Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было» (Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования // Коваленский М.Н. Хрестоматия по русской истории. М., 1917. Т. 3. С. 200–201. См. об этом: Анисимов Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004. С. 256).

нения новых земель немедленно направляла туда указы о приостановке или отмене смертной казни<sup>35</sup>. Мораторий относился даже к осужденным по делам Тайной канцелярии и военным преступникам. 31 мая 1744 года Сенат разослал специальные предписания и в ведомство политического сыска, и в полковые лейб-компания и лейб-гвардии<sup>36</sup>.

Даже в случае громких преступлений, сведения о которых доходили до императрицы, престол не только требовал скорейшего сыска разбойников, но и предупреждал о неприменении к ним смертной экзекуции. Так, в 1744 году Елизавета Петровна узнала о бандах грабителей, которые бесчинствовали в низовых городах по Оке до Казани, нападали на суда и деревни и даже не пощадили направляющийся в Пекин караван духовной миссии православной церкви. Возглавлял этот караван бывший малороссийский певчий Герасим Кириллович Либратовский, лично знавший всесильного фаворита Алексея Разумовского, имеющий, следовательно, очень неплохие карьерные перспективы и возможность практически «беспосредственного» доступа. Он-то и донес Елизавете о столкновении каравана с воровской компанией. Императрица отчитала бездействующих губернаторов и воевод, приказала немедленно найти и пытать злодеев, однако в специальной «инструкции сыщикам» категорически напомнила: «...натуральной или политической смерти пойманным не чинить, а содержать разбойников под крепким караулом скованны[ми] до распоряжения Правительствующего Сената»<sup>37</sup>.

Однако еще больше процессуальных проблем возникло при реализации второй части знаменитой формулировки указа 1744 года «о неисполнении приговоров к смертной казни и политической

---

<sup>35</sup> См. именной указ 1794 года «об истреблении пыток и смертных казней» в Литовских губерниях; именной указ 1801 года об отмене смертной казни в Грузии и т. д. (ПСЗ. Т. XXIII. № 17264. С. 576. 1794. 20 октября; Т. XXV. № 18943. С. 622–623. 1799. 20 апреля; Т. XXVI. № 20007. С. 786. 1801. 12 сентября и др.).

<sup>36</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 18–18<sup>об</sup>.

<sup>37</sup> ПСЗ. Т. XII. № 9026. С. 216–220. 1744. 7 сентября. См. также: *Софроний (Грибовский)*. Уведомление о начале бытия россиян в Педзине и о существовании в оном греко-российской веры // Материалы для истории российской духовной миссии в Пекине / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1905. Вып. 1. С. 23–26.

смерти». И если суть *натуральной смерти* была более или менее ясна и в Петербурге, и в провинциях, то сам термин *политическая смерть* вызвал глубокое недоумение на всех уровнях власти. Елизавета потребовала от Сената вопрос проработать и представить бумагу, где бы перечислялись законы, регламентирующие ритуал политической смерти и четко фиксирующие преступления, за которые полагалось подобного рода наказание. Спустя некоторое время императрица получила ответ: «За какие вины политическая смерть и какая именно положена — точных указов не имеется»<sup>38</sup>.

Правда, во избежание монаршего гнева сенаторы все же упомянули некоторые экзекуции, которые, с их точки зрения, можно было подвести под понятие «политическая смерть». Все эти казни объединялись рядом сходных обстоятельств. Во-первых, они приходились на эпоху Петра Великого, с которой, собственно, и начиналась актуально переживаемая история для многих политиков и мыслителей елизаветинского правления. Во-вторых, данные экзекуции включали несколько общих процедур: «сказание смерти», «положению на плаху» и все милостивейшее избавление от натуральной смерти. Однако перечень этот оказался далеко не полным, содержание дел и приговоров проанализированы не были, и самое главное — выбранные сенаторами примеры казней никогда *политической смертью* не именовались. А между тем обстоятельства подобных экзекуций могли бы пролить свет на историю появления понятия *политическая смерть* в русском языке и правовом сознании XVIII века.

#### «ПОЛОЖЕНИЕ НА ПЛАХУ»

Хорошо известно, что «начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни»<sup>39</sup>. В октябре 1689 года был приведен в исполнение приговор восставшим против царя стрельцам. Начальнику Стрелецкого приказа Федору Шакловитому, «забывшему страх Божий и государское крестное целование», отрубили голову, а образок

<sup>38</sup> ПСЗ. Т. XIII. № 10087. С. 819–820. 1753. 29 марта.

<sup>39</sup> Пушкин А. С. Стансы.

Николая Чудотворца в серебряном окладе, бывший у него во время казни, передали под расписку священнику Иродиону церкви Вознесения Господня и Трех Святителей стрелецкой слободы Троице-Сергиева монастыря. Сообщников «вора и изменника» Шакловитого Семена Рязанова, Дементия Лаврентьева и Ивана Муромцева также решено было жестоко наказать: «...положить их на плаху и, подняв, сказать им, что великие государи пожаловали их смертью казнить не указали, а указали бить кнутом, урезать языки и сослать их в ссылку в сибирские города на вечное житье». Милосердие царя мотивировалось без лишнего пафоса — «для своего государского многолетнего здравия»<sup>40</sup>.

Однако на этом придворные треволения не закончились. Буквально через несколько недель последовали новые казни. В данном случае не обошлось без ворожбы. Пожилой боярин Андрей Ильич Безобразов, назначенный воеводой на Терек, вынужден был подчиниться высочайшей воле и, покинув Москву, отправиться в далекое и трудное путешествие. Однако во время вынужденной остановки в Нижнем его посетила спасительная идея — снискать милостивое расположение государя и получить разрешение на возвращение в столицу путем... чародейства. Сказано — сделано: тут же отыскивали волхва Дорошку, который слыл еще и коновалом, приставили к нему человека Безобразова Ивана Щербачева и снарядили в Москву. Когда Петр направлялся из Савинского похода в село Хорошево, Щербачев указал колдуну на царя, и тот принялся «напускать заговорные слова дьявольски по ветру», чтобы государь был добр к воеводе Безобразову. Для пущей верности одновременно ворожили в Нижнем на костях и воде, а также прибегала к своим, ей одной ведомым заклинаниям татарка в Касимове. Однако чары на Петра не подействовали, а, напротив, спровоцировали доносы и самое пристрастное расследование. Воеводе Безобразову по приговору отрубили голову, коновала Дорошку сожгли в срубе на болоте, и лишь Иван Щербачев остался жив. Ко дню казни, назначенной на 8 января 1690 года, был уже готов сценарий: перед осужденным зачитывался указ, начинающийся так: «Вора Ан-

---

<sup>40</sup> См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 265–270, 421–424; СПб., 1893. Т. 4. Стб. 565–570; ПСЗ. Т. III. № 1349. С. 33–36. 1689. 11 октября.

дрюшки Безобразова человек Ивашка Щербачев!» Затем следовали обвинения и приговор — «казнить тебя смертью — отсечь голову». Далее как и в любом театрализованном действии шла ремарка «(положить на плаху, а сняв с плахи, сказать): Ивашка Щербачев! Великие государи смертью казнить тебя не указали, а указали тебе чинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать тебя в ссылку в Сибирь»<sup>41</sup>. В данном случае счастливейшее избавление Щербачева преподносилось не как великая государева милость, а как неотвратимое и страшное наказание, мало отличающееся от натуральной смерти<sup>42</sup>.

Через два года сходной экзекуции будет подвержен некто расстрига Ивашка, известный более под именем старца Иосифа. Человек этот был какой-то смутный, и история, связанная с его именем, на первый взгляд не совсем понятна. Происходил он из так называемых романовских или костромских татар, отец его был Богдан Ахметов. Ивашка рано покинул родной дом, крестился, жил отшельником в им же построенной при большой костромской дороге часовне, потом постригся под именем Иосифа и много лет скитался по разным монастырям. Как-то раз на пути из Сийской обители, что под Архангельском, у города Еренска повстречался старцу человек, который якобы свел его с опальным фаворитом поверженной царевны Софьи Василием Голицыным. Голицын просил старца идти в Москву к его более удачливому двоюродному брату Борису Голицыну, приближенному Петра, и сказать буквально следующее: «Не допусти казни кузена, борись за его жизнь по крайней мере год — не долгоденствие царя, тот же год ему и остался».

<sup>41</sup> См.: ПСЗ. Т. III. № 1349. С. 33–36. 1689. 11 октября; Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1885. Т. I. Стб. 265–270, 421–424; СПб., 1893. Т. 4. Стб. 565–570.

<sup>42</sup> Может быть, именно поэтому современники оставили без внимания факты замены «смертной казни» ее имитацией. И. А. Желябужский записал в своем дневнике под 1689 годом: «В том же году пытан и казнен вор, бывший окольный Федька Шакловитый. А ведомый же вор Сенька Рязанов бит кнутом, и отрезан ему язык, и сослан в ссылку» (*Желябужский И. А. Записки с 1682 по 2 июля 1709*. СПб., 1840. С. 22–23). Исследователи также не придали особого значения практике подобной экзекуции, которая несколько потеснила смертную казнь. См., например: *Белов Е. А. Московские смуты в конце XVII века: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках* // СПб., 1887. Отд. отт. из Журнала Министерства Народного Просвещения.

Именно с этой вестью в одеянии чернеца с неизвестными травмами в котомке и явился старец Иосиф глухой январской ночью в дом князя Бориса Голицына. Свой фавор князь терять не собирався и от греха подальше отправил старца-provokatora напрямиком в Розыскной приказ. пытки, очные ставки и даже специальная комиссия в Еренск, где содержался Василий Голицын, сделали свое дело — выяснилось, что расстрига Ивашка, он же старец Иосиф, просто оговорил Голицына, поскольку в свое время «князь сослал его за то, что у него дело было в Поместном приказе, как он, старец, был в Дорофееве пустыне». Неизвестные же травы в котомке оказались не зельем, а всего лишь лекарством от грыжи. Подобная неуклюжая месть, задевшая ни много ни мало «слово и дело», закончилась обычным приговором — «казнить смертью», правда в особой интерпретации: «...положить на плаху и, сняв, сказать “Ивашка-расстрига! Великие государи положили на милость — смертью тебя казнить не велели, а указали бить кнутом нещадно и сослать в Сийский монастырь”»<sup>43</sup>.

В 1700 году на эшафоте оказались вымогатели из города Венева, находящегося недалеко от Тулы. Земский староста с сообщниками вздумал торговать должностями: выборных таможенных и кабацких старост, с которых поиметь ничего не удалось, от сборов удалили, а на их место поставили более сговорчивых за 120 рублей. В результате не поздоровилось никому — «и тем, кто деньги взяли, и тем, кто деньги дали, велено [было] сказать смерть, положить на плаху и, с плахи подняв, бить кнутом и сослать в Азов с женами и с детьми на вечное житье». Казнь эта была устрашающей, поскольку впредь за «воровство и хитрость в сборах» полагалась натуральная смертная экзекуция<sup>44</sup>. Не прошло и двух лет, как последовало новое распоряжение: сняв с попа Петра Никитина священнический чин, «сказать ему смерть» за «научение» духовного сына лжесвидетельству, затем бить кнутом и отправить опять-таки в Азов на

<sup>43</sup> См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1071–1444; ПСЗ. Т. III. № 1395. С. 89–91. 1691. 7 марта; *Воскобойникова Н. П.* Челобитные Василия Васильевича и Алексея Васильевича Голицына из ссылки (1689–1714) // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: материалы Голицынских чтений. 23–24 января 1999 г. Большие Вязёмы, 1999. С. 7–13.

<sup>44</sup> ПСЗ. Т. III. № 1722. С. 671. 1699. 24 ноября; Т. IV. № 1819. С. 90–91. 1700. 22 декабря.

каторгу. Публичное наказание святого отца носило также назидательный характер, поскольку, согласно указу, отныне всех, кто еще рискнет давать неверные показания в суде, ожидал эшафот «безо всякого милосердия и пощады»<sup>45</sup>.

Между тем все перечисленные экзекуции именовались как угодно — *наказанием, казнью, положением на плаху*, но никак не *политической смертью*. По всей видимости, впервые это понятие появляется в русской правовой терминологии, явно не без западноевропейского лингвистического влияния, в громком деле знаменитого толмача Петра I, крупнейшего дипломата и вице-канцлера П. П. Шафирова. Само выражение *политическая смерть* начинает мелькать в официальных документах уже за несколько месяцев до дела Шафирова. Так, например, дворянству запрещено было укрываться от службы под страхом «натуральной или политической смерти»<sup>46</sup>. Однако именно инсценированная казнь вице-канцлера стала первым громким наказанием, названным *политической смертью*.

ОТ «КАЗУСА ШАФИРОВА»  
К «КАЗУСУ ОСТЕРМАНА»

Шафиров обвинялся в «упрямстве, учиненном против указов» на заседании Сената 31 октября 1722 года, когда рассматривался вопрос о почтах, находившихся под его управлением более 20 лет. По регламенту вице-канцлер как заинтересованное лицо должен был покинуть обсуждение, о чем ему и заявил обер-прокурор Г. Г. Скорняков-Писарев, потрясая доской с наклеенным на нее текстом соответствующего указа. Вспыльчивый барон, будучи сенатором, подчиняться не стал и остался на заседании, обругав Скорнякова, приспешника своего давнего противника А. Д. Меншикова, «вором». Всемогущий временщик не остался в долгу, сцепился с Шафи-

<sup>45</sup> ПСЗ. Т. IV. № 1893. С. 185. 1702. 17 января.

<sup>46</sup> «[Герольдмейстер] же повинен смотреть, дабы под именем малых дел [дворяне] по городам не укрывались, не маля никому, под штрафом натуральной или политической смерти» (ПСЗ. Т. VI. № 3896. С. 497–499. 1722. 5 февраля).

ровым, а потом, сопровождаемый Г. И. Головкиным и Я. В. Брюсом, покинул собрание. Оставшиеся в компании барона Д. М. Голицын, Г. Ф. Долгорукий и А. А. Матвеев готовы были продолжать слушания, но тут топнул ногой оскорбленный обер-прокурор и заседание Сената закрылось. На беду, генерал-прокурор П. И. Ягужинский отсутствовал по делам государственной важности, а сам Петр был в тяжелейшем Персидском походе. Разумеется, до императора дошли известия о скандалах и потасовках среди сенаторов, оказавшихся вне непосредственного контроля со стороны главных персон. Петра, вероятно, особенно возмутило игнорирование государственных указов, опасное «сенатское несогласие», а также осквернение «чести судебного места надменной бранью».

Сентенция по делу столь крупной политической фигуры была показательной, поэтому без тщательно продуманной театрализации здесь не обошлось. Шафирова торжественно лишили голубой ленты и шпаги и приговорили к отсечению головы, припомнив и выданное сверх нормы жалованье брату Михаилу, и растрату казенных денег во время поездки во Францию, и, как водится, «еврейскую природу»<sup>47</sup>. Казнь была назначена на 15 февраля 1723 года в Кремле, где напротив сенатской канцелярии специально установили эшафот<sup>48</sup>. Находившийся тогда в Москве голштинский дворянин Фридрих Берхгольц записал: «Около 7-ми часов утра поехал я в Кремль. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа. Когда виновного на простых санях привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления. После того с него сняли парик и старую шубу и возвели на возвышенный эшафот, где он стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе, — и тут Макаров от имени импе-

---

<sup>47</sup> Кроме того, за Шафировым признавались и другие корыстные проступки, в частности: самовольное повышение почтовых такс; ловкое присвоение себе драгоценностей свояка А. М. Гагарина; обман полковника Воронцовского, у которого барон под видом займа взял в заклад деревню, а «денег не дал ничего» (см. об этом: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. Т. 17–18. С. 456–466).

<sup>48</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 271 (см. также: Л. 263–266, 267–270<sup>об</sup>).

ратора объявил, что преступнику во уважение его заслуг даруется жизнь»<sup>49</sup>.

Смерть прошла совсем рядом с Шафировым, по всей видимости навсегда опалив его сердце. Оглушенный, со слезами на глазах, он с трудом сошел с эшафота, не обращая внимания на поздравительные возгласы, и, лишь когда ему пустили кровь, промолвил, что лучше уж вскрыть вены, чтобы разом покончить с мучениями. Столь мрачная эквилибристика жизнью и смертью одного из первых лиц в империи потрясла и всех присутствующих — кто-то сожалел об этом, как искренне замечает Берхгольц, «очень честном человеке», кто-то тянул к нему руки с поздравлениями, кто-то строил догадки по поводу наказаний других участников скандала в Сенате. Государь же был очень мрачен, никого не принимал, скрылся в одной из комнат и даже обедал один<sup>50</sup>.

Итак, обряд положения Шафирова на плаху практически впервые в русском законодательстве был назван *политической смертью*. С тех пор подобные экзекуции, практиковавшиеся в судопроизводстве и ранее, ретроспективно получили конкретное терминологическое оформление. Одновременно уточнение определений породило новую форму наказания: публичное переживание заведомой инсценировки смертной казни. Однако мучительное ожидание неизбежного конца, страшные мгновения на эшафоте и ошеломляющее помилование психологически принципиально отличались от символичного театрального действия *политической смерти*, в которое были вовлечены и палач, и преступник.

«Казус Шафирова» дал импульс появлению целого ряда законодательных актов, направленных на повышение авторитета государственных указов в сознании подданных и ужесточение наказания за бесчинства в присутствиях. Прошло несколько месяцев с момента политической смерти Шафирова, а случай с «упрямством» барона нет-нет да и всплывал в текстах именных резолюций. В октябре 1723 года было строжайше запрещено «браниться, здорить, кричать» и уж тем более драться в казенных местах. И если за сло-

<sup>49</sup> См.: Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 3. С. 28.

<sup>50</sup> Там же. С. 28–29; Бердников Л. И. Евреи государства Российского (XV — начало XX в.): Литературные портреты. М., 2009. С. 82–84.

весную неводержанность полагались штрафы и конфискация имущества, то рукоприкладство каралось *политической смертью*. То ли призывы Петра к благочинию не возымели действия, то ли император резонно полагал, что нравы не улучшаются одним росчерком пера, но в начале 1724 года именной указ «о наказании за бесчинство» был повторен с расширенным толкованием. Власть неукоснительно требовала пристойного поведения в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судебных местах, апеллируя к образу Высшего Судьи и называя любой суд *Судом Божиим*. И, наконец, буквально на следующий день последовал еще один устрашающий указ «о важности государственных уставов», чтобы неведением, «как в деле Шафирова», никто не отговаривался<sup>51</sup>. Приблизительно в это же время *политической смертью* пригрозили ловким приказчикам в случае, если они посмеют утаивать крепостные души без ведома помещика<sup>52</sup>.

После кончины Петра и известного перераспределения политического влияния при дворе был издан уже упоминавшийся указ «О внесении в Верховный тайный совет экстрактов из дел уголовных для доклада Ее Величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти»<sup>53</sup>. При всех изменениях в структуре государственного управления этот документ сохранял свою актуальность на протяжении краткого царствования Петра II и всего правления Анны Иоанновны. Указ, с одной стороны, ставил под более жесткий контроль принимаемые на местах резолюции по уголовным преступлениям, а с другой — еще раз напоминал всем подданным, что высший суд остается исключительной прерогативой венценосной особы. В то же время сама ситуация разрешения участи колодников у подножия престола в целом способствовала сокращению числа «смертных сентенций». Сравнение «мнений» полицейстерских контор и канцелярий и окончательных приговоров показывает явную гуманизацию выносимых вердиктов по мере их продвижения к вершинам власти.

<sup>51</sup> ПСЗ. Т. VII. № 4337. С. 142–143. 1723. 24 октября; № 4431. С. 214–215. 1724. 21 января; № 4436. С. 216. 1724. 22 января.

<sup>52</sup> Там же. № 4343. С. 146. 1723. 5 ноября.

<sup>53</sup> Там же. № 4964. С. 700. 1726. 8 октября.

Так, граф Б.-Х. Миних, возглавивший в 1732 году ко всем своим регалиям и должностям еще и Петербургскую полицмейстерскую канцелярию, лично рассматривал дело ямщика Никиты Гайгарова, присланное из ямской конторы Московской ямской слободы. Этот Никита Гайгаров, бесчинствовавший на дорогах от Петербурга к Красному кабаку и Екатерингофу, «с огня и с розысков» повинился в одном убийстве, двух разбоях и четырех грабежах. Полицмейстерская канцелярия требовала смертную казнь через повешение за ребро, Правительствующий сенат по доношению Миниха ограничился «более легкой смертью» и воздаянием за душу погибшего: «...повесить в том месте, где он смертное убийство совершил»<sup>54</sup>. А вот в случае с посадским человеком Кондратием Пикиным казнь вообще была заменена ссылкой в Рогервик. Сведения, поступившие в полицмейстерскую канцелярию от генерал-инспектора Карла Гохмута, обнаруживали, что этот Пикин, будучи в услужении у самого Ягужинского, украл из казенной палаты деньги, а из гостиного двора детские вещи, серебряное кружево и занавески. Отсутствие обвинений в убийствах и разбоях показалось неубедительным, и канцелярия настаивала на смертной экзекуции. Миних же решил ограничиться наказанием кнутом, вырезанием ноздрей и каторгой<sup>55</sup>.

Однако, несмотря на издание в 1726 году указа о запрещении вершить не только смертную казнь, но и политическую смерть без ведома высших государственных органов и доклада императрице, на протяжении всех последующих лет приговоры к *политической смерти* не выносились. Более того, сам этот термин практически исчез из законодательных документов. При этом симптоматично, что *положение на плаху* как форма помилования сохранялось в практике уголовных наказаний, однако *политической смертью* данная экзекуция не именовалась. Так, в 1739 году Сенат постановил: крестьянину Семену Степанову за растление малолетней девочки Улиты, дочери солдата Ямбургского полка Луки Зуева, «сказав смерть, положить на плаху и, подняв с плахи, бить кнутом, и, вырезав ноздри, сослать в Оренбург на вечную работу»<sup>56</sup>.

<sup>54</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 781. Л. 324–234<sup>об</sup>, 325–328, 330.

<sup>55</sup> Там же. Л. 318–320.

<sup>56</sup> ПСЗ. Т. X. № 7882. С. 881. 1739. 24 августа.

Может быть, именно поэтому в самом начале правления Елизаветы Петровны дарование жизни под занесенным топором генерал-адмиралу и первому кабинет-министру А. И. Остерману было названо «всемилоостивейшим освобождением от смертной казни», а не *политической смертью*. Остерман обвинялся в сокрытии за-вещания императрицы Екатерины I, по которому власть должна была перейти к Елизавете Петровне, попытке возвести на российский престол сына мекленбургской принцессы Анны, а дочь Петра Великого выдать замуж за «чужеземного убогого принца». Вместе с Остерманом по этому политическому делу проходили еще пять весьма значительных фигур: уже упоминаемый фельдмаршал Б.-Х. Миних, вице-канцлер М. Г. Головкин, обер-гофмаршал Р.-Г. Левенвольд, президент Коммерц-коллегии К.-Л. Менгден и действительный статский советник И. Н. Темирязов. Сентенция, принятая Генеральным судом и Сенатом в полдень 15 января 1742 года, отличалась крайней суровостью: Миних был приговорен к четвертованию, Головкин, Левенвольд, Менгден и Темирязов — к отсечению головы, но самое жестокое наказание ожидало Остермана — его приказано было колесовать и тело на колесо положить<sup>57</sup>.

Однако мало кто из государственных персон ожидал высочайшей конфирмации кровавой экзекуции через полтора месяца после клятвы, данной императрицей перед образом Спаса, никогда более не вершить смертной казни. И хотя работа комиссии по делам титулованных преступников держалась в строжайшем секрете и никакого манифеста о приговоре опубликовано не было, вся политическая верхушка, включая посланников, была очень неплохо осведомлена. Спустя несколько часов после окончания следствия секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд уже доносил первому министру Августа III графу Г. Брюлю придворные сплетни, полученные от вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина: «Под величайшею тайною сказал он мне, что приговор оказался ужасным и что великий канцлер и генерал-прокурор<sup>58</sup> требовали, чтобы

<sup>57</sup> См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 7–20<sup>об</sup>. См. также: ПСЗ. Т. XI. № 8476. С. 342–344. 1741. 28 ноября; Т. XI. № 8506. С. 567–577. 1742. 22 января; Т. XI. № 8775. С. 880–884. 1743. 29 августа.

<sup>58</sup> Речь шла о преисполненных мстительных чувств князе А. М. Черкасском и князе Н. Ю. Трубецком.

граф Остерман был колесован, а фельдмаршал Миних — четвертован. Ее Величество императрица, однако, милосердна<sup>59</sup>. На следующий день, 16 января, именным указ, направленный в Сенат и Генеральный суд, освобождал преступников и от смертной казни, и от «тяжкого наказания», а также прописывал сценарий положения на плаху Остермана<sup>60</sup>. 17 января в 8 часов утра высочайшее решение было доведено до сведения Сената, тогда же были внесены и незначительные коррективы в процедуру объявления смертного приговора и помилования<sup>61</sup>.

Таким образом, исполнение неизвестной большинству жителей столицы сентенции сразу же приобрело оттенок продуманного назидательного представления, адресованного прежде всего простым подданным. 17 января 1742 года в Петербурге на всех улицах раздалась барабанная дробь и «во всенародное известие» объявили о назначенной на завтра публичной казни «злоумышленных врагов целостности империи», «чтоб всякого чина люди о сем ведали и для смотра приходили»<sup>62</sup>.

Ранним утром 18 января перед зданием двенадцати коллегий вокруг сооруженного эшафота выстроились солдаты Астраханского полка, сдерживающие многолюдную толпу. Однако зловещие приспособления для наказания несчастного Остермана, приговоренного к колесованию, отсутствовали — на помосте зрители заметили только две плахи и топор. Арестанты давно уже были доставлены из Петропавловской крепости в здание коллегий и дожидались своего выхода. Ровно в 10 часов показалась процессия: давно страдающего подагрой Остермана в парике, черной бархатной фуражке и лисьей шубе везли на крестьянских дровнях, остальные осужденные шли следом. Все шестеро были абсолютно спокойны, а Миних, вырядившийся почему-то в серый кафтан и ярко-красный военный плащ, даже вызывающе оживлен. Он дружески шутил с сопровождавшими его солдатами, убеждал их, что не струсит на эшафоте, как не трусил, когда водил их в атаку при

<sup>59</sup> Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 401–402.

<sup>60</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 5–6.

<sup>61</sup> Там же. Л. 22–23, 26–26<sup>об</sup>.

<sup>62</sup> Там же. Л. 21.

Ставучанах и Очакове, а караульному унтер-офицеру, расчувствовавшись, подарил кошелек с червонцами на память.

Остермана подняли на помост на носилках, усадили на стул и сорвали бархатную фуражку и парик. Он первым выслушал «объявление о винах и преступлениях», зачитанное секретарем Сената Семеном Орловым в присутствии генерал-лейтенанта и обер-камергера С. Л. Игнатьева и обер-секретаря Сената П. В. Севергина<sup>63</sup>. Приговор к колесованию тут же был заменен на отсечение головы<sup>64</sup>. Графа положили на плаху, расстегнули ворот рубахи, обнажили шею, один из палачей держал голову за волосы, другой вынимал топор. В это же мгновение был зачитан указ о помиловании и ссылке на вечное жительство в уже печально известный Березов. После этого бывший первый министр невозмутимо приподнялся<sup>65</sup>, застегнул ворот рубахи, попросил вернуть «парик и колпак»<sup>66</sup> и, не проронив более не слова, спокойно наблюдал за процедурой обвинения и затем провозглашения смягченного приговора прочим осужденным<sup>67</sup>. Плаха так и осталась неокровавленной, преступники избежали даже публичного наказания кнутом, спектакль был завершен, а собравшаяся на площади чернь осталась без зрелищ. «Вообще вся эта трагическая история, — в тот же день сообщал

<sup>63</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 41<sup>об</sup>.

<sup>64</sup> Е. В. Анисимов остроумно замечает, что «казнь первого министра правительствы Анны Леопольдовны А. И. Остермана была уникальна, так как содержала двойное помилование» (Анисимов Е. В. Народу у эшафота // Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University. 1997. С. 61).

<sup>65</sup> Упоминание историка Костомарова о том, что ни о чем не ведавший палач, услышав о помиловании, в сердцах пнул ногой старика, не подтверждается данными присутствовавших на казни очевидцев, в частности Пецольда и английского посланника Э. Финча (*Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. СПб., 1888. Т. 2. Вып. 7. С. 78). См., например: *Kleff B. Graf Ostermann* // Bochum. Ein Heimatbuch. Bochum, 1938. Bd. 4. S. 38–40.

<sup>66</sup> См. замечания Э. Финча: *Пекарский П. П.* Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1868. С. 523.

<sup>67</sup> См. об этом: *Галем Г.* Жизнь графа Миниха, императорского русского генерал-фельдмаршала. М., 1806. С. 217–219; *Шишкин И. И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // Отечественные записки. 1858. Т. 118. С. 349–351; *Каратыгин П. П.* Семейные отношения графа А. И. Остермана // Исторический вестник. 1884. Сентябрь. Т. XVII. С. 613–615; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М. 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 138–141.

Пецольд своему королю, — прошла без малейшего беспорядка, некоторые из народа, недовольные тем, что никто из осужденных не был казнен смертью, были тот час же приведены к совершенному молчанию»<sup>68</sup>. При этом посланник недоуменно добавлял: «Никто не может с достоверностью сказать, знал ли граф Остерман о том, что он будет помилован или нет»<sup>69</sup>. Между тем сам факт объявления во всенародное известие манифеста «о важнейших винах и преступлениях» осужденных лишь спустя две недели после состоявшегося помилования позволяет предположить, что в день казни у здания двенадцати коллегий собралась толпа зрителей и узкий круг посвященных участников театрализации смертной экзекуции<sup>70</sup>.

После виртуальной расправы с Остерманом и прочими высокопоставленными «злодеями» термин *политическая смерть* прочно укрепляется в языке законодательных актов и употребляется, как правило, вместе с понятием *смертная казнь*. При этом в ситуации моратория на высшую меру наказания значение политической смерти, а также четкого понимания ее процедуры и обряда особенно возрастало.

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Не далее как летом 1743 года вопрос о соотношении этих двух видов столь зловещих приговоров встал уже в дипломатическом контек-

---

<sup>68</sup> Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 409–410.

<sup>69</sup> Там же. С. 409–410.

<sup>70</sup> Ср.: Манифест о вступлении на престол государыни императрицы Елизаветы Петровны с изъяснением преимущественного права Ее Величества на императорскую корону (ПСЗ. Т. XI. № 8476. С. 542–544. 1741. 28 ноября); манифест об отмене смертной казни приговоренным к оной генеральным судом государственным преступникам Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темирязеву (ПСЗ. Т. XI. № 8506. С. 567–577. 1742. 22 января); Указ о рассылке манифеста от 22 января 1742 года о важнейших винах и преступлениях, бывших генерала адмирала Андрея Остермана, фельдмаршала Миниха, вице-канцлера Михаила Головкина... Б. м., 1742. 2 февраля; Манифест о злодейственных умыслах разных преступников противу Ее Императорского Величества и об учиненных им наказаниях (ПСЗ. Т. X. № 8775. С. 880–884. 1743. 29 августа).

сте. Шли последние недели затянувшихся переговоров в ходе реваншистской Русско-шведской войны, так и не позволившей Стокгольму пересмотреть условия Ништадтского мира. Международные амбиции России были уже не столь высокими, а положение императрицы, недавно взойшедшей на престол в результате дворцового переворота, не столь прочным, как у ее венценосного отца двадцать лет назад. Любая политическая оплошность могла привести к срыву подписания так называемого «Уверительного акта»<sup>71</sup>, поэтому Елизавета Петровна была весьма разгневана, когда получила от главнокомандующего П.П. Ласси донесение о случаях мародерства и даже убийства мирных шведских подданных русскими солдатами. Ситуация усугублялась тем, что, по всей вероятности, пострадали даже не шведы, а финны, которым Елизавета за нейтралитет во время военных действий обещала спокойствие и поддержку в борьбе за суверенное государство. Решение о неприменении смертной казни приходило теперь в противоречие не только с приговором главнокомандующего, но и с дипломатическими расчетами.

Выход был найден в сфере терминологии: в обращении к шведскому канцлеру использовалось туманное понятие *политическая смерть*. Спустя несколько дней императрица писала главнокомандующему: «Господин генерал-фельдмаршал, по сентенции приговорено убийцев и грабителей всех колесовать, а капрала и ефрейтора, которые оных для добычи отпускали, расстрелять... на оное наша резолюция сия есть: хотя они и достойны за свое злодейство по закону Божию и по правам государственным наижесточайшей смертной казни, однако Мы, от милосердия Нашего, смерти предать их не хотим... и о том вы от себя к графу Шленбургу отпишите, что мы таким преступникам никакого упущения чинить не велим, а что их смертью казнить не велели, то объяви, что Мы всякие смертные преступления не натуральною, но политическою смертию наказывать установили»<sup>72</sup>. Попыталась Елизавета смягчить

---

<sup>71</sup> См. об этом: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 222–223; Писаренко К. А. Абоский мир 1743 года // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 106–113.

<sup>72</sup> Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. СПб., 1902. Т. II. С. 972–973; См. также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262–263<sup>об</sup>; Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4; Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 651.

оскорбленные чувства не только канцлера Карла Шленбурга (или Гилленборга), но и местных жителей, приказав наказать преступников «там же, где они то злодейство учинили, при шведских депутатах, которым, отыскав, все пограбленное отдать»<sup>73</sup>.

Сама сентенция была рассчитана на ее публичный характер и в целом соответствовала приговорам, предусмотренным Соборным уложением: «Настоящим убийцам отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, послать в вечную работу, а капрала и ефрейтора бить кнутом и, вырезав ноздри, тако ж вечно в работу послать в Сибирь, а которые то грабленое принимали, тех шпицрутен гонять и на три года в каторжную работу послать»<sup>74</sup>.

Данный указ от 2 августа 1743 года, не вошедший, кстати сказать, в Полное собрание законов, остался бы без особых последствий, если бы не терминологический реверанс в сторону шведского канцлера. Но упоминание о «политической смерти», которая заключается в отсечении правой руки и заменяет собой смертную казнь, породит проблемы в сфере реализации уголовного законодательства в XVIII веке, искажение в наименовании законов во время кодификации и, наконец, ошибочные выводы в историографии, интерпретирующей мораторий на смертную казнь в царствование Елизаветы.

Во-первых, указ, рассчитанный на дипломатический резонанс и связанный с конкретным фактом мародерства на чужой территории во время мирных переговоров, явно приходил в противоречие с общим мораторием и на политическую смерть, и на смертную казнь. Кроме того, форма публичного наказания бесчинствующих солдат русской армии, представленная в данном указе как политическая смерть и сводящаяся к отсечению правой руки, не соответствовала уже существующему обряду «сказания смерти и положения на плаху». Во-вторых, единственный раз, в 1743 году,

---

<sup>73</sup> Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. II. С. 972–973.

<sup>74</sup> Там же; См. об этом также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262–263<sup>об</sup>; Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4; Писаренко К. А. Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XVIII. М., 1991. Вып. 18. С. 33, 45–46.

промелькнувший в законах тезис о замене смертной экзекуции политической смертью перекочевал в указ от 29 марта 1753 года в результате поиска сенаторами всех случаев упоминания данного термина и наконец определил название указа от 30 сентября 1754 года уже в процессе кодификации в XIX веке<sup>75</sup>. В-третьих, исходя из данного ошибочного определения основного смысла указа в ПСЗ, некоторые исследователи делали неправомерный вывод о существовании в годы правления Елизаветы Петровны практики замены смертной казни политической смертью<sup>76</sup>.

В действительности же натуральная смерть и инсценировка вынесения смертного приговора расценивались как почти равнозначные высшие меры наказания, на которые и накладывалось запрещение вершить без санкции Сената и высочайшей конфирмации. Более того, смерть и ее публичная имитация настолько тесно сливались в формулировках сентенций, что неизбежно возникал некий терминологический конфликт и потребность в более четких определениях. Проблема дефиниций усугублялась еще и тем, что приговоры к смертной казни и политической смерти должны были оставаться на бумаге. Отчасти поэтому сенаторы избирали путь введения очевидных визуальных отличий помилованных преступников.

Весной 1746 года на имя императрицы поступает доклад за подписью И. Ю. Трубецкого, А. И. Ушакова, А. Б. Куракина, А. И. Румянцева, А. Б. Бутурлина, И. И. Бахметева, П. И. Шувалова и А. Д. Голицына, по которому предлагается «подлежащи[м] к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу “В”, а на щеках на одной “О”, а на другой “Р”»,

---

<sup>75</sup> Несмотря на то что в указе 30 сентября 1754 года ни слова не говорится о замене смертной казни политической смертью, название этого указа дается в историографии по ПСЗ: «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о замене смертной казни политическою, с объяснением, что почитать сею казнию и что наказанием» (ср.: Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской: из Правительствующего Сената [30 сент. 1754]. [СПб.] Печатан по определению Правительствующего Сената при Императорском Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 22 апр. 1776; ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235–236. 1754. 30 сентября).

<sup>76</sup> См., например: Смерть политическая // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXX<sup>А</sup>. С. 523–524; Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 556.

а осужденным на политическую смерть «чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей». После экзекуции все заклеянные преступники в кандалах должны отправляться «в вечную тяжелую и всегдашнюю работу». В данном докладе в общих чертах прописывался и обряд *политической смерти*: «...ежели кто положен будет на плаху или взведен будет на виселицу, а потом объявлена им будет Ее Императорского Величества милость»<sup>77</sup>. Однако статус закона получили лишь некоторые нововведения сенаторов, и то с орфографическими коррективами. 9 июня 1746 года был издан именной указ «О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников словом *вор*, означая на лбу “ВО”, на правой щеке “Р”, а на левой — “Ъ”»<sup>78</sup>. Речь, разумеется, шла только о несмываемом позоре и бессмысленности любого побега осужденных на смертную казнь. Судьба приговоренных к политической смерти, как и содержание самого понятия, оставалась пока без высочайшей конфирмации. Доклад подносился Елизавете Петровне еще несколько раз, в 1746 и 1750 годах, но лишь в 1753-м получил императорскую резолюцию<sup>79</sup>.

В исследовательской литературе высказывается предположение, что самодержица хранила молчание несколько лет, так как терпеливо выжидала, когда несколько смягчится позиция сенаторов, стремящихся «компенсировать “натуральную смерть” увеличением физических мучений»<sup>80</sup>. Однако решение, касающееся страшной отметки «ВОР», было принято незамедлительно. А из текста доклада следует, что, напротив, его авторы предлагали не калечить преступников, как указывалось в распоряжении генералу Ласси периода Русско-шведской войны, а использовать их труд, причем не столько из христианской жалости, сколько из прагматичного расчета. «Сенат приемлет смелость всеподданнейше донести, что [ежели] отсець по правой руке и, вырезав ноздри, ссылать в вечную работу, [то] такие безрукие ни к каким уже работам

<sup>77</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 11–16<sup>об</sup>.

<sup>78</sup> ПСЗ. Т. XII. № 9293. С. 558. 1746. 9 июня. В 1754 году вернулись к более рациональному варианту «ВОР» без «Ъ» (ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235. 1754. 30 сентября).

<sup>79</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 33–34.

<sup>80</sup> См., например: *Писаренко К. А.* Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. С. 33–50.

действительны быть не могут, но токмо туне получать себе будут пропитание»<sup>81</sup>.

Наконец в 1753 году было дано более развернутое толкование *политической смерти*, которое, однако, ограничивалось описанием уже известного ритуала и наказанием, заменяющим вынесенный приговор. «Сенат рассуждает: политическою смертью должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или возведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания, только вечной ссылк[ой]»<sup>82</sup>. Кажущаяся противоречивость данной трактовки заключалась в том, что приговоры к политической смерти оставались без приведения в исполнение, а кнут, вырезание ноздрей и ссылка за «воровство и разбои» применялись повсеместно без каких-либо докладов в Сенат и *политической смертью* не считались. Таким образом, под ту или иную форму высочайшего запрета попадала не только смертная казнь, но и ее инсценировка, практически приравниваемая маторием к смертной экзекуции по тяжести наказания.

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ И ШЕЛЬМОВАНИЕ

Руководствуясь современным здравым смыслом, *политическую смерть* логичнее было бы уподобить *шельмованию*<sup>83</sup>, однако в русском законодательстве XVIII века эти понятия ни разу не отождествлялись, более того, в указах о шельмовании термин *политическая смерть* вообще не упоминался. Воинский устав, Морской устав, Генеральный регламент и ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с «тяжелым чести нарушением». Позорное клеймо

<sup>81</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14–16<sup>об</sup>.

<sup>82</sup> ПСЗ. Т. XIII. № 10087. С. 819–820. 1753. 29 марта. Доклад Сената был подтвержден императрицей и подтвержден спустя год (ПСЗ. Т. XIV. № 10101. С. 838–839. 1753. 25 мая; № 10306. С. 235–236. 1754. 30 сентября); РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14–16<sup>об</sup>, 38–40.

<sup>83</sup> Так, например, Е. В. Анисимов полагает, что шельмование как вид наказания было близко к политической смерти, которая, в отличие от натуральной смерти, не была физическим уничтожением преступника, а уничтожала человека как члена общества (Анисимов Е. В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. С. 246–248).

«ошельмованного» человек получал в результате оскорбительных для личностного и сословного достоинства ситуаций: пытка, телесные наказания, «пребывание в руках палаческих» или просто обнажение в публичном месте; именоване «вором» (что значит «шельма»), прибитое на виселице имя; переломленная от палача шпага, пощечина в присутствии свидетелей, испрашивание прощения на коленях и т. п.<sup>84</sup>

В начале XVIII века, когда, собственно, и стали практиковать такое наказание, как *шельмование*, отношение к осужденным, «из числа добрых людей извергнутых», строго регламентировалось. Эти несчастные оказывались как бы вне закона и общества — их не разрешалось «в какое-либо дело, ниже свидетельство принимать», им нельзя было находиться на статской или военной службе, их без всяких последствий можно было ограбить и избить, поскольку они не имели права обращаться в суд с челобитной<sup>85</sup>. Но главное наказание для ошельмованного заключалось, по мысли Петра, в изоляции от людей — под угрозой лишения чинов и ссылки на галеры запрещалось его «посещать и в компании допускать», «ибо, когда увидит, что он со своею братию в равенстве, то скоро забудет все, что ему учинено»<sup>86</sup>.

По всей видимости, современники постоянно нарушали столь психологически сложно выполнимое распоряжение, поскольку требование остракизма несколько раз повторялось в петровских указах, сопровождалось весьма эмоциональными толкованиями, но так и осталось благим пожеланием, постепенно вытесненным ограничениями в месте проживания и принесении присяги.

Характерно, что после уже упоминаемой экзекуции Петра Шафирова, побывавшего в «руках палаческих», многие люди у эшафота поздравляли его с неожиданным помилованием. Не менее дружелюбно были настроены гвардейцы по отношению к осужденным

<sup>84</sup> См.: ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 382, 410. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3534. С. 158–159. 1720. 28 февраля; Т. XI. № 8056. С. 73–75. 1740. 28 марта; Т. XV. № 11403. С. 884–885. 1762. 11 января; Т. XIX. № 13545. С. 179. 1770. 21 декабря; Т. XXII. № 16566. С. 883. 1787. 27 августа; Т. XXIII. № 16910. С. 171. 1790. 23 октября; и др.

<sup>85</sup> См., например: ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 382, 410. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3534. С. 158–159. 1720. 28 февраля; Т. XV. № 11403. С. 884–885. 1762. 11 января; и др.

<sup>86</sup> ПСЗ. Т. VI. № 3534. С. 158–159. 1720. 28 февраля.

на публичную казнь противникам только что взошедшей на престол Елизаветы Петровны. «Солдаты, сопровождавшие Остермана и Миниха, Головкина и Левенвольде, обращались с ними весьма ласково, называли их “отцами родными” и всячески утешали»<sup>87</sup>, — сообщал очевидец событий секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд.

Несмотря на то что Петр в Генеральном регламенте пригрозил галерами за дружбу с ошельмованными, судебные преследования исключительно за эту провинность практически отсутствуют. Обвинения за подобные порочащие контакты встречаются лишь как дополнительные аргументы к многочисленным более тяжким преступлениям осужденных. Так в 1736 году был казнен иркутский вице-губернатор Алексей Жолобов за взятки, которые он, как выяснилось, ухитрялся брать со всех — дворян, посадских людей, казаков, ясачных иноверцев, китайских перебежчиков и даже тунгусских шаманов. Алчность этого чиновника впечатляла: все шло в дело — деньги, серебро, золото, бархат, парча, тюневая китайка, верблюды, лошади и т.д. Неудивительно, что ко всем прочим своеволиям этот зарвавшийся вице-губернатор «имел с подозрительными и шельмованными людьми весьма фамильярные дружеские обхождения», однако на плахе он оказался не за эту провинность<sup>88</sup>.

После правления Петра отношение законодательства не только к вступающим в контакт с публично наказанными, но и к самим ошельмованным стало более лояльным, а вернее сказать, прагматичным. В 1740 году разрешено было жить в Петербурге всем битым кнутом, кто имел в столице свой дом, торговые промыслы или просто не проходил по делу Тайной канцелярии, а также бедным солдатским, матросским и «других в службе обретающихся чинов» женам, которых пытали за проступки мужей<sup>89</sup>. В 1761 году помещики получили право ссылат в Нерчинский уезд не только

---

<sup>87</sup> Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. 1871. Т. VI. С. 410.

<sup>88</sup> См.: ПСЗ. Т. IX. № 7009. С. 876–879. 1736. 9 июля. См. об этом также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. X. Т. 19–20. С. 609.

<sup>89</sup> ПСЗ. Т. XI. № 8056. С. 73–75. 1740. 28 марта.

крестьян, которые «воровством, пьянством и прочими непристойными предерзостными поступками разорение приключают», но и наказанных кнутом, если они не старше 45 лет и годны к работе<sup>90</sup>. Иными словами, столица, а впоследствии Москва и губернские города закрывались только для так называемых публично наказанных беспаспортных разбойников и воров, людей подозрительных, празднующихся, от которых ничего, кроме злодейства, быть не может<sup>91</sup>.

Показательно, что в царствование Екатерины понятие *ошельмованные* в текстах указов полностью вытесняется определением *публично наказанные* с немаловажным добавлением — «по суду». Местом выселения для получивших удары кнутом становятся уездные города, где они зачисляются в рабочие люди<sup>92</sup>. Петровское требование объявления ошельмованных вне закона и их психологической изоляции ни разу не воспроизводится в законодательстве второй половины XVIII столетия.

Постепенно исчезают и случаи ритуального восстановления чести ошельмованных и их возвращения в «компанию человеческую»<sup>93</sup>. По петровскому законодательству прошедшие публичное наказание и каторгу офицеры и солдаты могли получить высочайшее прощение через обряд возложения на них знамени и вручения специального указа, подтверждающего снятие вины. Эти бывшие преступники вновь оказывались среди «добрых людей», и отныне никто, «ни мирской, ни духовный», не имел права напоминать им о прошлом<sup>94</sup>.

<sup>90</sup> ПСЗ. Т. XV. № 11216. С. 665–666. 1761. 15 марта.

<sup>91</sup> См.: ПСЗ. Т. XI. № 8056. С. 73–75. 1740. 28 марта; Т. XIX. № 13545. С. 179. 1770. 21 декабря.

<sup>92</sup> В 1790 году мещанин Максим Золотарев украл у купца Ивана Дорофеева ассигнации и платье, за что получил 20 ударов кнутом и был выслан из Москвы в Калужскую губернию. Калужское наместничество этого публично наказанного принимать в своих уездных городах не захотело, сославшись на отсутствие «о рабочих людях особого постановления», и предложило отправить вора в Тобольск. Сенат эту идею отверг и распорядился наказанных кнутом содержать под надзором городничего и употреблять в казенных или партикулярных работах (ПСЗ. Т. XXIII. № 16910. С. 171–172. 1790. 23 октября).

<sup>93</sup> Достоевский Ф. М. Преступление и наказание.

<sup>94</sup> ПСЗ. Т. VI. № 4083. С. 767–768. 1722. 4 сентября.

Практика данного символического действия, распространившегося также на находящихся на статской и придворной службе, сходит на нет вместе с термином *шельмование* приблизительно в начале правления Елизаветы Петровны<sup>95</sup>. Не случайно как раз в эти годы автор русского лексикона историк и государственный деятель В. Н. Татищев определял «исключение из числа добрых людей» понятием *политическая казнь*, но не *шельмование* и не *политическая смерть*. Среди символических манипуляций над преступником: преломление шпаги, изгнание из войска, объявление в суде «нечестным», клеймение, которые Татищев именовал *политической казнью*, — главный обряд *политической смерти* — «положение на плаху» — отсутствовал<sup>96</sup>.

Таким образом, настойчиво внедряемое Петром, но так и не вошедшее в судебную практику *шельмование* означало изгнание осужденного из общества и лишение его какой-либо защиты закона. Это жестокое, по-своему изощренное наказание никогда не именовалось *политической смертью*, которая максимально сближалась с натуральной именно в своей ритуальной части и также подлежала мораторию.

Однако если вопрос о *политической смерти* был для сенаторов и императрицы все же вопросом терминологии и судебной теории, то собственно приостановка смертной казни оказалась и практической, и более общей, мировоззренческой проблемой. Прежде

---

<sup>95</sup> В конце XVIII — начале XIX века появится публичное прощение дворянина, подвергнутого гражданской казни, а пока, в 1742 году, были изданы практически последние указы о театрализованном публичном прощении ошельмованных: указ Ее Императорского Величества об освобождении из ссылки и на публичном месте прикрытии знаменем секретаря придворной канторы Александра Яковлева (1742. 16 апреля); указ Ее Императорского Величества о возвращении из ссылки и публичном прощении бывшего генерала Федора Соймонова (1742. 14 марта) (РНБ. Русская книга гражданской печати XVIII в. 123/141). См. об этом также: Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 320.

<sup>96</sup> «Казнь политическая, когда кто из числа добрых людей извержен, и оно бывает без наказания, яко в войске, когда шпагу над ним переломят и из войска выгонят; 2) в гражданском суде, когда кого всенародно за нечестного объявят, хотя и без наказания телесного, всякой чести, достоинства и имени лиша, сошлют в ссылку; 3) когда знак положен будет, яко член тела отсечен, ноздри вырваны или железом горячим на лице знак положится» (*Татищев В. Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский*. СПб., 1793. Ч. 3. С. 123–124).

всего возникла неопределенность: что делать с увеличивающимся количеством татей, душегубов, фальшивомонетчиков и прочих «злодеев», которые, ожидая своей участи, требовали бдительной охраны и немалого «иждивения». Указ о приостановке смертной казни, как упоминалось, был подписан, но все приговоры оставались и без высочайшей конфирмации, и без изменения меры наказания. В марте 1746 года Сенат доносил, что получено уже 110 сведений об убийцах, 169 экстрактов по поводу воровства, разбоя и других вин, 151 человек осужден на вечную каторгу, кроме того в коллегиях, канцеляриях и губерниях находится в производстве еще 3579 дел, по которым, вероятно, преступники будут приговорены к смертной казни или политической смерти. Обрисовав ситуацию, сенаторы сами же и предложили императрице выход: «всех ссылатъ для работы в Рогервик»<sup>97</sup>.

#### «РЖАНОЙ ОСТРОВ» РОГЕРВИК

«Ржаным островом Rågervik», а вернее, заливом называли шведы редко замерзающую бухту в 50 километрах от Ревеля, которая в ходе Северной войны отошла России. Петр шесть раз посещал Рогервик, сам лично производил замеры глубины дна в гавани и принял решение строить здесь порт, а для защиты залива соорудить каменную насыпь от острова до материка. В 1718 году первый русский император лично присутствовал при закладке мола и крепости на берегу. Руководить работами было поручено потомку выходцев из Шотландии инженер-майору Иоганну Людвигу Люберасу, а вот первыми строителями в условиях отсутствия моратория на смертную казнь стали угрюмые и неподатливые, но в целом безобидные и, разумеется, бедные бородачи и раскольники. В 1722–1723 годах вышли два именных указа и «о ссылке в Рогервик не желающих брить бороды и не имеющих, чем заплатить штрафа», и «о посылании раскольников вместо Сибири в Рогервик на вечную работу»<sup>98</sup>. Число колодников, дробящих скалы и таскающих

<sup>97</sup> Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 642–643.

<sup>98</sup> ПСЗ. Т. VI. № 4041. С. 725. 1722. 28 июня; № 4109. С. 782. 1722. 15 октября; Т. VII. № 4256. С. 86–87. 1723. 28 июня.

неподъемные глыбы к морю, достигало иногда 3 тысяч<sup>99</sup>. Стройка расширялась, но судьбы этих гонимых за веру и традиции предков каменотесов не отпускали всемогущего императора-реформатора. В последних указах умирающего самодержца от 26 и 27 января 1725 года повелевалось освободить всех колодников, кроме убийц и грабителей, чтобы они молились Богу об облегчении скорби его величества<sup>100</sup>. 28 января Петра не стало. 30 января императрица Екатерина Алексеевна, видимо, заботясь о душе усопшего венценосного супруга, еще раз подтвердила амнистию осужденным не за тяжкие преступления<sup>101</sup>.

Монаршее милосердие и проявление христианской духовности на престоле, конечно, трогательно, но Рогервик опустел, и порт стало возводить некому. По докладу Любераса, в 1726 году в крепости оставалось только 450 человек, из которых 150 вскоре перевели на серебряные рудники в Нерчинск. К 1746 году Сенат обнаружил, что на острове «кроме мастеровых десяти человек никого нет и зачатое там строение не производится, плиты за долгим лежанием от мокроты и ненастья пришли в негодность, а мулия, сделанный тяжким трудом каторжных невольников, [почти весь] явился под водою»<sup>102</sup>. Обрисовав все представляющиеся выгоды содержания деревянного флота в почти незамерзающей защищенной бухте с соленой водой<sup>103</sup>, сенаторы предложили Елизавете Петровне возобновить работы в Рогервикской гавани.

<sup>99</sup> См. об этом, например: Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 639.

<sup>100</sup> ПСЗ. Т. VII. № 4638. С. 408. 1725. 26 января; № 4642. С. 409–410. 1725. 27 января.

<sup>101</sup> См.: ПСЗ. Т. VII. № 4645. С. 411–412. 1725. 30 января, а также другие указы Екатерины I, облегчающие положение колодников, «кроме обвиненных по первым двум пунктам, в смертоубийствах и неоднократных разбоях»: ПСЗ. Т. XVII. № 4655, 4968, 4970, 4985 и др.

<sup>102</sup> Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6. С. 639–642.

<sup>103</sup> Датский пастор Педер фон Хавен, путешествовавший по России, также отмечал преимущества бухты Рогервик и губительные недостатки Кронштадтского порта: «Сколько строилось новых кораблей, столько же из старых каждый год приходило в негодность. Главной причиной тому считали особенность воды в этой гавани, вот почему работы по устройству новой гавани, начатые императором Петром Первым, опять возобновлены» (*Хавен П.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 305).

Доклад Сената императрица получила в марте 1746 года, а уже в июле лично посетила Рогервик, где были запланированы показательные маневры 32 военных судов, не состоявшиеся, правда, из-за отсутствия попутного ветра. Елизавету Петровну сопровождал двор, представители знатнейших дворянских фамилий, наследник престола и его супруга великая княгиня Екатерина Алексеевна. Молодая немецкая принцесса разбила все ноги о скалистую поверхность острова и была, пожалуй, единственной из свиты, кто в своих записках обратил внимание на колодников Рогервикской гавани. «Почва этого местечка каменистая, — вспоминала Екатерина, — покрытая густым слоем мелкого булыжника. <...> Мы стояли здесь лагерем и должны были ходить по такому грунту в течение нескольких дней; у меня ноги болели потом целых четыре месяца. Каторжники, работавшие на моле, носили деревянные башмаки, и те не выдерживали больше восьмидесяти дней»<sup>104</sup>.

После посещения Елизаветы Петровны число этих «каторжников, работавших на моле» стремительно увеличилось<sup>105</sup>. Со всей России, кроме Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерний, потянулись колодники, осужденные на смертную казнь и политическую смерть<sup>106</sup>. Правда, мусульман, «трухменцев, калмык и прочих», закованных в ручные и ножные твердые кандалы под присмотром «надлежащего конвоя», гнали в Рогервик и из Астрахани и Оренбурга<sup>107</sup>. Женщины, повинные в тяжких пре-

---

<sup>104</sup> Записки императрицы Екатерины II. Лондон. 1859. С. 50 (в петербургском издании 1907 этот сюжет отсутствует, ср.: Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 92–93). См., например, воспоминания о посещении двором острова Рогервик в 1746 году: *Jetze F. Ch. Statistische, Politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief- und Rußland*. Liegnitz, 1788. S. 92–97, etc.; Императрица Елизавета Петровна в Ревеле в 1746 г. // Русская старина. 1885. Т. 46. № 5. С. 417–420; Поездка императрицы Елизаветы Петровны в Эстляндскую губернию. 1746 // Русский архив. 1895. Кн. III. № 9–12. С. 5–12 и проч.

<sup>105</sup> Только в 1751 году «определенных в рогервикскую работу колодников в присылке [было] около 2000 человек» (ПСЗ. Т. XIII. № 9871. С. 462–463. 1751. 31 июля; № 9872. С. 463–464. 1751. 31 июля).

<sup>106</sup> См., например: ПСЗ. Т. XIII. № 9943. С. 609. 1752. 23 февраля; Т. XIV. № 10541. С. 551–552. 1756. 12 апреля.

<sup>107</sup> Сенатский указ «об отсылке в Рогервик содержащихся в Оренбургской и Астраханской губерниях тяжких преступников: трухменцев, калмыков и прочих магометян» (ПСЗ. Т. XIV. № 10764. С. 795–796. 1757. 24 сентября).

ступлениях, в каменотесы не годились и поэтому отправлялись в Сибирь<sup>108</sup>.

В условиях моратория на высшую меру наказания подобная концентрация опасных преступников представлялась Сенату целесообразной, поскольку присутствие в городах таких «злодеев», которые по прежним временам давно бы уже оказались на плахе, было небезопасно. Эти каторжные невольники воровали, просили милостыню, пытались совершить побег, угрожали «иностранным персонам» и даже совершали нападения. Об одном таком осужденном в 1756 году доносила Главная полицмейстерская канцелярия. Еще в 1753 году майор Тютчев обнаружил у преступника Никиты Алексеева в мешке чугунное ядро, которое он купил в Петербурге на морском рынке за ветошным рядом. Этим ядром Алексей проломил головы трем купцам, украл у них шапки и рукавицы и продал на том же рынке. Орудовал он не только ядром, но и всем, что попадалось под руку. Так, вырвал балясину из палисадника и напал на иноземку, мирно идущую от Зимнего дворца, содрал с несчастной голубую атласную юбку с серебряной сеткой, да еще отпирался и выдавал эту юбку за заклад, взятый у матроса на каторжном дворе. Совладать с бандитом майор Тютчев не смог, чуть не получив по голове уже упоминаемым ядром. Было ясно, что место таким каторжанам если не на эшафоте, то уже явно не в городах, а на острове Рогервик<sup>109</sup>.

Публика на строительстве гавани изменилась по сравнению с петровскими временами. Теперь большинство составляли не сумрачные бородачи и раскольники, а смертные убийцы, разбойники и изготовители фальшивых векселей. Охрана каторжных была делом и опасным, и очень тяжелым, поскольку несение караула заключалось для офицеров и солдат в постоянном присутствии на молу в дождь, ветер и снег. По случаю знаменитому Андрею Болотову пришлось в 1755 году месяц нести вахту на острове Рогервик. «Честное или злодейское собрание», которое ежедневно

---

<sup>108</sup> Сенатский указ «о неотправлении в Рогервик женщин, осужденных к смертной казни; и об отсылке их в Сибирь на житье» (ПСЗ. Т. XIII. № 9911. С. 543–544. 1751. 28 ноября).

<sup>109</sup> См.: ПСЗ. Т. XIV. № 10541. С. 551–552. 1756. 12 апреля.

должен был перекликать по списку будущий мемуарист, поразило его своим многообразием. «Были тут, — вспоминает Болотов, — [люди] всякого рода, звания и чина: знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякого рода подлость... кроме русских, были тут люди и других народов, были французы, немцы, татары, черемисы и тому подобные»<sup>110</sup>. Чьи судьбы только не пересеклись с островом Рогервик: руководил инженерными работами в самый разгар строительства порта и мола, с 1752 по 1762 год, Абрам Петрович Ганнибал; а каторгу здесь отбывали и восставшие башкирцы, и шут Петра Иван Балакирев, и Салават Юлаев с отцом, и лихой Ванька Каин<sup>111</sup>.

Осужденные, избежавшие смертной казни и политической смерти, были обречены на мучения и довольно скорую кончину. «Каторжных водили на работу окруженных со всех сторон непрерывным рядом солдат с заряженными ружьями, — продолжает Болотов, — собственное жилище их построено в превеликом остроге, посреди которого огромная связь, разделенная внутри на разные казармы. Сии набиты полны злодеями, которых в мою бытность было около тысячи... Все без изъятия они закованы в кандалах, и многие имеют двойные и тройные железа»<sup>112</sup>. С 1753 по 1756 год на остров Рогервик прибыло 13 242 арестанта, из них умерло 13 101<sup>113</sup>. Так мораторий на смертную казнь превращался в отсроченную на несколько месяцев гибель.

Отсутствие будущего у каторжан драматизировалось полной бесперспективностью их тяжелейшего труда. Расчеты Любераса оказались неверными, а надежды Петра слишком оптимистичными. Под северным ветром, часто в дождь и по пояс в воде колодники набивали неподъемные клетки камнями и сбрасывали их на дно бухты. Но по мере продвижения в открытое море строитель-

---

<sup>110</sup> Болотов А. Т. Записки. СПб., 1870. Русская старина: приложение. Т. 1. С. 341–342.

<sup>111</sup> См., например: ПСЗ. Т. XIV. № 10705. С. 742–743. 1757. 18 марта; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. Т. 17–18. С. 539; Анисимов Е. В. Толпа героев XVIII века. М., 2013. С. 297; и др.

<sup>112</sup> Болотов А. Т. Записки. Т. 1. С. 341–342.

<sup>113</sup> См. об этом, например: История пролетариата СССР. 1933. № 13–16. С. 179.

ство все более осложнялось тем, что штормовые волны постоянно разрушали возводимую перегородку. Пришедшая к власти Екатерина учредила специальную комиссию, которой поручалось подготовить мнение о строительстве Рогервикской гавани. Выяснилось, что «сделанная уже моля имеет в себе великие расседины и большие осадки, а порой и совсем под воду уходит; глубина и случающиеся морские бури в ничто обращают все, что несказанным трудом сделано»<sup>114</sup>. В 1764 году императрица вновь лично посетила Рогервик на корабле «Святой Климент папа Римский», правда, повезло ей больше, чем «тетке Елизавете Петровне», и попутный ветер был достаточно сильным и позволил развернуть перед монархиней театрализованное сражение.

В течение последней трети XVIII века стройка в гавани была закрыта, Рогервик переименован в Балтийский порт, затем включен в Ревельскую губернию как заштатный город с гербом, изображающим часть моря с гаванью, башней и штандартом на серебряном поле. Мол постепенно скрылся под водой, в результате чего образовалась отмель, а крепость с пятью бастионами в форме звезды по голландскому проекту жители приспособили для выгона скота. Выживших колодников, «дабы они праздно не были», отправили в Нерчинск добывать столь необходимое империи серебро. Вопрос о том, что делать с преступниками, осужденными на смертную казнь и политическую смерть, как и о возможности подобных приговоров, в этих указах вообще не поднимался<sup>115</sup>.

Между тем в годы правления Елизаветы Петровны, несмотря на бесперспективность строительства, рогервикская каторга имела важную функцию колоссальной тюрьмы в условиях твердо проводимого императрицей моратория на высшую меру наказания. И хотя, казалось бы, практическая сторона дела была урегулирована, подспудное противоречие между политической элитой и властью в вопросе о смертной казни оставалось.

---

<sup>114</sup> ПСЗ. Т. XVIII. № 13200. С. 763–768. 1768. 18 ноября.

<sup>115</sup> См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11639. С. 48. 1762. 8 августа; № 11648. С. 57. 1762. 20 августа; Т. XXI. № 15774. С. 967. 1785. 3 июля; Т. XXII. № 16716. С. 1114–1115. 1788. 4 октября.

## «СЕНАТ ВЕЛИКОЕ ОПАСЕНИЕ ИМЕЕТ»

Недоумение сенаторы высказали осенью 1743 года сразу же после послания императрицы фельдмаршалу П. П. Ласси, в котором она распорядилась поставить Стокгольм в известность о замене в России смертной казни на политическую смерть даже за такие страшные преступления, как обиды шведским подданным. Настойчивость Елизаветы, которая отчетливо проявилась в собственноручном высочайшем распоряжении, написанном прямо на докладе Сената, о приостановке экзекуций колодникам в мае 1744 года еще более накалила страсти.

Сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвинули сразу несколько аргументов против моратория на смертную казнь. Во-первых, они полагали, что число всех этих оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти. Армию преступников крайне сложно удержать в повиновении, начнутся побегі, наказания несчастных караульщиков и разорение порядочных подданных. Во-вторых, сами эти подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями. Прибегли сановники и к такому аргументу, значимому, с их точки зрения, для «веселой царицы»<sup>116</sup>, как трудоемкость личного выслушивания докладов по каждому преступнику: «...никак время к тому доставать не будет, а колодники час от часу будут умножаться». В результате они робко предложили представлять на высочайшее рассмотрение только дела осужденных на смертную казнь, а политическую смерть вершить, как прежде, на уровне губерний и провинций. На все эти многостраничные протоколы императрица ответила одним распоряжением: четко определить понятие «политическая смерть» и указать «за какие вины положена», экзекуции же не вершить<sup>117</sup>.

<sup>116</sup> По выражению А. К. Толстого.

<sup>117</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 1–4, 5<sup>об</sup>, 10–10<sup>об</sup>; Д. 1023. Л. 14–16<sup>об</sup>. Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 651; СПб., 1893. Т. 6. С. 62, 642. См. об

Таким образом мнение правящей элиты в самодержавной России с легкостью игнорировалось, а мораторий на смертную казнь и политическую смерть был установлен и неукоснительно исполнялся. Однако противоречия, скрытые за верноподданнической стилистикой сенатских докладов, отчетливо проявились при составлении так и не завершенного текста нового уложения.

В августе 1754 года по представлению П. И. Шувалова за «сочинение ясных и понятных законов» заседа специально созданная при Сенате комиссия<sup>118</sup> в составе генерал-майора Ивана Дивова, вице-президента юстиц-коллегии Федора Эмме, обер-секретаря Сената Александра Глебова, коллежского асессора Василия Ляпунова, бургомистра главного магистрата Ивана Вихляева, главного судьи сысского приказа Никиты Безобразова и главного судьи судного приказа Ивана Юшкова, а также профессора Академии наук Штрубе де Пирмонта. Все эти «законотолкователи и законоискусники» получили в помощь опытных канцеляристов, а также средства из штатс-конторы на бумагу, чернила, сургуч, дрова и свечи. Им предстояло написать проект будущего уложения, включающий четыре части: «о суде», «о различных состояниях подданных», «о движимом и недвижимом имении», «о казнях, наказаниях и штрафах»<sup>119</sup>. Через год были готовы две, наиболее проработанные, с точки зрения комиссии, части, так называемые «судная» и «криминальная». Однако, по всей видимости, воск и перья тратились впустую — Елизавета до 1759 года хранила молчание по поводу представленного ей проекта, затем приказала исправить текст и закончить две другие части. Комиссия была усилена сенаторами Романом Воронцовым и Михаилом Шаховским<sup>120</sup>, и в роковом для императрицы 1761 году в ее руках оказался труд

---

этом также: *Писаренко К. А.* Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743–1744 гг. С. 33, 44–48.

<sup>118</sup> В целом о работе комиссии см. подробнее: *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 39–53.

<sup>119</sup> См., например: ПСЗ. Т. XIV. № 10283. С. 201–209. 1754. 24 августа.

<sup>120</sup> ПСЗ. Т. XV. № 11335. С. 793. 1761. 29 сентября. Место выбывших А. И. Глебова, И. И. Вихляева и Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта заняли А. П. Квашнин-Самарин и А. М. Еропкин.

в виде рукописи, призванной обратить высочайшее внимание на действительно тщательное исследование вопроса и включающей «прежней комиссии рассуждения» и то, что «ныне комиссией рассуждено»<sup>121</sup>.

Однако на первый взгляд в статьях присутствовала лишь преемственность с Соборным уложением, Воинским артикулом, Морским уставом, Генеральным регламентом, с одной стороны, и обнаруживалось полное забвение всех указов правящей монархии, касающихся смертной казни и политической смерти, — с другой. После десятилетия практически существующего моратория на исполнение подобных приговоров сфера действия высшей меры наказания была расширена, а сама процедура казни стала более жестокой. По проекту лишались жизни не только разбойники, душегубы и фальшивомонетчики: на плаху можно было угодить за кражу свыше 40 рублей, любую третью кражу, ввоз медных денег из-за границы, ограбление могил, повреждение чужого здоровья через корни, а также за умышленное недоведение до сведения подданных губернаторами или воеводами указов, объявленных во всеобщее известие, и т. д.<sup>122</sup>

Иными словами, смертная казнь провозглашалась единственной или максимальной санкцией за огромный спектр деяний: преступления против веры, церкви, власти, порядка, за убийства, грабежи, разбои, воровство, контрабанду, колдовство, блуд, соучастие, доношительство и т. д.

Способы лишения преступников жизни также не свидетельствовали о гуманизации уголовного права. Члены комиссии в этом вопросе проявили особую изобретательность и воспроизвели самые разные формы смертных экзекуций: помимо банального отсечения головы, преступника можно было четвертовать, повесить за ребро, сжечь, залить горло свинцом и даже разорвать пятью

---

<sup>121</sup> Правка вносилась в эти части проекта уложения и после смерти Елизаветы Петровны при новом императоре Петре III.

<sup>122</sup> Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства преступления казни, наказания и штрафы положены) / Под ред. А. А. Востокова. СПб., 1882. С. 120–121, 143–144, 148, 171 и др.

запряженными лошадьми на пять частей<sup>123</sup>, что вообще являлось новшеством для русской традиции<sup>124</sup>.

Между тем в данном контексте проект нового уложения нельзя считать какой-то своеобразной формой законотворческой фронды Сенатской комиссии. Ведь во время правления Елизаветы Петровны речь шла не о смягчении уловного законодательства, а о правиле обязательной высочайшей конфирмации всех приговоров к смертной казни и политической смерти, которое, кстати, вообще не было доведено до сведения большей части подданных. Что же касается собственно подтверждения приговора, то авторы резонно предложили снизить уровень, на котором окончательно провозглашались сентенции, и подойти дифференцированно к личности преступников. Иными словами, предлагалось судьбу колодников, принадлежащих к дворянству и купечеству первой гильдии, решать на уровне Сената, а дела «подлых и бесчиновных злодеев» рассматривать не выше губернии или, в крайнем случае, Юстиц-коллегии. В том, что конфирмация последует, у комиссии сомнений не возникало, поэтому «без всяких отлагательств» осужденным предназначалось две недели покаяния, причастие и на другой день казнь, правда не в городе, но «в пристойном публичном месте» недалеко от города<sup>125</sup>, а также публикация во всенародное известие о винах преступника и самой экзекуции<sup>126</sup>.

Очевидно, что именно здесь прагматика данного подхода шла вразрез с мировоззренческим оттенком указов императрицы, под-

---

<sup>123</sup> Такая страшная казнь, по мнению авторов первого варианта проекта, следовала за «злое дело на дражайшее здоровье» императора. Во втором варианте разрывание на пять частей великодушно заменили четвертованием (Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 76).

<sup>124</sup> Колесование предполагалось, например, за убийство в присутствии императора, грабителя вешали за ребро, изготовители фальшивых денег по обычаю получали в горло расплавленный свинец, а поджигателей и недоносителей на них, соответственно, сжигали и проч. (Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 68–69, 76, 92, 103–106, 111, 137–143, 143–144 и т. д.). Странно, что авторы упустили посадение на кол и «окопание в землю».

<sup>125</sup> Как пелось в знаменитой песне: «Я за то тебя, детинушка, пожалуй среди поля хоромами высокими, что двумя столбами с перекладиной» (Пушкин А. С. Капитанская дочка).

<sup>126</sup> Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 54–57.

разумевающим запрет без высочайшей конфирмации вершить смертную казнь и политическую смерть за любые преступления, совершенные любым человеком без различия чинов и достоинства, о чем свидетельствовал и социальный состав сосланных на рогервикскую каторгу.

В отношении трактовки *политической смерти* расхождения между законодательством последнего десятилетия и новым уголовным уложением оказались еще более глубокими, будто и не было терминологических изысканий Сената и в конце концов сформулированного понятия за несколько месяцев до начала работы над проектом. В собственном определении авторы полностью проигнорировали главную ритуальную составляющую *политической смерти* — *положение на плаху или возведение на виселицу*. Зато упомянули постепенно входящую в русский язык кальку *гражданская смерть*, соединили ее с почти архаичным *шельмованием*, добавили абстрактные для России XVIII века понятия *гражданское общество* и *лишение гражданства* и ограничили сферу действия *политической смерти* представителями высшего сословия, которые только и могли лишаться «чинов и имения».

В результате статья о политической смерти вообще оказалась малоприспособленной для реального судопроизводства: «А политическая, то есть гражданская смерть, состоит в том, когда кто в отдаленные места с наказанием или без наказания на казенную работу или для содержания в вечном заключении, ссылке с лишением всех чинов и имения приговорен, или приговором ошельмован, ибо все оные люди от всякого гражданского общества вовсе выключены... выключая таких, которые за вины свои хотя в кацких<sup>127</sup> руках были и кнутом на публичном месте сечены, токмо гражданства не лишены и не шельмованы, хотя пытаны, токмо по делу судейским приговором оправлены»<sup>128</sup>. Неудивительно, что в проекте не указано ни одного преступления, за которое полагалась бы политическая смерть. В тексте это понятие вообще встречается только один раз в качестве термина, которому дается приведенное толкование. Извлеченное из петровских указов *шельмование* назначается за лже-

<sup>127</sup> То есть в руках палача.

<sup>128</sup> Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 55–56.

свидетельство и пасквили и в статьях, описывающих данные деяния, никак с *политической смертью* не связывается<sup>129</sup>.

Ситуация с подготовкой уложения и позицией Елизаветы Петровны выглядит еще более невероятной, если учесть, что перед началом работы комиссии над второй редакцией проекта кабинет-министр Адам Олсуфьев словесно объявил, что «Ее Императорское Величество высочайше повелеть соизволила в оном новосочиняемом уложении за подлежащие вины смертной казни не писать»<sup>130</sup>. После этого последовали указы о выборе в городах дворян и купцов для «слушания новосоставленного уложения»<sup>131</sup>. Таким образом, предметом публичного обсуждения мог стать вопрос не просто о моратории на смертную казнь и политическую смерть, а о принципиальном изменении уголовного права. Однако исправленный вариант проекта мало чем отличался от первоначального, практически ужесточающего применение высшей меры даже по сравнению с петровским законодательством, если не считать великодушную замену разрывания осужденного пятью лошадьми четвертованием. Сейчас становится ясно, что императрица не уступила бы и лишь ее кончина прервала невиданное в России противостояние самодержца и политической элиты по поводу гуманизации наказаний за тяжкие преступления.

### «ЗНАМЕНИТЫЙ ПРИМЕР ИМПЕРАТРИЦЫ МОСКОВИИ»

Таким образом, в середине XVIII века в Российской империи более 20 лет неукоснительно соблюдался мораторий на смертную казнь. Факт уникальный не только для русской истории, но и для истории всех государств Нового времени остался, однако, без глубокого

---

<sup>129</sup> Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. 184, 189, 197.

<sup>130</sup> РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 41. Ч. 6. Л. 15. См. об этом: *Сергеевский Н. Г.* Предисловие // Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов. С. XIV; *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая. СПб., 1902. Т. II. С. 972–973; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 42.

<sup>131</sup> См.: ПСЗ. Т. XV. № 11335. С. 792–794. 1761. 29 сентября; № 11378. С. 862–863. 1761. 8 декабря.

осмысления и интерпретации<sup>132</sup>. Сцена клятвы императрицы перед иконой Спаса не лишать ни одного подданного жизни, описанная Щербатовым и некоторыми посланниками при русском дворе, была воспроизведена во многих исследовательских трудах, но не получила должных научных комментариев. Между тем отношение власти, политической элиты и в целом современников к смертной казни является важной характеристикой состояния умов в обществе.

В данном случае, во-первых, налицо очевидные коллизии сознания отдельной личности. В отчаянных жизненных ситуациях человеку свойственно обращаться к Богу и надеяться на чудо, когда, кажется, никто не может помочь и ничто не может спасти. В зависимости от индивидуального опыта, религии, глубины собственных духовных переживаний эти иррациональные «договоренности» со Всевышним могут облекаться в самые неожиданные формулировки<sup>133</sup>. Обещание, данное проповеднику из Иудеи, вполне укладывалось в русскую теремную набожность Елизаветы Петровны, «не желающей интересной прибыти от врагов Христовых». По всей видимости, она действительно взяла на себя определенные обязательства перед своим Богом, при условии, что Он обеспечит удачный гвардейский переворот. Как известно, переворот удался, и нужно было платить по счетам.

Все эти курьезы религиозного чувства так бы и остались сокровенным опытом отдельной личности, если бы этой личностью не была императрица, властвующая в самодержавной Российской империи. С одной стороны, обряд венчания на царство придавал особую экзальтацию христианской вере любого русского монарха<sup>134</sup>.

---

<sup>132</sup> Исключение составляют работы историков права, посвященные законодательной регламентации смертных приговоров в России. См., например: *Bryner C. The Issue of Capital Punishment in the Reign of Elizabeth Petrovna // Russian Review. 1990. Vol. 49. № 4. P. 389–416; Жильцов С. В. Смертная казнь в истории отечественного права. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Тольятти, 2002.*

<sup>133</sup> Хорошо известно, что Антон Антонович Сквозник-Дмухановский сулил вполне конкретные материальные подношения: «Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой...» (*Гоголь Н. В. Ревизор*).

<sup>134</sup> Подобный феномен религиозного чувства абсолютного монарха описывается Ричардом Уортманом в сцене венчания Елизаветы Петровны на цар-

С другой стороны, сакральная воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Именно этими далекими от политического прагматизма, можно сказать экзистенциальными, обстоятельствами и объясняется контекст законов о невершении смертной экзекуции.

Создается впечатление, что решение императрицы о запрещении приводить в исполнение без высочайшей конфирмации смертную казнь и политическую смерть касалось исключительно ее отношений с ее Богом. Подданным, а уж тем более «злодеям», чьи судьбы непосредственно зависели от этого решения, вообще ничего знать не полагалось. Как такового указа о моратории, снабженного расширенными толкованиями и восхвалением монаршего милосердия, не было. На места поступили лишь полусекретные, никак не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием представлять в Сенат экстракты дел о приговоренных к высшей мере наказания. Судьба таким образом помилованных колодников, спасение их грешных душ и возможное исправление императрицу совсем не занимали. Все они гибли или под восьмым ударом кнута, или от непосильной каторжной работы на северном «острове» Рогервик<sup>135</sup>.

С другой стороны, Елизавета была непреклонна и бескомпромиссна в своем решении, мотивы которого раскрывать не считала нужным. Видимо в соответствии с ее пониманием христианских истин, не было ни иудея, ни эллина, и спасены были все, а не только избранные: смертью не казнили никого, вне зависимости от совершенного преступления. При этом под запрет попадала не только натуральная казнь, но и имитация ее в виде *возведения на висели-*

---

ство, когда она сама надела на себя преподнесенную корону, а затем произнесла Соломонову молитву о наставлении свыше, обращаясь прямо к Богу, без посредничества ведущего службу священника. Этот ритуал демонстрировал сакральный характер именно императорской власти и делал императрицу (а не церковь) главным хранителем нравственности народа (*Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. I. С. 129–148).

<sup>135</sup> Может, именно обреченность помилованных имел в виду французский литератор и дипломат Жозеф де Местр, когда называл «упразднение» смертной казни при Елизавете Петровне «ложным человеколюбием и признаком неполноценности нации» (Письмо Жозефа де Местра кавалеру де Росси. 1807, август; письмо Жозефа де Местра — Козловскому П. Б. // Жозеф де Местр. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 85, 284–285).

цу или положения на плаху, что для императрицы означало ритуал политической смерти. Театрализация лишения подданных жизни, очевидно, тоже входила в достигнутую со Всевышним договоренность.

Так рефлексия верующей императрицы в абсолютистской России за 20 лет до выхода в свет знаменитого трактата Чезаре Беккариа с легкостью воплотила мечту философа, о которой Европа еще только начинала рассуждать. Однако Елизавету Петровну и итальянского мыслителя разделяли не два десятилетия, а целая эпоха, и в моратории на смертную казнь в Российской империи воплотились не просветительские идеалы, а средневековая религиозность, с одной стороны, и уверенность самодержца в том, что государственный закон и его воля едины, — с другой. Приостановка экзекуций за тяжкие преступления не имела теоретических обоснований и вообще никак не была связана с развитием юридического знания того времени. Любые рассуждения об ограничении публичности казни, переносе акцента со зрелищности расправы на торжество справедливости в суде<sup>136</sup>, переходе от наказания тела к предотвращению повторного деяния и прочие идеи, волнующие европейских философов и правоведов<sup>137</sup>, мало занимали импера-

<sup>136</sup> В историографии практически отсутствует сравнительный культурологический анализ зрелищности смертной казни в России и постепенного отхода от демонстративных экзекуций в Европе. Можно лишь отметить, что в соответствии с Соборным уложением публичность казни, используемой как средство мести и устрашения, считалась обязательной: «Смертные казни вершить в тех местах, где [воровские люди] воровали или, где они жили, чтоб на них смотря, иным не повадно было, а на пустых местах таких воров не вершить» (ПСЗ. Т. I. № 431. С. 799. 1669. 22 января). В 1727 году была предпринята попытка некоторой регламентации ритуала смертных экзекуций. Во-первых, в Петербурге со столбов и кольев убрали тела и головы — то, что осталось от преступников, захоронили. Во-вторых, запрещалось чинить смертные казни в обеих столицах, расправы следовало переносить за город, в специально отведенные места, например, в Северной столице для этого предназначались Московская и Выборгская сторона (ПСЗ. Т. VII. № 5118. С. 824. 1727. 10 июля; № 5155. С. 859. 1727. 17 сентября; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в санкт-петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. II. 1725–1740. СПб., 1873. С. 101). Как известно, последний указ часто игнорировался.

<sup>137</sup> См. об этом, например: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 88–90; Evans R. J. Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600–1987. Oxford, 1996. P. 130–137, etc.; Graff H. -J. Crime and Punish-

трицу. Логика христианских заповедей<sup>138</sup> напрямую привела ее к хорошо известному вопросу: «И кто меня тут судьей поставил, кому жить, кому не жить?»<sup>139</sup> Решив, что лучшей благодарностью Богу будет отказ от смертной экзекуции<sup>140</sup>, русская императрица своей самодержавной волей не допустила ни одной казни и даже ее имитации в виде политической смерти, а за несколько месяцев до собственной кончины вообще поставила вопрос о принципиальном изменении уголовного законодательства, видимо приведении его в соответствие с исповедуемой ею верой.

Однако современники и потомки не особенно вникали во всю сложность мотивов Елизаветы, вероятно до конца непонятных и ей самой. Двадцатилетний мораторий на высшую санкцию стал реальностью<sup>141</sup>, и, может быть, этот факт и побудил итальянского просветителя поставить вопрос о том, «является ли смертная казнь

---

ment in the Nineteenth Century: a New Look at the Criminal // *Journal of Interdisciplinary History*. 1977. Winter. Vol. VII. No. 3. P. 477–491; *Martschukat J.* Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. Bis zum 19. Jahrhundert. Köln, 2000. S. 12–53; *Фридланд П.* От покаяния к устрашению: теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // *Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.)*. СПб., 2011. С. 119–134 и др.

<sup>138</sup> Характерно, что члены Синода даже при полном согласии с сентенцией не имели права подписывать смертные приговоры, «поелику они суть духовного чина» (см., например: ПСЗ. Т. XVI. № 12241. С. 906–907. 1764. 15 сентября).

<sup>139</sup> *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание.

<sup>140</sup> Собственно, подобная логика не являлась чем-то исключительным для России середины XVIII столетия. В. Н. Татищев в своде законов, регламентирующий труд на горном производстве, высказывал сходные мысли по поводу смертных приговоров, правда, он имел в виду только несправедливые: «Некоторые судьи, забыв страх божий и вечную души своей погибель... на смерть или к лишению чести без всякого к тому надлежащего доказательства осуждают» [*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. X. Т. 19–20. С. 490; *Татищев В. Н.* Заводской устав, или Горные узаконения // *Горный журнал*. 1831. Ч. 1. Кн. 2. С. 98 (177)].

<sup>141</sup> Характерно, что Мишель Фуко, основывающий свою знаменитую книгу исключительно на западноевропейском материале, большое внимание уделяет постепенному исчезновению публичных казней с применением пыток и отказу от «театрализации страдания» к 30-м годам XIX века. В этом контексте исключительный политический опыт России XVIII столетия мог бы весьма обогатить выводы французского ученого об эволюции отношения власти к «пытаемому телу», «манипулируемой душе» и «муштруемому телу» (см.: *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. С. 42–86 и др.).

действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении». Во всяком случае, именно Чезаре Беккариа один из первых с нескрываемым восхищением отозвался об «императрице Московии, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов Отечества». «Если только немногие общественные союзы и только на короткое время, — писал он в 1764 году, призывая в подтверждение своих мыслей историю только что закончившегося правления в России, — воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин, подобно молнии озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество»<sup>142</sup>.

Императрица Московии никогда не узнает об этих словах, как не узнает и о влиянии, которое оказал мораторий на состояние умов ее подданных. Как уже отмечалось, о приостановке смертной экзекуции объявлено не было, однако в России сформировалось два поколения людей, не видевших эшафота. Профессия палача постепенно утрачивалась<sup>143</sup>, как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России<sup>144</sup>. Казалось, что волна бунтов и

---

<sup>142</sup> Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 314–333.

<sup>143</sup> Разумеется, должность профоса, в обязанности которого входило наблюдение за арестантами и исполнение телесных наказаний, сохранялась. Благодарю Р.Г. Пихою за замечание.

<sup>144</sup> Так, в январе 1726 года было приказано казнить комиссаров Новгородской провинции Обонежской пятины Никиту Арцыбашева, Григория Баранова и подьячего Якова Волоцкого: «повесить в той Обонежской пятине и написать вины их на жести, прибить к тем виселицам и тел их с тех виселиц не снимать». Преступление, доведенное таким образом до сведения всех жителей, заключалось во взятках и хищении казны, в частности в покупке хлеба за счет средств из рекрутского подушного сбора и использовании уездных подвод без платежа прогонных денег (ПСЗ. Т. VII. № 4826. 1726. 24 января).

разбоев накроет страну, если не поселить в сознании подданных «потомственный страх», о котором во время подавления Башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов<sup>145</sup>. Первый русский обер-прокурор Павел Ягужинский в специальной записке императрице Екатерине I предлагал направить одного из сенаторов в провинции и наделить его правом «смертью казнить, а пока сие в действо не будет произведено, то ни страху, ни порядку не будет»<sup>146</sup>.

Всего за два десятилетия правящая и образованная элита уже вполне была готова к дискуссии о целесообразности высшей меры наказания и масштабов ее применения, и произошло это не благодаря трактату Беккариа, а в результате внутренней установки императрицы Елизаветы Петровны. Проницательный С. М. Соловьев писал об этом: «Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничтожавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало»<sup>147</sup>.

Как свойственно вечно самодержавной России, «это великое начало» претерпело соответствующую трансформацию во время правления другой императрицы и сообразно ее установкам. Сложное соотношение *Закона Божьего и закона государственного* при-

---

<sup>145</sup> Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. X. Т. 19–20. С. 608.

<sup>146</sup> Записка П. И. Ягужинского о состоянии России // Чт. ОИДР. 1860. Кн. 4. С. 271.

<sup>147</sup> Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 527. Во второй половине XVIII века на страницах русской публицистики уже идет открытое обсуждение вопроса не только о целесообразности применения смертной казни, но и о возможности ее отмены (Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. В публичном собрании Императорского Московского университета на высочайший день рождения императрицы Екатерины Алексеевны, говоренное юриспруденции доктором, римских и российских прав профессором Десницким апреля 22 дня, 1770 года. М., 1770).

См. об этом: Lentin A. Beccaria, Shcherbatov, and the Question of Capital Punishment in Eighteenth-century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. 24. № 2. P. 128–137.

обрело новую конфигурацию, и действительно экзистенциальная проблема смертной казни получила новое звучание. Очевидно, что Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей»<sup>148</sup> почитала, как ни странно, не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным.

---

<sup>148</sup> Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 29–31.

## ЦЕРКОВНОЕ ПОКАЯНИЕ ПО СВЕТСКОМУ СУДУ

### Дело Мировича, убийство Амвросия и пугачевщина

**Б**олее чем за 30 лет правления императрицы Екатерины II было три громких дела, завершившиеся отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием: заговор подпоручика Василия Мировича, Чумной бунт 1771 года в Москве, приведший к убийству архиепископа Амвросия, и, наконец, пугачевщина. Сентенции и казни по этим делам имеют одинаковую политическую мотивацию, сходные аргументы и толкования, идентичные способы репрезентации образа императрицы и близкие по своей стилистике театрализованные ритуалы.

Подпоручик Смоленского пехотного полка обвинялся в попытке возвести на трон принца Иоанна и похитить престол у правящей монархини<sup>1</sup>. Главные действующие лица Московского восстания должны были понести наказание за священноубийство, святотатство и нарушение общей тишины и спокойствия<sup>2</sup>. А на совести самозванца Пугачева было похищение имени монарха, оскорбление ее императорского величества и «в пепел обращенные грады и селения»<sup>3</sup>. Преступлениям придавался статус чрезвычайных, и

---

<sup>1</sup> Манифест об учреждении уголовного суда над бунтовщиком Мировичем (ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа); Сентенция по злодейским винам Мировича и его сообщников (№ 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября).

<sup>2</sup> Приговор высочайше учрежденной особенной генеральной комиссии над виновниками и соучастниками бывшего в Москве мятежа, при котором убит архиепископ Амвросий (ПСЗ. Т. XIX. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября).

<sup>3</sup> Сентенции о наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников с присоединением объявления прощанием преступникам (ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января).

сентенции по ним выносились Сенатом, Синодом, президентами коллегий и особами первых трех, а в случае с Чумным бунтом даже пяти классов.

Все приговоры к высшей мере наказания связывались с самозащитой власти, объявлялись во всенародное известие и приводились в исполнение с демонстративной публичностью. Казнь Мировича происходила на Обжорном рынке в Петербурге: подпоручику отрубили голову и оставили «тело народу на позорище до вечера, а потом сожг[ли] оное купно с эшафотом». Убийц Амвросия, дворового человека Василия Андреева и купца Ивана Дмитриева, повесили на месте «законопреступного злодеяния» прямо у ворот Донского монастыря, где архиепископ пытался укрыться от разъяренной толпы. Двух других смутьянов, дворовых людей Алексея Леонтьева и Федора Деянова, по жребию отправили на виселицу, сооруженную на Красной площади. Пугачева, как известно, четвертовали «на болоте», голову насадили на кол, части тела разнесли по четырем частям города, положили на колеса и вскорости сожгли. За казнью самозванца должен был наблюдать его сподвижник казак Иван Чика, он же Зарубин, именовавший себя графом Чернышевым. В тот же день Чику отправили в Уфу, «яко главное из тех мест, где богомерзкие дела производимы были», там ему отрубили голову, насадили ее на кол, а труп с эшафотом сожгли. Прочих участников восстания также прилюдно повесили.

Если несколько изменить ракурс взгляда и попытаться отвлечься от эмоционального воздействия этих жутких картин, то можно обнаружить, что в царствование Екатерины, в отличие от царствования Елизаветы Петровны, проблема смертной казни была важной составляющей своеобразного диалога власти и подданных, а не императрицы и ее Бога. Экзекуции совершались, были нарочито открыты для всеобщего зрелища, сентенции оформлялись в виде манифестов и сопровождались обширными толкованиями. Создается впечатление, что приговоры призваны были со всей убедительностью провозгласить законность высшей меры наказания. Главным аргументом здесь, с одной стороны, выступали статьи Уложения, Воинский устав, Воинский артикул и Морской устав, а с другой стороны, *Закон Божий*. Таким образом, становится очевидным диаметральное изменение вектора самосознания престо-

ла — не монарх отчитывался перед Богом в уединенной молитве, а Священное Писание призывалось в качестве вполне рационального доказательства правомерности судебных решений.

В сентенциях заявлялось, что все казненные преступники нарушили не только закон государственный, но и высшие заповеди. Василий Минович посягнул на престол императрицы, врученный ей «Божьим промыслом», и попытался возвести на него принца Иоанна, «низложенного Божьей судьбой» и «наделенного невразумительным косноязычием, а также лишнего разума и смысла человеческого по Божьему совету». Святотатства преступника этим не исчерпывались, и в ходе следствия Аполлон Ушаков, поручик Великолуцкого пехотного полка, донес, что Минович перед своим гнусным предприятием ходил в церковь Казанской Божьей Матери и «чинил самому Господу Богу суетные обещания, призывая его на незаконное дело в помощь». Как известно, Бог молитвам злодея не внимал, а несчастного принца лишил жизни, тем самым «предотвратив вящее зло [своим же] Божьим промыслом»<sup>4</sup>. Разумеется, вина зачинщиков Чумного бунта и убийц преосвященного иначе как «богомерзским позорищем» и названа быть не могла. Сам приговор по этому делу был выполнен в особо высоком проповедническом стиле, поскольку «церковь пастырская, кровию обогрелая и о мщении вопиющая, требует неистовым своим сынам наказания»<sup>5</sup>.

Наиболее же веские доказательства нарушения священных заповедей были приведены в «Сентенции о наказании смертною казнью изменника Пугачева». В приговоре подробно, с указанием на первоисточник, приводились статьи «закона всемогущего господа и творца», которыми пренебрег «возмутитель сего адского предприятия»: Книга премудрости Соломона (6: 3, 4), Закон, Богом данный Моисею (от 2 закона число 5), Четвертая книга Моисеева, чисел (16; 17: 13), Евангелие от Марка (12: 17), Евангелие от Матфея (22: 21), Евангелие от Иоанна (19: 12), Первое послание апостола Павла (1: 18, 19), Послание апостола Павла к римлянам (13). Одно это перечисление давало полное право Святейшему синоду пре-

---

<sup>4</sup> См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа; № 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября.

<sup>5</sup> См.: Там же. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября.

дать «вечному проклятию и обречь на мучения в тартаре Пугачева и всех его злодейских сообщников». Таким образом приговор по «гражданским законам» предписывал самозванцу «наистрожайшую смертная казнь», а по «Божественным» — «вечную муку»<sup>6</sup>.

Столь прагматичное использование Ветхого и Нового Заветов с подходящим для сентенций набором цитат требовало хотя бы минимального напоминания, что речь идет о христианском вероучении. Делалось это неловко, формально, с каким-то неосознанным просветительским пренебрежением к мистике истинной веры. Так в смертном приговоре Пугачеву было сказано: «Собрание, рассуждая, что закон и долг требуют правосудия, а не мщения, нигде по христианскому закону несовместного, единодушно приговорили самозванцу Емельке Пугачеву в силу прописанных Божественных и гражданских законов, учинить смертную казнь». И традиционно православная церковь, поддерживая полностью все решения власти, в том числе и о смертной экзекуции, умывала руки и имена членов Святейшего синода под сентенциями не ставила лишь для соблюдения условной благопристойности<sup>7</sup>.

В то же время авторитет сакральных текстов тонко использовался в приговорах, звучащих более как политические памфлеты, для целенаправленно создаваемого имиджа власти. Прежде всего, священный образ монархини возвышался над окончательным решением, которое принимало представительное собрание. Сенат, президенты коллегий, персоны первых трех классов и прочие бюрократические иерархии, за исключением Синода, который, как только что было сказано, чистоплотно самоустранялся от подписания смертных приговоров, как бы брали на себя всю ответственность за казнь. Тем самым «беспримерное милосердие и сострадательное человеколюбивое сердце ее императорского величества» оставалось незапятнанным.

---

<sup>6</sup> ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января. Названия священных текстов, а также номера глав и статей приводятся здесь в соответствии с текстом Манифеста.

<sup>7</sup> При этом те же лица «духовного чина» традиционно давали специальное письменное согласие «на жесточайшую казнь злодеям». См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа; № 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября; Т. XIX. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября; Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января.

В 1764 году, после двух лет собственного правления и двадцатилетнего, установленного «теткой нашей Елизаветой», негласного моратория даже в самодержавной России требовались некоторые идеологические усилия, чтобы публично обезглавить Василия Миновича. Поэтому помимо апелляций ко всевозможным Божественным провидениям было объявлено, что императрица собственноручно на докладе Сената написала о прощении подпоручика за оскорбление своей особы, но вот вынесение вердикта по поводу его покушения на «целость государственную и всеобщее благополучие отдаст в полную власть собранию»<sup>8</sup>. Однако, видимо, собрание сочло, что подобные доводы отдают какой-то жалкой наивностью, и поэтому внесло в толкование более веский и понятный подданным аргумент. Перед казнью Миновича при объявлении сентенции во всеуслышание прозвучали знаменитые слова первого русского императора: «Ибо Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять»<sup>9</sup>.

В приговорах по делу об убийстве архиепископа и Пугачевском восстании образ императрицы связывался прежде всего не с решением о смертной экзекуции, а с актами помилования. Даже если это помилование заключалось в том, что повешены были не все участники Чумного бунта, а только двое по жребию, а остальные наказаны кнутом и сосланы на каторгу. Высочайшее решение о снисхождении к казакам, выдавшим Пугачева, вообще было торжественно зачитано с Красного крыльца при большом скоплении народа на другой день после публичных казней. В этом тексте монаршее помилование было названо «беспримерным милосердием самодержицы нашей, превосходящей всех смертных и единому Богу в излиянии щедрот своих уподобляющейся»<sup>10</sup>.

Однако, несмотря лишь на три громких дела, завершившиеся плахами и виселицами, за все 30 лет правления Екатерины, сам

---

<sup>8</sup> См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890–892. 1764. 17 августа; № 12241. С. 897–907. 1764. 15 сентября.

<sup>9</sup> См.: Там же. Т. V. № 3006. С. 324. 1716. 30 марта.

<sup>10</sup> См.: Там же. Т. XIX. № 13695. С. 364–371. 1771. 10 ноября; Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775. 10 января.

термин *смертная казнь* довольно часто встречался в указах, особенно объявляемых во всенародное известие. Только употреблялся он не как ранее — в контексте с понятием *политическая смерть*, и не для запрещения вершить обе экзекуции без высочайшей конфирмации. В период последней трети XVIII века термин *смертная казнь* присутствовал в двух видах документов, исходящих от престола и обращенных к подданным: в конкретных приговорах и, условно говоря, превентивных распоряжениях. В первом случае речь всегда шла о совершенном деянии, за которое по всем законам требовалась высшая мера наказания, и лишь по «беспримерному монаршему милосердию» преступник освобождался от эшафота. Таким образом, понятие *смертная казнь* в данных сентенциях прочно увязывалось с мотивом высочайшей милости<sup>11</sup>. Во втором случае указы носили предостерегающий характер и со всей определенностью провозглашали, что за такие-то проступки неизбежно последует самая жестокая смертная экзекуция. Разумеется, в подобном контексте упоминание о «монаршем милосердии» было излишним.

Существовал еще один, третий тип документов, непосредственно затрагивающих тему смертной казни, — это высочайшие конфирмации смертных приговоров или приговоров, вынесенных по так называемым «смертным преступлениям», за которые полагалась максимальная санкция. И хотя эти документы были лишены идеологической декларативности и предназначались, так сказать, для внутреннего пользования, они содержат важные сведения о соотношении понятий *Закон Божий* и *закон государственный* и в доктрине власти, и в сознании подданных.

#### СМЕРТНЫЕ УБИЙСТВА «ПЬЯНЫМ ДЕЛОМ И В БЕСПАМЯТСТВЕ»

Для собственноручного монаршего утверждения поступали в прямом смысле тысячи бумаг, которые учитывались в специальных

---

<sup>11</sup> Как тонко заметил Р. Уортман по поводу царствования Екатерины, «это было правление, основанное на гуманных чувствах, а не на гарантиях государственных институтов» (Уортман Р.С. Сценарии власти. С. 156–157).

«Журналах высочайшим конфирмациям, состоявшимся на докладах Сената и других мест и на разных представлениях и прошениях»<sup>12</sup>. В самодержавной России личное мнение верховного правителя являлось последней инстанцией и в идеале требовалось для решения буквально всех вопросов. Уведомления об убийствах, в первую очередь совершенных представителями высшего сословия, обычно поступали от дворянских заседателей в нижний земский суд, затем передавались в земский суд, оттуда в палату уголовного суда наместничества и к правителю наместничества, от него экстракт дела ложился на стол генерал-губернатора, который направлял в Правительствующий сенат рапорт, превращающийся в сенатский доклад для высочайшей конфирмации<sup>13</sup>. По утрам российская императрица не только писала послания Вольтеру и Ф.-М. Гримму, но и выслушивала донесения о всевозможных преступлениях, а иногда и сама просматривала экстракты дел. Ее личные резолюции были приняты, в частности, по таким поводам, как кража ульев с пчелами; дерзновенные выражения в челобитных, подаваемых в межевую экспедицию Сената; подложный заклад имущества в банк; продажа в рекруты вольного малороссиянина; сочинение фальшивого паспорта и аттестата; кража прапорщиком из однодворцев Гаврилой Брагиным у подпоручика Александра Деревницкого серебряных ложек стоимостью 18 рублей и похищение прапорщиком

---

<sup>12</sup> См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1–10. В ходе работы был проведен сплошной просмотр выявленных в архивных фондах резолюций Екатерины на докладах Сената. Из нескольких тысяч резолюций, или так называемых конфирмаций, было выделено более 500 высочайших решений, касающихся тяжких уголовных преступлений преимущественно представителей дворянского сословия. Большинство экстрактов следственных дел по этим преступлениям было также привлечено к исследованию. Резолюции императрицы, приходящиеся на вторую половину ее правления, после восстания Пугачева и начала осуществления губернской реформы (1776–1795 гг.), представляют собой компактное собрание, находящееся в Фонде 10 «Кабинет Екатерины II». Резолюции на докладах Сената, относящихся к периоду 1762–1775 годов, рассредоточены в материалах Фонда 248 «Сенат и его учреждения» (см., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; Оп. 62. Д. 5172, 5278, 5303; Оп. 113. Д. 374 и т. д.).

<sup>13</sup> См.: *Болотина Н. Ю., Павлов Д. Б.* Московский городской суд: истоки. XV — начало XIX в. // *Московский городской суд: исторические очерки.* М., 2007. С. 25–56.

Николаем Красковым комнатных уборов из казенной кладовой Зимнего дворца<sup>14</sup>.

Но особенно часто представлялись императрице мнения Сената с формулировками: «заслуживает натуральную смертную казнь» или «надлежит по законам за преступление смертная казнь». На основании сотен просмотренных экстрактов и следственных дел можно с уверенностью сказать — высшая санкция полагалась прежде всего за убийство; значительно меньше упоминаний об изготовлении фальшивых ассигнаций, кровосмешении, растлении малолетних и т. д., за что также выносились смертные приговоры.

Убивали представители всех слоев населения, мужчины, женщины, а иногда и подростки: сержанты, солдаты, отставные сотники и секунд-майоры, мстиславские шляхтинки, подпоручицы, костромские помещики, провинциальные депутаты из крестьян, малолетние новокрещенные... В 1777 году Сенат обратил внимание, что «ни в каком роде людей смертные убийства так часто не случаются, как между однодворцами», и особенно в Белгородской губернии. Поводом послужил случай, произошедший в деревне Булгаковой Орловского уезда. В марте 1774 года на Сырной неделе однодворец Харитон Гридунов пришел в гости к однодворческому старосте Степану Лазареву. Ночью хозяин и прочие люди вышли из избы во двор, и вдруг Гридунов без какой-либо причины ударил кистенем однодворца Герасима Платонова «в рожу, отчего Платонов, упав на землю, умер». Дело дошло до императрицы, которая приказала белгородскому губернатору Петру Свистунову представить мнение в Сенат о мерах, принимаемых для предотвращения смертоубийств в среде однодворцев. Вскоре Свистунов отразо-  
товал, что составил специальную инструкцию для однодворческих выборных и поручил им «крепко смотреть, чтобы ведомства их однодворцы в праздности и пьянстве не упражнялись и между собою ссор и драк не чинили»<sup>15</sup>.

Возымела ли данная инструкция результат или нет, неясно, а только в России XVIII века многие смертоубийства происходили

<sup>14</sup> См.: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 24<sup>об</sup>, 46<sup>об</sup>, 50–50<sup>об</sup>; Д. 4. Л. 50, 57<sup>об</sup>; Д. 7. Л. 37–37<sup>об</sup>; Д. 9. Л. 16<sup>об</sup>–17 и т. д.

<sup>15</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 712–716.

действительно в «шумстве, пьяным делом» и потому часто бывали абсурдны, бессмысленны и особенно жестоки. Так тверской помещик отставной прапорщик Данила Лушников убил, будучи пьяным, свою крепостную Наталью Максимову. Начиналось все умирительно и благостно — в апреле 1785 года пришли к нему в село Попово его крестьяне из села Амачкина — Егор Иванов с женой и невесткой, этой самой несчастной Натальей Максимовой. Пришли поздравить со светлым праздником Пасхи, похристосовались по обыкновению, прапорщик пригласил их в свой дом, сели за общий стол, хотя все уже были весьма навеселе, выпили еще. Пора бы крестьянам и честь знать, Егор с женой вышли, а Наталья не хотела, пришлось ее в толчки выгонять. Но она вновь вернулась, и тут привиделось Лушникову, что вернулась она его извести, потому что, решил он, она еретица и ведьма. Недолго думая прапорщик связал Максимову и, обхаживая ее поленом, потребовал читать «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его». Читать молитву бедная женщина была не в состоянии, прапорщик же, впав в «азартность», все наносил удары, а потом оставил ее на полу связанную, а сам лег спать. Вскоре подоспел муж Максимовой Степан Иванов и крестьяне других помещиков, но Наталья была уже мертва. Лушников потом говорил на следствии, что в хмелю бывает всегда беспокоен, поэтому строго наказывал всем людям и крестьянам не подходить к нему, когда он пьян<sup>16</sup>.

В те же годы в Архангелогородской губернии опять-таки на Пасху отставной солдат из дворян Андрей Шанский отправился в гости к своим свойственницам помещицам Свингиным. В усадьбе Кожуховой на праздник было много людей, случился там и дворянин Максим Руднев, разумеется, «все сделались пьяны». Поздно ночью через поля Шанский отправился домой, прихватив на всякий случай с собой кол, а Руднев почему-то пошел за ним с жердью и попытался ударить, за что получил колом по голове. Время было темное, а утром Руднева нашли в поле мертвым. Говорили, что Шанский «вел себя добропорядочно», а этот Руднев «в пьянстве склонен был к ссорам, шумству и забиячеству»<sup>17</sup>.

---

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 429–434.

<sup>17</sup> Там же. Оп. 61. Д. 5119. Л. 602–603<sup>об</sup>.

На высочайшем уровне рассматривались и случаи, когда не пьянство, а одна только страсть к вину становилась причиной смертного убийства. В 1787 году шляхетный недоросль Дмитрий Белавенец в городе Рославле Смоленской губернии вместе с двоюродными братьями Семеном, Павлом и Максимом помогал дяде Тимофею Белавенцу ставить новую избу и, поднявшись на еще не достроенную крышу, на беду увидел, как посадские люди на дворе шляхтича Михайлы Подлущкого грузили на телегу три бочонка вина. Как только телега поравнялась с избой Тимофея Белавенца, братья выскочили на улицу, а Дмитрий, схватив лошадь за повод, закричал: «Что за люди?!» — и ударил одного из них, купца Прокофия Яновского, дубиной по голове. Тот вскоре умер, вина напиться не удалось, а под суд шляхетному недорослю Белавенцу идти пришлось<sup>18</sup>.

Разбиралась императрица вместе с Сенатом и в совершенно жутких и беспросветных историях. В 1782 году 2 ноября по указу ее императорского величества Сенат слушал рапорт казанского генерал-губернатора князя П. С. Мещерского об отставном из дворян подпоручике Петре Телешеве, убившем отца своего вахмистра Михаила Телешева. В феврале 1779 года этот подпоручик выпивал в гостях у капитана Микиulina, в дом отца своего вернулся за полночь, весьма пьян, бранил жену, тещу и тетку жены, которые от страха убежали из горницы и оставили распоясавшегося подпоручика с малолетним сыном и больным отцом. Обезумевший от вина Телешев начал избивать ребенка, за которого заступился отец, тогда Телешев сдернул его на пол, в это время затушилась лучина и стало совсем темно. Отец пытался спастись от сына, но запнулся за высокий порог, упал в сени и разбился. Телешев пошел в темноте за отцом, но сам упал и разбил себе лицо, поднял отца и потащил его в горницу, при этом от пьянства постоянно падая. Отца положил на постель и сам упал и уснул, не слыша, как надрыдается от плача ребенок. Утром отца нашли мертвым<sup>19</sup>.

Многие преступники свидетельствовали в судах, что совершили убийства просто в состоянии «беспамятства»<sup>20</sup>, в которое впа-

<sup>18</sup> См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 178–188.

<sup>19</sup> Там же. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75–91<sup>об</sup>.

<sup>20</sup> См., например: ПСЗ. Т. XX. № 14539. С. 453–455. 1776. 17 ноября.

дают регулярно, иногда несколько раз в месяц. Так, в Рязанской губернии прапорщик из дворян Василий Григоров клялся, что заколол своего племянника Родиона Скорятина безо всякой причины ночью в постели, потому что «время от времени с ним безумство приключается»<sup>21</sup>.

И уж о совсем абсурдных и зловещих событиях сообщала палата уголовного суда курского наместничества. Декабрьской ночью 1789 года сторожа Короченского земского суда Еремей Ильин и Никита Арефьев не отважились впустить поручика Федора Солодилова, который бил в дверь с превеликим криком и ругательными словами. Отчаявшись проникнуть в подъяческую контору, поручик отправился с дом стряпчего Бунакова, стучался в ворота, страшным образом ругая жену стряпчего, а ворвавшись, переколотил глиняную посуду и разрушил печь. Затем хулиган ринулся в черную избу регистратора Бакеева, бранил его скверными словами и драл за волосы. Спустя несколько недель Солодилов пришел также внезапно ночью в людскую избу и оружием дулом безо всякой причины бил своего крестьянина Илью Гончарова и приказывал то же самое делать девкам Домне и Федосье и женке Варваре. После этого он позвал Гончарова в горницу, спросил, не болит у него живот, которым он страдал с праздника, велел поцеловать себя, выпить с ним по чарке вина и с миром идти спать. К утру Гончаров умер. Тело Ильи Солодилов распорядился оттащить в ледник, чтобы поднять его на следующий день под видом якобы замерзшего. Но Домна, Федосья и Варвара донесли на барина. Когда майор Тарас Ушаков в присутствии помещика Деревницкого взял Солодилова под караул, тот заявил: «Что вам за нужда, я убил своего человека, а не вашего, но то произошло с беспамьятства за долгой болезнью». Странно в этой истории и то, что вскоре регистратор Бакеев и жена стряпчего Бунакова подали челобитную в уездный суд, что простили Солодилову все причиненные обиды<sup>22</sup>.

Создающий угнетающее впечатление высокий процент убийств, совершенных действительно в состоянии угара или тяжелого по-

<sup>21</sup> ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля.

<sup>22</sup> См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 724–740.

мращения рассудка<sup>23</sup>, объяснялся целым рядом обстоятельств, и в частности формированием единого хлебного рынка и большей доступностью «хлебной водки». Во второй половине XVIII века винокурение, на которое имело право не только государство с его откупщиками, но и помещики, приобрело особый масштаб. В условиях винной монополии и неуклонного роста цен, приблизительно от полутора рублей за ведро в 40-х годах до 2 рублей 50 копеек в 60-х, поставка вина казне была делом очень прибыльным и для бюджета страны, и для поставщиков<sup>24</sup>.

А. Т. Болотов стал свидетелем того, что «бесчисленное множество корыстолюбивых дворян» не упустили такого шанса: «Повсюду началось воздвигание огромных винных заводов, повсюду кование медных котлов с приборами, принялись мастера и за переливание самой медной монеты. <...> Вдруг во всем государстве медная монета почти вся пропала». Последствия повсеместной дешевой продажи вина имели «плачевное и великое влияние на нравственное состояние народа, особливо деревенских жителей», — констатировал мемуарист. Причина многочисленных преступлений, «учиненных в азарте и шумстве», особенно в среде дворянства, кроется, однако, не только в «прельщении дешевизной вина»<sup>25</sup> и известной предрасположенности северных народов<sup>26</sup>, но и в особенностях российского законодательства XVII–XVIII веков.

<sup>23</sup> См., например, донесения местных канцелярий: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 712–716; Д. 5195. Л. 75–91<sup>об</sup>; Оп. 62. Д. 5278. Л. 178–188 и др.

<sup>24</sup> См., например: сенатский указ «о позволении помещикам курить вино как для домашнего расхода, так и для поставки в подряды» (ПСЗ. Т. XIII. № 9813. С. 367–368. 1750. 30 октября); устав о вине: правило винокурения частных заводов (ПСЗ. Т. XXI. № 15231. С. 258. 1781. 17 сентября) и др.; а также: *Волков М. Я.* Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII. Винокуренное производство. М., 1979. С. 139–152; *Милов Л. В.* Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. Изд. 2-е. С. 346–348; *Он же.* Россия при приемниках Петра I // История России XVIII–XIX веков. М., 2008. С. 184–190, 240–241.

<sup>25</sup> *Болотов А. Т.* Современник или записки для потомства. СПб., 1891. С. 21, 30–31.

<sup>26</sup> Л. В. Милов пишет, что злоупотребление водкой, особенно во второй половине XVIII века, охватывало иногда целые села, пьянство и алкоголизм стали злом весьма заметным, правда, отнюдь не массовым (*Милов Л. В.* Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 346–347).

Дело в том, что *убийство «пьяным делом»*, «в драке» или «в беспамятстве» считалось смягчающим обстоятельством и признавалось неумышленным. В Соборном уложении так прямо и говорилось: «А [если] с пытки убийца станет говорить, что убил в драке или пьяным делом... сажати в тюрьму до государева указа, а смертию не казнить». Правда, здесь речь шла о боярине, убивающем боярина, или о боярине, боярском сыне, племяннике или приказчике, которые расправлялись с крестьянином, или о крестьянах, которые убивали друг друга. В то же время статья о спланированном убийстве на трезвую голову имела общечеловеческое звучание: «А кого кто убьет с умышления, такого убийцу казнить смертию»<sup>27</sup>. Конечно, много страшных деяний совершалось в злобе и агрессии именно пьяными людьми, но очевидно и то, что ставка была высока и доказать, что убил кого-то в хмельном угаре или состоянии безумства<sup>28</sup>, означало продлить себе жизнь.

В начале XVIII столетия намечается изменение отношения к *преступлениям «пьяным делом»*. Петровский рационализм отчетливо проявился на фоне относительной лояльности к пьянчугам перед Божьим образом: появление в храме и молитва после распития наказывались арестом, а нетрезвый священник, отправляющий церковную службу, лишался чина и достоинства<sup>29</sup>. Но теперь уже сложно было рассчитывать на снисхождение за уголовные проступки «в шумстве». «Когда кто пьян напьется, — сказано в Воинском артикуле и Морском уставе, — и в пьянстве своем что злого учинит, [яко смертное убийство и сему подобное], тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящю жестокостью наказан имеет быть»<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> См.: ПСЗ. Т. I. № 1. С. 148. 1649. 29 января; № 431. С. 792–793. 1669. 22 января. Причем пьяная ссора, а затем убийство в тот же день из мести не уменьшало вины и каралось смертью (№ 431. С. 793. 1669. 22 января).

<sup>28</sup> Так, в 1775 году крестьянка Васса Нищаева убеждала судью Изюмской провинциальной канцелярии, что сожгла родившегося у нее от мужа сестры ребенка, будучи в беспамятстве от приключившейся у нее еще в детстве падучей болезни (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 187. Л. 1–3).

<sup>29</sup> ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 322–324. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3485. С. 50–51. 1720. 13 января.

<sup>30</sup> Там же. Т. V. № 3006. С. 333. 1716. 30 марта; Т. VI. № 3485. С. 65. 1720. 13 января.

Тем не менее отразившаяся в Соборном уложении длительная традиция отношения к пьяному преступлению как к случайному была сильна и в конце XVIII века. В 1782 году в Уставе благочиния вновь пришлось напоминать: «Буде же в пьянстве кто учинил проступок или же преступление с намерением: да накажется яко трезвый». Однако определить, где в поведении дебошира был расчет, а где «азарт и забиячество», часто не представлялось возможным. Поэтому в той же статье Устава говорилось: «Буде же кто в пьянстве учинил проступок или преступление без намерения: да накажется пьянства срочным воздержанием в рабочем доме»<sup>31</sup>.

В данном контексте особый интерес представляют собственные конфирмации императрицы, сделанные на докладах Сената о смертных убийствах «в шумстве и воспалении гнева» и превращающиеся постепенно в обязательный единый вердикт. Окончательный приговор все чаще звучал так: «Хотя он точного умыслу к убийству не имел, а учинил оное от пьянства, но пьянство, сопряженное с таковым злом извинить его не может»<sup>32</sup>.

### ПОВРЕЖДЕНИЕ И ЖЕСТОКОСТЬ ПРАВОВ

Но, как известно, убивали и убивают на Руси не только в пьяных драках и в «беспамятстве». Много случалось жутких семейных трагедий. В деревне Малая Уча Казанской губернии малолетний новокрещеный Иван Михайлов заколол родного брата Прохора Михайлова<sup>33</sup>. Смоленский шляхтич Анофрий Белкович отравил мышьяком невестку, жену сына, за происходившие от нее обиды, досады и непослушания<sup>34</sup>. Отставной из дворян прапорщик Иван Пустошкин в городе Боровичи, вернувшись домой, нашел свою беременную жену чем-то опечаленной и отказывающейся выполнять его поручения, огорчась ее неповиновением, бил ее деревянной тростью, а потом ударил в висок. Жена потом добралась до

<sup>31</sup> ПСЗ. Т. XXI. № 15379. С. 479, 483. 1782. 8 апреля.

<sup>32</sup> См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 429–434.

<sup>33</sup> Там же. Оп. 61. Д. 5110. Л. 585.

<sup>34</sup> Там же. Л. 546–546<sup>об</sup>.

постели, попросила масла и кислой капусты, а через десять часов умерла<sup>35</sup>.

Женщины, в целом особенно угнетенные в семьях, довольно часто оказывали сопротивление. Мавра, Филатьева дочь, не стерпев постоянных побоев, задушила подушкой мужа, поручика курмышской инвалидной команды Илью Никифорова, потом перетащила труп в сарай и там повесила, чтобы скрыть убийство<sup>36</sup>, а шляхтинка Ева Фрейманова отравила мужа ядом<sup>37</sup>. Вдова отставного прапорщика Василия Лебедева Мария Федорова дочь подговорила дворовых людей порешить своего отца, отставного канцеляриста Федора Феоктистова, измучившего ее нравами<sup>38</sup>.

Разумеется, в крепостнической России по вине благородного сословия гибли крестьяне. Значительная часть смертных преступлений происходила от рук распоясавшихся помещиков, утративших и совесть, и элементарный разум, о котором Екатерина писала Дидро<sup>39</sup>. Своих собственных подданных били кнутом, плетью, батогами, порол и поливали водкой, закалывали шпагами, проламывали им головы засовами, которыми в станках лошадей запирают<sup>40</sup>. Убивали и дворянки. Печально известная Салтычиха выделялась на общем фоне именно патологическими зверствами, но, увы, не самим фактом совершаемых помещицами насилий над крестьянами, и особенно дворовыми девками и женками<sup>41</sup>.

Вековая привычка к сословному преимуществу могла спровоцировать у некоторых дворян с «гнусным характером и невоздержанным состоянием» и издевательства над чужими крестьянами. Так, мышкинский помещик подпоручик Григорий Бакастов и, что

---

<sup>35</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5195. Л. 162–167.

<sup>36</sup> Там же. Д. 5110. Л. 564–564<sup>об</sup>.

<sup>37</sup> Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50<sup>об</sup>–51.

<sup>38</sup> Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431. См. далее: Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 25, 37<sup>об</sup>, 40<sup>об</sup>, Д. 5. Л. 51<sup>об</sup> и др.

<sup>39</sup> См.: Дидро Д. Собр. соч. М., 1947. Т. X. С. 363.

<sup>40</sup> См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 18<sup>об</sup>, 47; Д. 4. Л. 8, 58; Д. 5. Л. 49–49<sup>об</sup>, 71; Д. 6. Л. 30<sup>об</sup>–31, 50–51; Д. 7. Л. 38<sup>об</sup>–39; Д. 8. Л. 78; Ф. 248. Оп. 60. Д. 503. Л. 1249–1256<sup>об</sup>; Оп. 61. Д. 5074. Л. 181–182<sup>об</sup>; Д. 5110. Л. 221; Д. 5195. Л. 724–740; Оп. 62. Д. 5271. Л. 497–506<sup>об</sup> и т. д.

<sup>41</sup> См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 18<sup>об</sup>, 41<sup>об</sup>; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5138. Л. 946–947 и т. д.

показательно, секретарь Мышкинского уездного суда Андрей Куракин забили до смерти старосту вотчины княгини Волконской<sup>42</sup>; костромской отставной секунд-майор Степан Витовтов замучил дворового человека Алексея Игнатьева, принадлежащего дворцовому стряпчему Алексею Рамантову<sup>43</sup>, солдат из дворян Рязанской губернской роты Леонтьев убил ямщика<sup>44</sup>.

А осенью 1782 года в селе Реткине Орловской губернии штык-юнкер Петр Мильшин, напившись и напоив своих людей, с оружием ввалились в дома крестьян помещика секунд-майора Жилина, Федора и Герасима Ивановых, Егора Антонова и Евстрата Петрова. Крестьян избили батогами и заковали в железо, а улья с пчелами, хлеб, коноплю, платье, холсты, деньги — словом, все, что можно, погрузили на возы и отправили в имение Мильшина. Не пережив побоев, двое крестьян умерли, что и подтвердил осматривавший тела доктор Депельмеер. Все это время в селе Реткине «по такому ужасному разорению носился крик разбоя, а при церкви набатный звон, но спомоществования никто сделать был не в силах»<sup>45</sup>.

Драматизм всех этих кровавых событий усиливается еще более, если учесть, что убийства крестьян осуществлялись, как правило, руками других крепостных по приказанию помещика. Так, в 1782 году новгородский и тверской генерал-губернатор граф Я. А. Брюс докладывал Сенату о следующем происшествии в селе Валухине Ваксаловской волости. Некий поручик Савин, которому староста прямо в дом доставил из бегов женку Марфу Самсонову, позвал к себе в горницу людей Матвея Яковлева, Ивана Иванова, Никиту Федосеева и Ксенофонта Григорьева с кнутами. Женку вывели на крыльцо, раздели донага, высекли немилосердно, а потом оттащили в людскую избу и положили на лавку. Вскоре она умерла, а ближе к ночи тело исчезло. Однако дворовый человек Ульян Максимов не смолчал и рассказал крестьянам, что он вме-

<sup>42</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 55<sup>об</sup>–56.

<sup>43</sup> Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 280.

<sup>44</sup> Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 44.

<sup>45</sup> Там же. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5303. Л. 58–78<sup>об</sup>. См. также: Там же. Оп. 61. Д. 5110. Л. 468; Д. 5138. Л. 215–215<sup>об</sup>; Д. 5119. Л. 702–702<sup>об</sup> и т. д.

сте со старостой по приказу барина отнес мертвое тело в поварню, а потом зарыл в землю под мостом. На следующий день те же самые мужики, которые избивали Марфу Самсонову, отправились к дворянскому заседателю прапорщику Николаю Никонову и все ему рассказали. Тело эксгумировали, убийство было раскрыто, и поручика Савина предали суду<sup>46</sup>. К сожалению, в этом деле не приводится собственно текст доклада графа Брюса, но искренне и эмоционально написанный рапорт тамбовского и рязанского генерал-губернатора М. Ф. Каменского по поводу сходного преступления сохранился.

В деревне Никитиной Кадомской округи прапорщица княгиня Матрена Тугушева жестоко наказала дворовую девку Матрену Харитонову за побег, и та после побоев умерла. Осознав содеянное, прапорщица бросилась за помощью к матери Анне Лопатиной, и та направила своего дворового человека Григория Петрова, приказав ему тело расчленить, уложить останки в сундук, а сундук зарыть. Но крепостные Тугушевой Фекла Иванова, Степанида Кондратьева и Василиса Епифанова решили зверства барыни не покрывать и сообщили об убийстве. Однако не менее, чем преступление, Каменского потряс приговор уголовного суда Тамбовской наместнической палаты. Собственно, именно поэтому он и обратился в Сенат: Тугушева приговаривалась только к церковному покаянию, Григория Петрова полагалось наказать плетьюми, а сообщившие о случившемся крепостные женщины оставались за прежней помещицей. Каменский назвал преступление Тугушевой «смертоубийством, сопряженным с варварством» и заявил, что дворового человека надо оставить безо всякого наказания, «потому что он исполнял волю помещицы своей, а по нынешнему положению слуг, противу господ их ни один слуга отказать не осмелится». Доносительниц же необходимо было, по мнению генерал-губернатора, «освободить от рабства, приказав им из-

---

<sup>46</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 62. Д. 5278. Л. 626–643<sup>об</sup>. Материалы следственных дел показывают, что крестьяне довольно часто доносили на убийц-помещиков. В данных обстоятельствах указ 1767 года, по которому людям, отважившимся подавать челобитные на своих господ, грозило наказание кнутом или ссылкой на Нерчинские рудники, терял свою юридическую силу (ПСЗ. Т. XVIII. № 12966. С. 336. 1767. 22 августа).

брать какой род жизни сами пожелают, для ободрения в таковых несчастных случаях (от которых, Боже, впредь сохрани все общество!) слуг к признанию перед судом»<sup>47</sup>.

Неопровержимость того факта, что крепостничество было обязательным условием сохранения и развития российской государственности и важнейшим компенсационным механизмом выживания общества<sup>48</sup>, не отменяет его колоссального и в целом разрушающего влияния на сознание современников. Приведенный здесь рапорт Каменского, с горечью осознающего рабскую зависимость крестьян, еще раз подтверждает, что и в XVIII веке были «люди, которые гибли нравственно, наживали себе раскаяние, подавляли это раскаяние и грубели от того, что у них есть возможность казнить право и неправо»<sup>49</sup>. С другой стороны, для значительной части дворянства была характерна уверенность поручика Солодилова, что убийство собственного дворового человека является частным делом душевладельца<sup>50</sup>. Таким образом, сложившийся социальный строй России наряду с объективно обусловленным низким уровнем образованности<sup>51</sup> относились к сложной совокупности причин и обстоятельств, определяющих «повреждение и жестокость нравов» в среде всех сословий.

---

<sup>47</sup> Там же. Оп. 61. Д. 5195. Л. 292–293. Правда, по свидетельству современников, сам М. Ф. Каменский отличался крайне несдержанностью нрава и был зарублен собственным крепостным человеком (см.: *Геттун В. Н.* Записки // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 253–273; *Дубосаров И. И.* К биографии фельдмаршала графа М. Ф. Каменского // Исторический вестник. 1880. Т. 2. С. 199).

<sup>48</sup> См.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 532–566.

<sup>49</sup> *Толстой Л. Н.* Война и мир.

<sup>50</sup> См. об этом подробнее: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 203–237.

<sup>51</sup> «Специфика социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, — пишет Л. В. Милов, — определила упрощенную структуру государственной машины, обусловила поздний генезис светской культуры. <...> Резкий контраст в уровне развития культуры по сравнению с Западом был заметен в течение веков; ведь первые университеты появились там в XII–XIII вв., а у нас лишь в середине XVIII в.» (*Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 564).

Высочайшие подтверждения, протоколы Сената, рапорты генерал-губернаторов, земских судов и воеводских канцелярий свидетельствуют о разнообразных случаях смертных преступлений в отношении дворян, купцов, чиновников и даже духовных лиц<sup>52</sup>. Так, отставной прапорщик Прокофий Борисов засек дворянина Кириллу Дерезинского<sup>53</sup>, суздальский помещик Яков Алексеев застрелил своих племянников<sup>54</sup>, а содержащийся в новгородском наместничестве подпоручик из дворян Василий Лялин заколол отставного секунд-майора Никиту Трубашевского шпагой<sup>55</sup>. Священнический сан и монашеская ряса также не всегда останавливали убийц: отставной из дворян корнет Иван Ураев порешил церковника рязанского села Кумина Михайлу Гаврилова<sup>56</sup>, прапорщик Василий Бекшеев обвинялся в кончине попа Семена Алексеева<sup>57</sup>, содержащийся в Рязанской воеводской канцелярии отставной из дворян сержант Яков Муратов засек монахиню Олимпиаду<sup>58</sup>. Происходили серьезные конфликты и в среде канцеляристов: судья Гдовского уездного суда Безумов, заседатели Титов и Елагин и секретарь Чепелев высекли копииста Балдина, после чего тот умер<sup>59</sup>. А в апреле 1763 года в городе Шуя капитан Михаил Порошин принес в воеводскую канцелярию челобитную, однако подканцелярист Василий Комаров принять и уж тем более переписывать жалобу отказался, чем-то она ему не понравилась. Порошин спорить не стал, молча вышел и спрятался за избу, в которой располагалось присутствие, а когда несговорчивый подканцелярист отправился домой, капитан заколол его шпагой<sup>60</sup>.

---

<sup>52</sup> См. также, например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 37<sup>об</sup>; Д. 4. Л. 58; Д. 6. Л. 46; Д. 9. Л. 17<sup>об</sup>; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 159. Л. 1–4; ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; Т. XVIII. № 12844. С. 55–56. 1767. 7 марта.

<sup>53</sup> Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50.

<sup>54</sup> Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5138. Л. 851–851<sup>об</sup>.

<sup>55</sup> Там же. Д. 5119. Л. 205.

<sup>56</sup> Там же. Д. 5195. Л. 348–350<sup>об</sup>.

<sup>57</sup> Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 57.

<sup>58</sup> Там же. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 243.

<sup>59</sup> Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 46.

<sup>60</sup> Сенатский архив. СПб., 1909. Т. 13. С. 149.

«ПОСТУПАТЬ ПО ТОЧНОЙ СИЛЕ  
1754 ГОДА УКАЗА»

Разумеется, подобные преступления, за которые по Соборному уложению полагалась высшая санкция, включая и такие зловещие формы смертной экзекуции, как колесование, сожжение и окопание в землю, не оставались безнаказанными и во второй половине XVIII века. В сентенциях, вынесенных провинциальными и губернскими канцеляриями, а иногда и Сенатом, часто звучал вердикт: «заслуживает натуральную смертную казнь» или в отношении высшего сословия — «подлежит лишению дворянства, чинов и жизни». Однако императрице ни разу не пришлось смягчать подобные решения, поскольку даже на уровне нижнего земского суда за приговором к смертной экзекуции по Соборному уложению и Воинскому артикулу сразу же приводились более поздние высочайшие указы, резко ограничивающие применение казни в России<sup>61</sup>.

Указ 1754 года, практически подтверждающий введенный в 1744 году мораторий на натуральную казнь и политическую смерть, не только не был предан забвению, но, напротив, стал главным законодательным актом, определяющим все «смертные сентенции». Однако трактовка этого законодательного акта отличалась вольностью и рациональной простотой. Как уже упоминалось, Елизавета Петровна определила осужденных на смертную казнь и полити-

---

<sup>61</sup> Так, в декабре 1781 года Сенат подготовил для высочайшей конфирмации приговор дворянину Щетинову и дворянке Марковой, которые лишили жизни ее мужа дворянина Маркова. В сентенции отмечалось, что в соответствии с пунктами 72, 22, 14 и 19 главы 21 Соборного уложения, а также по 154-му артикулу 19-й главы Военного артикула преступникам полагается смертная казнь. Однако указ от 13 сентября 1754 года предписывал ограничиться лишением дворянства и ссылкой на каторгу. Поэтому решено было Щетинина наказать кнутом и вырезать ноздри, а Катерину Маркову гуманно оставить «без знаков». Но Манифест 1775 года, дарующий монаршие милости по случаю заключения мира с Портой, и осужденных к телесному наказанию требовал освободить и отправить на поселение. Так, убийцы отделались лишением дворянства и работами на Днепровской линии, что в принципе и соответствовало склонности Екатерины к гуманизации уголовного законодательства. Неудивительно, что вердикт был краток: «Быть по сему» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 51. Л. 173<sup>66</sup>).

ческую смерть экзекуциям не подвергать, одних клеймить словом «ВОР», другим вырезать ноздри, всех наказать кнутом и сослать на рогервикскую каторгу, в Сенат же и на высочайшее имя отправить экстракты дел, сопровождаемые аргументированными мнениями, и ждать распоряжений<sup>62</sup>.

Во время правления Екатерины в большинстве случаев возможность смертной казни аннулировалась сразу на самых низших инстанциях<sup>63</sup>, а на высочайшую конфирмацию поступали, как правило, дела представителей дворянского сословия, что, тем не менее, далеко не всегда облегчало их участь. И хотя определенная имитация *политической смерти* еще всплывала в некоторых приговорах<sup>64</sup>, о самом понятии и терминологических изысканиях предшествующего царствования никто уже не вспоминал. Вырезание ноздрей превращалось в архаику, а семантика клеймения и вместе с тем понимание самого страшного преступления, а может быть, и греха изменились. Некоторых преступников помимо вечной «каторжной работы» приговаривали к специальному позорящему обряду: «поставить на лбу под виселицею первую букву слова “убийца”»<sup>65</sup>.

Как при Елизавете Петровне, так и в годы правления Екатерины II никакого публичного подтверждения приостановки смертной казни не произошло. Подданные по-прежнему считали, что на Руси от сумы, тюрьмы, да и от плахи зарекаться нельзя. В то же

---

<sup>62</sup> ПСЗ. Т. XIV. № 10306. С. 235–236. 1754. 30 сентября.

<sup>63</sup> В привлеченном к работе корпусе конфирмаций приговоров Сената и губернских канцелярий, состоящем более чем из 500 документов, было выявлено только четыре приговора к смертной казни, которые, разумеется, не получили высочайшего подтверждения.

<sup>64</sup> Так, отставной капитан Турбин за убийство крепостной девушки был лишен дворянства, чинов, фамилии, возведен на эшафот, положен на плаху, заклеямен и сослан навечно в работу (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 115–116).

<sup>65</sup> См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 25<sup>об</sup>; Д. 4. Л. 50<sup>об</sup>–51; Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 51<sup>об</sup>; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431; Д. 5159. Л. 199–199<sup>об</sup>; Высочайше утвержденный доклад Сената о наказании за умышленное смертоубийство лишением чинов, дворянского достоинства и постановлением на лбу знака первой буквы слова «убийца» (ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля) и др. См. об этом также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 23–24. С. 126–127; М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 114–116.

время регулярно и с особой торжественностью объявлялись всем приговоренным к смертной экзекуции помилования, приуроченные часто к наиболее важным пафосным событиям. В 1762 году коронавание и миропомазание новой императрицы, в 1775 году победа над Османской Портой и, наконец, в 1782 году открытие монумента Петру I были отмечены освобождением колодников от смертной казни<sup>66</sup>. Преамбулы манифестов апеллировали к евангельской благодати и, может быть, в какой-то степени выражали в словесной форме те чувства, за которыми в свое время последовала Елизавета Петровна: «Почитаем за долг свой открыть Богу искреннюю благодарность, но чем оное изъяснить можем? Существо Его есть человеколюбие, милости он хочет, а не жертвы... не можем мы лучше воздать благодарения, как угождая божественному Его милосердию к виновным»<sup>67</sup>.

Массовые показательные казни участников восстания Пугачева так или иначе девальвировали образ милосердной государыни и в целом не могли способствовать умиротворению подданных<sup>68</sup>. Именно поэтому уже через несколько недель после подавления бунта императрица потребовала предать происшедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казненных, а «лобные места истребить». Именно тогда присутственные места получили прямое указание — «а впредь по преступлениям, смертную казнь заслуживающим, поступать по точной силе 1754 года указа»<sup>69</sup>.

<sup>66</sup> ПСЗ. Т. XVI. № 11667. С. 69–70. 1762. 22 сентября; Т. XX. № 14275. С. 82–86. 1775. 17 марта; Т. XXI. № 15488. С. 649–650. 1782. 7 августа.

<sup>67</sup> См.: ПСЗ. Т. XX. № 14275. С. 82–86. 1775. 17 марта; Т. XXI. № 15488. С. 649–650. 1782. 7 августа.

<sup>68</sup> Мишель Фуко справедливо замечает, что публичная казнь, эта рукопашная схватка мести суверена с осужденным, в действительности чревата бунтом, поскольку в ней обретают опору насилие короля и насилие народа (Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. С. 89–90).

<sup>69</sup> ПСЗ. Т. XX. № 14294. С. 104–106. 1775. 6 апреля. Кстати заметить, что расправа с участниками восстания Пугачева станет практически последней смертной казнью в Российской империи вплоть до повешения пяти декабристов в 1826 году. Во время Наполеоновских войн полковник М. М. Петров, впервые в жизни увидевший виселицу недалеко от городка Штропен, был глубоко потрясен: «Между прочим... вдруг предстало глазам моим... какое-то отдельное строенье... не виданного никогда мною образа: с пятью столба-

Таким образом, лишившись возможности применять смертную экзекуцию, карательные органы оказались перед очень незначительным выбором наказаний за тяжкие преступления. Большинство приговоров теперь отличались однообразием и сводились к ссылке и телесным наказаниям. Рогервик свою былую славу утратил, и теперь главными строительными площадками каторжан стали Оренбург, Нерчинск и Днепровская линия, а местом вечного поселения традиционно оставалась Сибирь. Иногда преступник направлялся на солдатскую службу в отдаленные крепости или оказывался в застенках Ревеля и Шлиссельбурга. «Тело казнили» кнутом и шпицрутенами, а также плетью — последнее было менее болезненно и в дальнейшем не становилось препятствием для службы в армии<sup>70</sup>, малолетних воспитывали розгами, иногда наказание производилось публично — «в страх другим». Постепенно кнут и плеть становились уделом низших слоев, в то время как права дворянства стремительно расширялись, получив свое окончательное оформление в Жалованной грамоте, где кратко декларировалось: «Телесное наказание да не коснется до благородного»<sup>71</sup>. В свою очередь преступники из

---

ми... стоящими на высоком круглом цоколе. На столбах этих лежали перекладины. Я спросил проводника моего: “Что это такое?” Он отвечал: “Виселица”. <...> Тоскливое изумление, как черный ворон, простерлось и объяло душу мою скорбию. “Как, — думал я, — и в те самые минуты, когда, казалось мне, что судьба совершила уже лестные желания мои, приблизив меня в благоговении к божественной Германии, к народу, казавшемуся мне, по описаниям и слухам от многих, благоизбранным нравов, и вот на первом шаге моем к ним встречает меня прекрасное ручательство — виселица!!” (1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 136–137). Благодарю Л. Ф. Писарькову за сведения об этом эпизоде (см.: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 298).

<sup>70</sup> См., например: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 401, 566, 569; и др.

<sup>71</sup> ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 347. 1785. 21 апреля. От телесных наказаний освобождались также две первые гильдии купечества, именитые граждане и священнослужители (Там же. № 16188. С. 369, 381. 1785. 21 апреля). Исключение из этих защищенных законом групп не открывало, однако, возможность для применения подобных санкций. Лишь при Павле I будет объявлено: «Как скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается» (ПСЗ. Т. XXIV. № 17916. С. 590–591. 1797. 13 апреля).

привилегированного сословия лишались своей принадлежности к высшей касте, чинов, возможности дальнейшей службы и всего имущества, которое во время правления Екатерины отходило законным наследникам.

Однако если выносимые приговоры и определялись статусом убийцы, то, как правило, не зависели от социального положения жертвы. Подобный вывод может показаться неожиданным для устоявшихся представлений о крепостнической России второй половины XVIII века, но за отнятую жизнь соседа-помещика, священника, канцелярского копииста и беглого крестьянина, умершего даже через три дня после побоев, дворянина ожидали примерно одинаковые наказания, усугубляемые принудительным покаянием. Так прагматичная забота государства о своих главных налогоплательщиках, крестьянах, оказывалась в одном социальном контексте с христианским учением о равенстве всех перед Богом и заповедью «не убий».

Безусловно, в условиях практической приостановки смертной казни и освобождения высшего сословия от телесных наказаний диапазон карательных мер был весьма ограничен. С другой стороны, нельзя отрицать большой личной зависимости крепостного и низкой стоимости его «подлой души»: частновладельческих крестьян можно было сослать на каторгу, отдать в рекруты, нещадно наказывать плетью, но их категорически нельзя было убивать. Во всяком случае, после смерти своей удавалось им иногда «пожить шумно, как бы в награду за не примеченную никем жизнь»<sup>72</sup>, попасть в экстракты уголовных дел и в каком-то смысле сравняться с убиенными «из благородных».

В 1762 году, еще во время краткого правления Петра III, в Воронежской губернии умер Филин Тихонов, крепостной поручика Василия Нестерова. Весьма вероятно, Тихонов не был работающим и покорным мужиком, «творил непотребства, кражи и побег». Не оставался в долгу по отношению к таким крестьянам и Нестеров. После поимки Тихонова поручик, напившись, бил его, жег его огнем, а потом посадил на ночь в погреб, где утром обнаружили труп. Испугавшись и, видимо, мгновенно протрезвев, Нестеров ре-

---

<sup>72</sup> Гоголь Н. В. Шинель.

шил умолчать о смерти крепостного, в канцелярию не донес, а тело несчастного тайно зарыл «на гумне в землю». Но преступление было раскрыто, поручика взяли под стражу, и тут в Юстиц-коллегии выяснилось, что «если крестьяне от помещиков своих сверх обыкновенного их наказания помрут, за то что с помещиков чинить — таковых точных указов нет». Сенат рассмотрел дело, оставив без внимания доношение поручика о том, что якобы покойный Тихонов грабил его, пытался зарезать ножом, а потом сам принял отраву. Василия Нестерова сослали навечно в Нерчинск, а имение конфисковали в пользу наследников<sup>73</sup>.

Наказание, определенное дворянину за смерть крепостного, оказалось таким же, какое последовало бы за убийство представителя любой другой социальной страты. Эта сентенция стала судебным прецедентом и в дальнейшем повлияла на приговоры помещикам, которые над людьми своими совершают «убийства и необыкновенные тиранские мучения». Власть сама невольно задавала подобный внесловесный стандарт отношения к человеческой жизни. Ни в одном экстракте не встречалось даже намек на возможность смягчения приговора лишь на том основании, что убитый был крепостным человеком. Напротив, заключительная сентенция приобретала иногда пафосную, почти проповедническую стилистику: «дабы кровь убитого отмстить и не оставалась она без возмездия»<sup>74</sup>.

Вообще следует заметить, что в русском обществе XVIII столетия такая драматичная сфера социальной жизни, как судьбы совершивших смертные преступления, не могла не иметь самой тесной связи с евангельским учением и институтом церкви. При Елизавете Петровне христианские ценности непосредственно, без какого-либо духовного наставничества православных иерархов, определили решение светской власти о недопустимости смертной экзекуции. Во время правления Екатерины религиозные догматы использовались больше в воспитательных и процессуальных целях с активным привлечением священнослужителей.

<sup>73</sup> ПСЗ. Т. XV. № 11450. С. 923. 1762. 25 февраля.

<sup>74</sup> См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 348–350<sup>об</sup>; ПСЗ. Т. XX. № 15032. 1780. 9 июля; и др.

## СВЯЩЕННИК-ДОЗНАВАТЕЛЬ И СУДЬЯ-МИССИОНЕР

Церковники обязаны были контролировать, чтобы колодники исповедовались по крайней мере один раз в год и не уклонялись от молитвы во время трех главных постов, праздников и воскресных дней. При этом духовным лицам полагалось не только заботиться об «умилении и сердечном сокрушении» преступников, но и выступать в роли статистиков, направляющих в экспедицию Сената ведомости о числе раскаявшихся колодников, а также о месте и дате их последней исповеди до совершения злодеяния и ареста<sup>75</sup>. В частности, например, именно на основании представлений из епархий о наложении епитимьи Сенат сделал заключение о большом количестве смертных убийств среди однодворцев<sup>76</sup>.

Авторитет веры активно использовался для так называемого «увещевания», в ходе которого священнослужитель должен был принять на себя функции следователя и добиться от преступника как «чистого признания», так и сведений о деталях и «околичностях» содеянного. Предполагалось, что слово духовного лица замечает пытку, «которая в старину была укоренена в обычаях судопроизводства»<sup>77</sup>, а милосердие позволит уменьшить «кровопролитие и истязание». Правда, довольно быстро выяснилось, что подобные дознания требуют большой психологической интуиции и мощной аргументации, предполагающей как минимум хорошее знание Нового Завета. С этим у русских церковнослужителей дела всегда обстояли не совсем благополучно<sup>78</sup>, поэтому был издан специальный сенатский указ о ликбезе духовенства и увеличении числа

<sup>75</sup> См. об этом: ПСЗ. Т. XVI. № 12227. С. 889–890. 1764. 16 августа; Т. XVII. № 12312. С. 10–11. 1765. 17 января; Т. XVIII. № 12919. С. 153. 1767. 21 июня; Т. XX. № 14579. С. 498–499. 1777. 11 февраля; РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. 712–712<sup>об</sup>; Д. 5195. Л. 75–91<sup>об</sup>, 348–350<sup>об</sup>; ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; и др.

<sup>76</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. 712–712<sup>об</sup>.

<sup>77</sup> Пушкин А. С. Капитанская дочка.

<sup>78</sup> Может быть, отчасти поэтому в 1776 году увещевание отставного капитана Александра Ефимовича, зарезавшего в забвении и беспамятстве свою жену, было поручено «учителю риторике», который принадлежал к духовному званию, но был образованнее обычных священнослужителей (Т. XX. № 14539. С. 453–455. 1776. 17 ноября).

«ученых священников»: «А как Ее императорскому величеству не безызвестно, что по иным городам ученых священников и нет, то для увещевания [преступников] сочинить особливую книжицу с довольными доводами от Священного писания»<sup>79</sup>. Руководство вызвался написать ростовский и ярославский епископ преосвященный Афанасий Волховский. Однако спустя 13 лет Сенат обнаружил, что «доныне предписанная книжица не сочинена», поэтому преступникам для начала без церковных посредников было коротко и доходчиво объявлено, что «истинное признание избавит их от истязаний и пыток»<sup>80</sup>.

После этого сановники сами взялись за перо, чтобы составить инструкции для дознавателей из духовенства и не упустить возможность использовать авторитет закона и суда Божьего для вершения суда государственного. В бумагах графа А. А. Безбородко сохранилась рукопись, адресованная церковникам, с помощью которых предполагалось постепенно заменить пытку убедительным словом. «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею»<sup>81</sup> представляли собой набор точных и выверенных психологических приемов, позволяющих манипулировать сознанием преступника и не только получать необходимые сведения, но и изменять его внутреннюю мотивацию<sup>82</sup>.

<sup>79</sup> ПСЗ. Т. XVI. № 12227. С. 889. 1764. 16 августа.

<sup>80</sup> См. об этом: ПСЗ. Т. XVI. № 11744. С. 146. 1763. 29 января; № 11759. С. 162. 1763. 17 февраля; Т. XX. № 14579. С. 498–499. 1777. 11 февраля; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 80. С. 77. 1762. 4 декабря; № 103. С. 98. 1763. 12 марта; № 199. С. 242. 1764. 16 августа.

<sup>81</sup> Здесь и далее цитируется писарская рукопись из бумаг графа А. А. Безбородко «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–15<sup>об</sup>).

<sup>82</sup> Собственно, практика психологической подготовки к покаянию существовала и раньше. В некоторых Требниках XVI–XVII веков исповедное чинопоследование включало образцы так называемых «предысповедных увещаний». Однако эти наставления священникам, разумеется, не рассматривали увещания как составляющую часть судебного дознания и были далеки от инструкций по изопренному воздействию на личность кающегося. Основная задача «предысповедных увещаний» сводилась к побуждению пришедшего на исповедь искренне рассказать о своих грехах. При этом, по мнению А. И. Алмазова, «предысповедные увещания» «с внутренней стороны, со стороны содержания, [были] бедны и сердечным отношением духовника, и вообще назида-

Первостепенное значение уделялось личности увещателя, и прежде всего не собственно его достоинствам, а репутации и способности к взвешенному убеждению. Далее перечислялись важнейшие приемы, позволяющие завладеть доверием подсудимого: снисходительный и сострадательный разговор; расположение к откровенности и рассказу «об истории своей жизни»; напоминание о несчастьях жены, детей и в целом тех, кто «любезен» арестованному, и возможность краткого свидания с ними; заверение в полной конфиденциальности бесед. Иначе говоря, необходимо было предстать перед арестантом в роли «страждущего отца, сожалеющего о его состоянии».

Кроме того, от увещателя требовался грамотный психологический анализ и понимание причин «ожесточения», приведших к преступлению: «от неверия ль или суеверия, или от привычки к порочной жизни, или от отчаяния о возвращении счастья или от страха наказания?» Увещателю полагалось прояснить не только сугубо «мечтательные», но и социальные истоки содеянного, среди которых выделялись наиболее вероятные: неблагонамеренные родители, давшие худое воспитание; худые люди; бедность; злоупотребление должностью; и, наконец, личность самого претерпевшего. При этом автор инструкции специально пояснял, что бедность бедности рознь и оказаться в плачевном положении человек может как от мотовства и лени, так и по «посторонним причинам». Не менее проницательно были выведены и социальные типы так называемых жертв, способных спровоцировать преступление: «господин, не дающий слуге пропитания; начальник, не предупреждающий беспорядков; [не]кто, по неспособности к правлению, расстраива[ющий] порядок».

---

тельными идеями» (см.: Образ наставления узника к сердечному сокрушению; образ иерейского наставления осужденных на смерть узников, при изведении на смерть осужденного // Чин иерейского наставления в пути вечные жизни болезнующих, с приложением подробного по всем заповедям о грехах испытания. Вкупе же образ наставления осужденных на смерть узников. Почаевский монастырь. 1776. 39, 45<sup>об</sup>, 50<sup>об</sup>, 56<sup>об</sup> и др.; Наставление духовнику. По Требнику XVI в. // Алмазов А. И. Тайная исповедь в восточной православной церкви (Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям). Одесса, 1894. Т. III. С. 265–267; Алмазов А. И. Тайная исповедь в восточной православной церкви. Одесса, 1894. Т. I. С. 451–595).

Наконец, в соответствии с инструкцией все усилия увещателя поднимались «до высоты звездного неба и скреплялись нравственным императивом» правосудия Божьего и истин Священного Писания. Предписывалось смягчить душу преступника притчей о блудном сыне и «возбудить в нем сердечное раскаяние». Затем необходимо было напомнить о греховности каждого перед Всевышним и неотвратимости Божьего суда, утешить возможностью спасения души за мгновение до смерти и утешить геенной огненной за сговор с дьяволом всякого, кто скрывает правду. Разумеется, ожидающему суда *государственного* следовало еще раз провозгласить столь любимые всеми правителями слова из Послания апостола Павла к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; посему противящийся власти противится Божию установлению». Однако автор инструкции пошел дальше и, распространив благословление Всевышнего на сферу суда, заявил, что «судиям власть передана от Бога, почему их суд нарицается суд Божий, и запирательство [преступника] представляе[т] Бога лжесвидетелем». После этого оставалось объявить содержащемуся под стражей, что он не только раб Божий, но и «сын Отечества», который «обеспокоил оное преступлением, но успокои[т] признанием». В данном контексте судьям предписывалось «соизмерять наказание» с тяжестью содеянного, учитывая особенно заслуги арестованного перед властью.

В конце инструкции автор выражал уверенность, что увещатель из среды духовенства знаком со Священным Писанием, однако на всякий случай на 20 страницах привел цитаты из Ветхого и Нового Заветов, чтобы «они подавали ему мысли и мысли его подкреплялись оными». При этом весьма тонко пояснялось, что канон не догма, а учение, помогающее понять порок преступника и «противную оному добродетель».

Данная инструкция опубликована, по всей видимости, не была, однако ее содержание точно определяло запрос власти, использующей представителей духовенства в ходе разбирательств по уголовным делам в качестве увещателей, дознавателей, оповестителей и свидетелей при повальных обысках<sup>83</sup>. При этом угроза

---

<sup>83</sup> См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5119. Л. 602–603<sup>об</sup>; Д. 5195. Л. 75–91<sup>об</sup>, 348–350<sup>об</sup>; Оп. 62. Д. 5278. Л. 626–643<sup>об</sup>; ПСЗ. Т. XVIII. № 12919.

жестокого наказания за преступление иногда становилась своеобразным миссионерским хлыстом для привлечения иноверцев в лоно православной церкви. До негласного моратория Елизаветы Петровны магометане могли «спасти живот свой», принимая греческое исповедание. После практической приостановки смертной казни и политической смерти мусульмане, а также идолопоклонники и те неразумные, которые вообще никакой веры не имели, получили шанс избежать и наказания кнутом через святое крещение. Более того, холопы и крепостные из неверных получали свободу, а помещиков-магометан спасти от потери рабочих рук могло только обращение в православие<sup>84</sup>. Иначе говоря, познавшим единственно праведный Закон Божий облегчалась участь по закону государственному.

Несколько сложнее обстояло дело с дружественными христианскими конфессиями. В 1796 году Сенату пришлось рассматривать рапорт тверского и новгородского генерал-губернатора Н.П. Архарова о конокраде Карле Бломе. Швед Блом родился в России в семье почтенного пастора, хотел поступить на военную службу, но, получив по какой-то причине отказ, свернул на скользкую дорожку и украл сначала трех крестьянских лошадей, а потом и трех казенных прямо с поля в селе Гатчина. Петербургская палата уголовного суда приговорила Блома к наказанию кнутом, от которого этот сын лютеранского священнослужителя решил уклониться, приняв греко-российскую веру. Был бы Блом мусульманином, язычником или стихийным агностиком XVIII столетия, тогда бы легко подходил под указ Елизаветы Петровны и вместо кнута получил бы православный крест и прощение. Но в том-то и заключалась загвоздка, что «вышеозначенный преступник Блом был человеком, рожденным в вере христианской, при том в России, и законы сего государства, предписывающие каждому правила жизни, были ему известны». Однако Сенат пошел навстречу лютеранину-конокраду, посчитав, в традиции российского законодательства, наиболее

С. 153. 1767. 21 июня. Т. XX. № 14579. С. 498–499. 1777. 11 февраля; № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; и др.

<sup>84</sup> См.: ПСЗ. Т. XI. № 8349. С. 369–370. 1741. 11 марта; № 8482. С. 549. 1741. 5 декабря; № 8793. С. 919–920. 1743. 28 сентября; Т. XXIII. № 17475. С. 905–907. 1796. 19 июня.

веским аргументом прецедент 1790 года, когда американский поручик фон Деттиль, прибегнувший «под сень святой православной церкви», избежал наказания<sup>85</sup>.

Однако сходные казусы случались и задолго до счастливого облегчения наказания новоявленным православным, шведу Блому и американцу Деттилю. Еще в 1765 году в Военную коллегия обратился с прошением бывший сержант Пензенского пехотного полка Оренбургского гарнизона Иван Роза. Этот Роза в 1746 году был направлен по делам службы в Екатеринбург, где повздорил с горным инженером Бретшнейдером, прибывшим в Россию из Саксонии. Ссора закончилась убийством бедного саксонца и приговором сержанта Розы к вечной каторге. В 1756 году больной Роза, видимо, стал совсем непригоден для работ и был переведен на поселение. Тут-то и возникло у него желание «для лучшего спасения души отвергнуть веру лютеранскую, воспрять веру греческого исповедания» и отправиться на моление к святым угодникам ростовским чудотворцам. Военная коллегия, коль скоро речь шла о делах духовных, обратилась в Святейший синод, где приняли решение об освобождении принявшего православие Ивана Розы из ссылки и разрешении ему совершить паломничество. Тем не менее случай этот прецедентом не стал, был квалифицирован как не подлежащий «рассуждению Синода» и в известной мере инициировал изданный спустя несколько месяцев указ «О невступании духовным консисториям в дела, не подлежащие духовному суду»<sup>86</sup>.

Наконец, совершившие тяжкие деяния<sup>87</sup> принуждались «купно» к покаянию, которое дополняло в различных конфигурациях конфискацию, телесные наказания, каторгу, ссылку. Однако и здесь роль церкви, без участия которой осуществление подобной меры было вообще невозможно, регламентировалась светской властью.

---

<sup>85</sup> ПСЗ. Т. XXIII. № 17475. С. 905–907. 1796. 19 июня.

<sup>86</sup> Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 235. С. 273–274. 1765. 7 апреля; ПСЗ. Т. XVII. № 12536. С. 472–473. 1765. 30 декабря.

<sup>87</sup> В данном контексте не рассматриваются преступления клира, а также светских людей против интересов веры и церкви.

## «НАКАЗАТЬ КУПНО ЦЕРКОВНЫМ ПОКАЯНИЕМ»

Традиционно в Русской православной церкви существовали как добровольное, восходящее к таинству *исповеди*, так и принудительное *покаяние*, практически отождествляемое с *епитимьей*. На основании Соборного уложения 1649 года, «Выписки из деяний Собора 1667 года», «Новоуказных статей», а также «Инструкции» патриарха Андриана в сфере жесткого духовного контроля были, условно говоря, «гендерные связи» — «блудодеяние», «беззаконное прижитие ребенка», вступление четвертый раз в брак, пренебрежительное отношение к обряду венчания и т. п. Склонных к подобным вольностям отправляли в монастырь «под начал», т. е. под строгий надзор наставника, обязывали «быть в трудах», посещать церковную службу и после каждой литургии класть по сто и более земных поклонов<sup>88</sup>.

Неверные сведения по судным делам, данные с крестным целованием, также подлежали церковной юрисдикции. На протяжении всего периода покаяния полагалось по понедельникам, средам и пятницам есть один раз в день хлеб с укропом, а по вторникам и четвергам — два раза тот же хлеб с «варивом без масла». Могли «клянущемуся на криве» вообще урезать лживый его язык, чтобы «скверными речами именем Божиим не укорялся»<sup>89</sup>.

По «правилам святых апостолов и святых отцов» судили беглых холопов, которые, чтобы не возвращаться в прежнее состояние, подстригались в монахи или более того — становились священниками<sup>90</sup>. Разумеется, преследовались попытки прикрыть свою социальную неблагонадежность монашеской рясой безо всякого пострига: таким была прямая дорога в монастырь, но только уже «на смирение»<sup>91</sup>. «Для исправления отсылали к патриарху» христиан, обращающихся в другую веру, в то время как своеобразных проповедников, успешно насаждающих свою религию среди православных, «сжигали огнем безо всякого милосердия»<sup>92</sup>.

<sup>88</sup> ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XX. Ст. 80. С. 130. 1649. 29 января; № 412. С. 699. 1667. 17 июня; Т. III. № 1612. С. 418, 422. 1697. 26 декабря.

<sup>89</sup> Там же. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. 1649. 29 января.

<sup>90</sup> Там же. Гл. XX. Ст. 67. С. 128. 1649. 29 января.

<sup>91</sup> Там же. Т. III. № 1612. С. 416–417. 1697. 26 декабря.

<sup>92</sup> Там же. Т. I. № 431. Ст. 89. С. 794. 1669. 22 января.

Как известно, церковь могла карать за земные грехи и умерших, лишая их права на отпевание и погребение у храма. К несчастным, не обретающим покой и после кончины, относились не только «бесноватые», самоубийцы, казненные преступники и погибшие при разбое и воровстве. Безымянная могилка в лесу или поле была уготована утонувшим во время забав на воде, убившимся на качелях и умершим в результате опьянения<sup>93</sup>.

В целом именно этими преступлениями и ограничивался круг порочных деяний, за которые полагались мирянину церковные наказания в русском обществе, подошедшем к имперскому и синодальному периоду. По Соборному уложению покаяние, отлучение от церкви или запрет на причастие святым тайнам выступали, как правило, самоценной карой и не являлись лишь дополнением к телесным наказаниям, отсечению руки или заточению в тюрьму.

Отдельная 22-я глава Уложения специально посвящалась подробному перечислению преступлений, за которые полагалась смертная казнь. В ней же содержались статьи о «винах, за какие смерти не казнить, а чинить наказание», сводящееся к разнообразным физическим мучениям. О том, что таким «поругателям и забывателям закона Христианского» нужно бы назначить покаяние, в Уложении не упоминалось ни слова. Показательно, что еще до приговора Степана Разина к смертной казни Собор во главе с патриархом Иоасафом вынес свой вердикт об отлучении и проклятии «сего врага Божьего» за «поругание святой православной церкви и христианское кровопролитие»<sup>94</sup>.

В петровском законодательстве все с большей очевидностью усиливается тенденция к сужению сферы правового контроля церкви и распространению имперской власти на те преступления, за которые мирянам предусматривались, казалось бы, духовные наказания<sup>95</sup>. По высочайшей резолюции на докладные пункты Синода

---

<sup>93</sup> ПСЗ. Т. III. № 1612. С. 417. 1697. 26 декабря. См. об этом: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000. С. 158–159; и др.

<sup>94</sup> ПСЗ. Т. I. № 503. С. 862–867. 1671. 15 января. Особое Божье знамение и милосердие иерархи увидели в том факте, что «вор и злодей» был проклят 12 марта 1671 года, а 14 апреля схвачен на Дону и закован в железо.

<sup>95</sup> «Желание светской власти, — пишет Е. Б. Смилянская, — с одной стороны, подчинить “духовные дела” церковной юрисдикции, а с другой — оставить

1722 года<sup>96</sup> светский суд теперь рассматривал дела о «любодействе и блудодействе», о «разделе по заветам», об укрывательстве старообрядцев и даже постановочных ложных чудесах<sup>97</sup>. За Синодом оставалось лишь преследование богохульников, еретиков, раскольников, вступающих в «недоуменные браки», «совокупляющихся родственников» и т. д. Симптоматично, что в случае игнорирования духовного суда церковь должна была жаловаться в Сенат на греховодника, который теперь подлежал уже наказанию «светским началом». Разумеется, над всей этой пирамидой от судьи и епископа до Синода и Сената возвышалась величественная фигура Петра Великого, Отца Отечества<sup>98</sup>, вещающего: «Ежели духовная персона или весь Синод во учиненной обиде нигде сатисфакции не получит — объявлять Мне»<sup>99</sup>. Мог Великий император в случае необходимости пригрозить своим подданным и *Страшным судом*. Так, он писал в 1717 году: «Господа Сенат, ежели несмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите»<sup>100</sup>.

С Воинского устава *покаяние* начинает вообще рассматриваться как дополнительная карательная мера, налагаемая исключительно

---

поле для “законного” вмешательства светских инстанций, не позволило на протяжении всего XVIII века создать и единого органа, ведающего пресечением “беспорядков” в сфере православной религиозности имперских подданных» (Смилянская Е. Б. «Суеверия» и народная религиозность в России Века Просвещения // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. Spring-Summer. P. 51). См. об этом также: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 347–393.

<sup>96</sup> ПСЗ. Т. VI. № 3963. С. 650–652. 1722. 12 апреля.

<sup>97</sup> «Когда кто велит для своего интереса или суетной ради славы огласить священником какое чудо притворно и хитро через кликуш... [тому] наказание и вечную ссылку на галеры с вырезанием ноздрей» (ПСЗ. Т. VI. № 3963. С. 652. 1722. 12 апреля).

<sup>98</sup> В 1721 году в связи с окончанием Северной войны и празднованием Ништадтского мира Петр присвоил себе знаковые и возвышающие русского монарха наименования «Император, Великий, Отец Отечества» [Акт поднесения Государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества (ПСЗ. Т. VI. № 3840. С. 444. 1721. 22 октября)]. См. об этом: Агеева О. Г. Имперский статус России: К истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. Вып. 2. С. 122–123, 135–136; Марасинова Е. Н. Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М., 2008. С. 146–167.

<sup>99</sup> ПСЗ. Т. VI. № 3963. С. 650–652. 1722. 12 апреля.

<sup>100</sup> См.: Письмо Петра I в Сенат. 1717, апрель // Сб. РИО. 1873. Т. 11. С. 348.

светскими властями без каких-либо ссылок на авторитет «правил святых апостолов и святых отцов». Каяться полагалось за идолопоклонство, чародейство<sup>101</sup>, заговор ружья, блуд между ближними свояками, лжесвидетельство, поминание имени Господнего в состоянии алкогольного опьянения, превышение необходимой самообороны, убийство по неосторожности, например во время неумелого обращения с заряженным мушкетом в людном месте и т.д.<sup>102</sup> При этом к церковному смирению с очистительной молитвой преступник приговаривался «купно», наравне с выплатой месячного жалованья в пользу госпиталя, «заключением в железа» или тюрьмой. Иногда факт *покаяния* мог свидетельствовать о замене смертной казни тяжкими телесными наказаниями, которые, видимо, должны были усугубляться еще и этой формой духовного смирения. Так, в Воинском артикуле говорилось, что за «богохуление» вообще-то полагается смертная казнь, но если особых ругательств произнесено не было, да произошло все «единожды» и «по легкомыслию», то можно ограничиться шпицрутенами и «притом церковным покаянием»<sup>103</sup>.

Таким образом, Петр расширил спектр преступлений мирян, которые карались церковным *покаянием*, лишив в то же время это наказание своей самоценности и сделав приговор по нему прерогативой «светских команд»<sup>104</sup>. Однако это дерзкое решение

---

<sup>101</sup> ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320–321, 379 и др. 1716. 10 января. Петровское законодательство проявляет здесь удивительный рецидив «средневекового сознания»: за чародейство можно было и угодить на костер, «если имел обязательства с дьяволом», и отделаться заключением в железо и покаянием, если какие-либо контакты с врагом человеческим отсутствовали. Более подробно об интерпретации подобного феномена см.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 347–393; Ryan W. F. The Witchcraft Hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an Exception? // The Slavonic and East European Review. 1998. Vol. 76. January. № 1. P. 64–65.

<sup>102</sup> ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 322, 366–368, 373, 379 и др. 1716. 10 января. Многие положения Воинского устава почти дословно были подтверждены в статьях Морского устава (ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 49–50, 78 и др. 1720. 13 января).

<sup>103</sup> ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 322. 1716. 10 января.

<sup>104</sup> Подобное перераспределение полномочий можно связать не только с усилением императорской власти и ее сакрализацией, но и с предшествующим периодом в истории Русской православной церкви. Как пишет Е. В. Белякова, «отмена Собором 1666–1667 гг. постановлений Стоглава сделала очевидным

императора мало повлияло на судебную практику последующих десятилетий, так и оставшись на страницах Воинского артикула. В отношении правления Анны Иоанновны также можно говорить лишь о единичных случаях принуждения светским судом мирян к церковному покаянию, в частности в связи с довольно прагматичным указом о беглых. В 1734 году высочайше было объявлено, что всякого звания служилые люди, драгуны, солдаты, матросы, а также посадские и крестьяне, бежавшие за пределы России, получают «генеральное прощение» и приобщаются к числу «верных подданных». Лишь беглые, вышедшие из православной веры, обязаны были принести покаяние, а от прочих наказаний освобождались<sup>105</sup>.

Елизавета Петровна, так практически и не обнаружив решение о моратории на смертную казнь, могла позволить себе не волноваться по поводу возможного увеличения криминальных деяний. Смертные приговоры выносились с прежним постоянством, а доказательств зависимости между гуманизацией уголовной судебной практики и падением нравов так и не обнаружилось. К тому же очевидно, что заботилась императрица больше о спасении собственной души, а не о повышении народной нравственности. И лишь с началом правления Екатерины II в законодательстве все отчетливее начинает прослеживаться мотив необходимости исправления преступника.

«ОТ КНУТА ПОСЛЕДУЕТ СКОРБЬ, А ОТ ПОКАЯНИЯ —  
СЕРДЕЧНОЕ ВОСЧУВСТВОВАНИЕ»

Характерно, что в 60–70-х годах XVIII столетия церковное покаяние присуждалось часто лишь на финальном этапе вынесения вердикта, т. е. в высочайших конфирмациях<sup>106</sup>. Но постепенно эта

---

кризис русского церковного права; дальнейшее его развитие... было во многом обусловлено борьбой с расколом, одним из последствий которой явилось уничтожение покаянной дисциплины» (Белякова Е. В. Судьба сборников церковных канонов на Руси // Исторический вестник. Москва. Воронеж, 2000. № 1 (5). С. 33–39).

<sup>105</sup> ПСЗ. Т. IX. № 6534. С. 254–256. 1734. 17 января.

<sup>106</sup> См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; Оп. 62. Д. 5172, 5278, 5303; Оп. 113. Д. 374 и т. д.

склонность императрицы<sup>107</sup> привлекать церковь к борьбе со смертными преступлениями была осознана Сенатом, а потом и низшими судебными инстанциями. К концу 70-х — началу 80-х годов, особенно после проведения губернской реформы и публикации Устава благочиния, покаяние все чаще появляется в сентенциях уголовных палат и земских судов, выносимых по делам, за которые ранее подобная форма взыскания не полагалась<sup>108</sup>. Постепенно таинство самообвинения грешника перед лицом Всевышнего окончательно превратилось в часть резолюций по тяжким преступлениям, выраженную формализованной строкой приговора. «Журналы высочайшим конфирмациям на докладах Сената и других мест» и «Рестры решенным делам по уголовной экспедиции» на протяжении десятилетий воспроизводили один и тот же юридический штамп в отношении осужденных представителей высшего сословия: «Держав целую неделю на хлебе и воде, предать церковному покаянию; а потом по лишении чинов и дворянского достоинства сослать на поселение»<sup>109</sup>.

В отличие от Воинского устава, содержащего общие законодательные положения, эти документы отражали конкретные обстоятельства и конкретные судьбы. Соответственно, и преступления, за которые наряду со светскими полагались и церковные наказания, были менее экзотичные, чем заговор ружья или блуд между собственниками, но более однообразными, страшными и примитивными по своей жестокости, как это нередко бывает в жизни. Так, например, Сибирь, тягло и покаяние ожидали прапорщика Текутье-

---

<sup>107</sup> В данном контексте любопытно наблюдение Клауса Шарфа о подспудном сохранении в сознании императрицы лютеранской традиции покаяния и искупления, которое иногда проявлялось на уровне речевых оборотов в полемических текстах (*Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015. С. 100).

<sup>108</sup> В обстоятельной и обобщающей работе Джона Ледонна есть отдельный параграф «Punishments», в котором автор пишет о традиционном влиянии на русскую судебную систему предписаний православной морали (*LeDonne J. P.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796. Princeton, NJ, 1984. P. 184–201). Однако остается вопрос, почему именно во второй половине XVIII века, в условиях сужения сферы юрисдикции церкви государство активизирует использование церковных практик для наказания мирян.

<sup>109</sup> См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 18<sup>об</sup>, 25, 37<sup>об</sup> и др.; Ф. 248. Оп. 62. Кн. 5269–5439. Л. 79–80, 137 и др.

ва, зарезавшего своего дворового человека; титулярного советника Юзефовича, избившего батогами титулярного советника Лисеевича в собственном доме; недоросля из дворян Белавенца, убившего купца Яновского; отставного поручика Савина, засекшего крепостную; прапорщика Пустошкина, избившего до смерти свою беременную жену; отставного прапорщика Бавшеева, убившего священника; отставного секунд-майора Михалева, заколовшего своего шурина; подпоручика Бакастова и секретаря Мышкинского уездного суда Кукарина, избивших старосту вотчины княгини Волконской, который «в третий день умер»<sup>110</sup>.

С. М. Соловьев также приводит многочисленные примеры приговоров к церковному покаянию, вынесенных на основании высочайших конфирмаций. Объясняя столь широкое использование религиозных практик в уголовных делах, историк делает вполне резонный вывод: «Екатерина при своем основном стремлении действовать против безнравственных явлений средствами нравственными, а не жестокостью наказаний, обращалась за помощью к церкви»<sup>111</sup>.

Во время правления императрицы покаяние «сверх и купно» налагалось в соответствии с представлениями о самом страшном деянии и грехе, т. е. за убийство, вне зависимости от его мотивов. Не только нести наказания по государственным законам, но и вымаливать прощение у Всевышнего должны были преступники, лишившие другого человека жизни как умышленно, так и вольно или «близ вольно». При этом просматривалась такая закономерность: любое облегчение приговора, связанное с принадлежностью к дворянству, малолетством или отсутствием явного намерения совершить убийство, компенсировалось принудительным покаянием<sup>112</sup>.

<sup>110</sup> См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 55<sup>об</sup>–57; Д. 6. Л. 41<sup>об</sup>–42, 46, 51; Д. 7. Л. 37<sup>об</sup>–38; Д. 8. Л. 78 и др.

<sup>111</sup> Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 23–24. С. 126–127; М., 1966. Кн. XV. Т. 29. С. 113–116.

<sup>112</sup> Джон Ледонн отмечал, что покаяние или раскаяние в совершенном преступлении означало смирение гордыни, которая, собственно, и привела к «злодейскому поступку». При этом признание вины далеко не всегда облегчало наказание, но отсутствие покаяния усугубляло положение преступника (LeDonne J. P. Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism. P. 184–185).

В запутанных ситуациях, когда возникали сложности с однозначным вердиктом, наиболее легким решением также было оставить судьбу преступника на волю Всевышнего.

Так, в 1780 году совестной суд и палата уголовного суда Тверского наместничества не смогли справиться с местной Леди Макбет, статской советницей Веревкиной, которая ни под каким видом не признавала своего участия в убийстве мужа, хотя все свидетельства были против нее. А дело оказалось обычным и семейным. Однажды статский советник Алексей Веревкин отправился в Ржев-Володимиров к помещице девице Благовой, куда и ранее неоднократно наведывался. На сей раз ревнивая жена, пообещав 20 рублей дворовому Федору Алексееву и крестьянину Филиппу Симанову, приказала хозяина по дороге удушить, что они и сделали. Бездыханное тело неверного мужа доставили Веревкиной, которая ни в одну инстанцию о кончине супруга не сообщила, поторопилась с погребением, да еще отправила людей в город за покупками для богатых поминок. Родственники, домашние и съехавшие гости особой печали за вдовой не заметили, а дворовые в конце концов признались в совершенном убийстве. Однако «непоколебимое упорство» Веревкиной и недостаточность явных улик вынудили совестной суд обратиться к Екатерине. Резолюция была проста: имение и детей взять в опеку, а статскую советницу «сослать вечно в отдаленный монастырь на покаяние и безысходное пребывание» до выяснения обстоятельств<sup>113</sup>.

Людские эмоции и непредсказуемость человеческой натуры также поставили в затруднительное положение чиновников Юстиц-коллегии, обратившихся в Сенат, который в свою очередь вынужден был сделать всеподданнейшее представление. В данном случае речь шла об отставном провиантмейстере Андреяне Нелединском, приказавшем своим дворовым высечь ни много ни мало его мать, а потом избившем палкой заступившуюся за нее сестру. Яблоком раздора стали ревизские души, записанные вдовой Авдотьей Нелединской за собой, а не за сыном. Оскорбленная вдова пожаловалась в московскую полицию, Нелединский был немедленно заключен под стражу, и ему грозило наказание кнутом в соответ-

<sup>113</sup> ПСЗ. Т. XX. № 15000. С. 929–931. 1780. 4 апреля.

ствии с 4-м пунктом 22-й главы Уложения. Но тут сердце матери смягчилось, и она подала челобитную в Юстиц-коллегию с просьбой об освобождении сына. Однако закона, разрешающего по просьбе родителей оставлять подобных хулиганов без наказания, не оказалось. По решению императрицы Нелединский был сослан на год на покаяние в монастырь, его имение перешло под контроль матери, а кнут достался выполнявшим приказ барина людям «в страх другим»<sup>114</sup>.

В мнениях земских судов, доношениях губернских канцелярий, указах Юстиц-коллегии и прочих официальных бумагах, написанных формализованным языком, встречались такие устоявшиеся обороты: «обстоятельства по делу сумнительные, точного заключения сделать неможно, все оставить на совесть подсудимого, предать суду Божию и положиться в том на Бога, пока убийство само по себе изобличиться сможет»<sup>115</sup>. В подобных формулировках отразилось еще одно, совершенно особое, восходящее к Средневековью, соотношение Закона Божьего и закона государственного, когда недоказанная виновность преступника определялась через случай, знак, поединок и проч., в которых и проявляла себя воля Господа<sup>116</sup>.

Разумеется, в поликонфессиональной России понятие *суд Божий* являлось обобщенным символом, выступало в роли высшей нравственной инстанции и предполагало за целый ряд злодеяний жестокое порицание и по Евангелию, и по Корану. Так, в 1781 году малолетнему сыну ясадного тяглеца Кинцыбаю за неумышленное

<sup>114</sup> ПСЗ. Т. XVIII. № 13262. С. 849–850. 1769. 25 февраля.

<sup>115</sup> См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 348–350<sup>об</sup>; Ф. 1183. Оп. 1. 1770 г. Д. 107. Л. 15–16 и др.

<sup>116</sup> А. Н. Афанасьев писал: «К Божьему суду... принадлежал и судебный поединок. <...> Обычай решать спорные дела “полем” продолжал существовать в продолжении всего XVI столетия и исчез в XVII-м; в Уложении уже не упоминается о “поле”, а вместо его требуется присяга; впрочем положительного закона, которым бы отменялся судебный поединок, мы не знаем» (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. II. С. 270–276). См. также: Лохвицкий А. В. Значение Божьих судов по русскому праву // Отечественные записки. 1857. № 6. С. 509–520; Калайдович К. Ф. Рассуждение о поединках в России вообще, и в особенности, о судебных // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. 1838. Кн. 4. С. 3–38.

убийство семилетней Ниямбиги полагались розги и «вразумление через абыза, сколь велико содеянное им злодеяние»<sup>117</sup>.

В некоторых приговорах, усугубляющих наказание наложением осуждения на церковное *покаяние*, оправданность подобной меры аргументировалась. Но если в царствование Елизаветы шли общие рассуждения о последнем праве преступника позаботиться о своей душе перед казнью и «просить Бога умиловаться», то во время правления Екатерины речь шла об «очистке совести» и исправлении в этой земной жизни. Так, например, считалось, что от кнута последует только «скорбь», а покаяние принесет «сердечное восчувствование злодеяния» и «превращение в полезного члена общества»<sup>118</sup>.

#### «ПОПАМ В СВЕТСКИЕ ДЕЛА МЕШАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО»

«Наказание купно церковным покаянием» постепенно стало распространенной практикой с отработанной процедурой. В частности, по делам дворян решение принимал земский суд, уголовная палата, Юстиц-коллегия, Сенат или сама императрица, во власти которых находился и выбор формы духовного взыскания. «Светские команды» передавали преступника с указанием обстоятельств дела в духовное правление, обычно в местную консисторию, и уже оттуда он направлялся либо в свой дом на поруки духовнику, либо в монастырь при открытой подорожной с определением пропитания и надежного присмотра. Сроки покаяния иногда обозначались в приговоре, иногда устанавливались епархией и проходили апробацию Синода, который, в свою очередь, обязан был обо всем уведомить Сенат.

<sup>117</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5159. Л. 12–12<sup>об</sup>; а также: Л. 310–310<sup>об</sup>.

<sup>118</sup> См., например: ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958–961. 1780. 9 июля; РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75–91<sup>об</sup> и др. В данном контексте немаловажно замечание Мишеля Фуко, который указывал не просто на гуманизацию уголовно-исправительной системы в век Просвещения, но отмечал замену объекта карательной операции: «...искупление, которое некогда терзало тело заменялось наказанием, действующим в глубине — на сердце, мысли, волю» (Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. С. 22–24).

Русские монастыри издавна были не только местом уединения от мирской суеты, но и местом заключения, где, как справедливо отмечалось в именном указе от 1770 года в Московскую синодальную контору, «кроме монашествующих есть сторожи и прочие служители, ограды и всегда запертые [ворота] для содержания преступников»<sup>119</sup>. Крупным хозяйствам с большими угодьями, жестким внутренним распорядком и действительно наглухо замкнутым пространством за высокими стенами не так сложно было совмещать карательные функции тюрьмы и исправительную миссию духовного надзора. После секуляризации земель, а также передачи в ведение Коллегии экономии 2 миллионов монастырских крестьян «присмотр, пропитание, потребное число покоев и попечение об исправлении»<sup>120</sup> прибывающих на покаяние колодников превратилось в тяжкую обязанность для духовного ведомства. А если еще учесть негласный мораторий на смертную казнь, исключая особые, хорошо известные случаи и практическое введение обязательного духовного наказания за смертные преступления<sup>121</sup>, то станет ясно, почему из монастырей, епархий, консисторий и, наконец, из Синода шли доношения, рапорты и мнения с жалобами на обременительное содержание заключенных в Сенат и на имя императрицы<sup>122</sup>.

Вердикт был для священнослужителей неутешительным. По поводу охраны убийц и грабителей — приказано было обходиться собственными силами, тем более что преступников, наказанных покаянием, по мнению властей, было не так много, да и распределялись они по монастырям «безобидно для каждой епархии»<sup>123</sup>. Кста-

<sup>119</sup> См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17. 1770 г. Д. 223. Л. 1–2; ПСЗ. Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770. 23 августа.

<sup>120</sup> См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 327. С. 379. 1766. 6 ноября.

<sup>121</sup> Может быть, именно поэтому правительство безболезненно сделало широкий жест и постановило, что монастыри не обязаны принимать колодников, не осужденных на церковное покаяние (см. об этом: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1774 г. Д. 537. Л. 3).

<sup>122</sup> См. об этом, например: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1774 г. Д. 537. Л. 2–3; ПСЗ. Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770. 23 августа. Т. XX. № 14597. С. 512. 1777. 11 марта и др.

<sup>123</sup> См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 71. С. 61–63. 1762. 15 ноября.

ти, место отбывания церковного наказания также определялось светским судом иногда с общей формулировкой «отдаленный монастырь», «монастырь в Сибири», иногда с точным указанием места покаяния. Наиболее часто упоминались такие мужские обители, принимающие осужденных на духовное исправление: Белозерский Кирилов, Курский Рождественский, Старо-Харьковский Преображенский, Далматовский Успенский, Вознесенский Иркутский, Спасо-Прилуцкий близ Вологды и, разумеется, суздальский Спасо-Евфимиев и Соловецкий монастыри<sup>124</sup>.

Пропитание всех пребывающих «разного звания людей за разные преступления для исправления церковною епитимьей» возлагалось до указа о секуляризации на монастырский кошт, что вполне устраивало «светские команды». Однако после 1764 года обнищавшие монастыри постоянно сетовали на отсутствие средств для содержания колодников, несмотря на то что теперь деньги на них должна была выделять Коллегия экономии. В конце концов в 1770 году был достигнут компромисс — обеспеченным преступникам, отбывающим церковное наказание, полагалось самим позаботиться о своем пропитании, а на «кающихся без достатка» Коллегия выделяла по 2 копейки в день<sup>125</sup>.

Власть старалась строго контролировать пребывание преступников в монастырях. Как минимум дважды в год в Синод и Экономическую коллегию из епархий должны были поступать сведения, когда, за что и на какое время была наложена на осужденного епитимья, сколько полагается ему, исходя из «торговой в тамошних местах цены», хлеба и денег и как идет духовное исправление<sup>126</sup>.

---

<sup>124</sup> См., например: Распоряжение о назначении Спасо-Евфимиева монастыря для содержания колодников // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 327. С. 379. 1766. 6 ноября.

<sup>125</sup> См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17. 1770 г. Д. 223. Л. 5–5<sup>об</sup>; ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 565. 1764. 26 февраля; Т. XIX. № 13508. С. 151. 1770. 9 сентября. Для сравнения: в 1787 году князю Д. К. Кантемиру, заключенному пожизненно в Ревельскую крепость за убийство крестьянина, было назначено содержание 50 копеек в день из его собственных средств (РГАДА. Ф. 248. Д. 5271. Л. 497–506<sup>об</sup>).

<sup>126</sup> См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 71. С. 61–63. 1762. 15 ноября; ПСЗ. Т. XX. № 14597. С. 512. 1777. 11 марта.

Таким образом, в принятии решений о наказании мирян покаянием за смертные деяния духовенство вообще не участвовало, а его представители лишь выполняли функции охранников и смотрителей в монастырях, которые отчасти были превращены в тюрьмы. Священнослужители допускались лишь до определения длительности церковного наказания преступников. Однако право и на эту прерогативу, установленную «на точном основании святых отцов законов», постоянно нарушалось. На всех инстанциях, от уголовной палаты до императорского престола, с легкостью могли подмахнуть в приговоре точный срок «исправления епитимьей», который ограничивался, как правило, шестью месяцами. Но иногда светский суд санкционировал 5, 20 и даже 25 лет покаяния или вообще «вечное и безысходное пребывание в монастыре»<sup>127</sup>. В результате власть вынуждена была прибегнуть к известной самодисциплине и на протяжении нескольких десятилетий настойчиво издавать указы сходного содержания, предписывающие оставлять на усмотрение церкви сроки и саму процедуру покаяния преступников<sup>128</sup>.

Епархиальные архиереи должны были для принятия верного решения иметь все сведения об осужденном и обстоятельствах дела, чтобы наложенное покаяние привело в итоге к «духовному врачеванию» преступника. Однако нередко служителям церкви и

---

<sup>127</sup> См. об этом, например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 37<sup>об</sup>; Ф. 248. Оп. 62. Д. 5303. Л. 58–78<sup>об</sup>; Оп. 61. Д. 5138. Л. 280; Д. 5195. Л. 75–91<sup>об</sup>; Оп. 62. Д. 5278. Л. 626–643<sup>об</sup>; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 159. Л. 1–4; Д. 162. Л. 7–7<sup>об</sup> и др. Встречались случаи, когда подсудимый приговаривался к покаянию и в монастыре, и затем в приходской церкви под контролем духовника (см., например: Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 20. 1775 г. Д. 21. Л. 7–8).

<sup>128</sup> Сенатский указ «об исключительном праве духовных властей налагать епитимьи и наблюдать за исполнением оных» (ПСЗ. Т. XIX. № 13500. С. 119. 1770. 23 августа); «Распоряжение о сообщении преосвященным и прочим, подчиненным Святейшему Синоду учреждениям, что лицам, осужденным светским судом к церковному покаянию, срок епитимьи должен быть определяем духовною властью» // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 569. С. 679–680. 1770. 1 сентября; сенатский указ «о назначении светским правительствам при осуждении преступников к церковному покаянию точного времени» (ПСЗ. Т. XX. № 15029. С. 954–955. 1780. 2 июля); сенатский указ «о неопределении светским правительствам времени церковного покаяния» (ПСЗ. Т. XXII. № 16168. С. 325. 1785. 18 марта).

в монастырях, и в приходах не хватало гибкости и тонкого «восчувствования», которое можно было бы ожидать от духовных лиц. Светским властям приходилось регулярно напоминать о необходимости проявлять «осторожность» с кающимися преступниками, причем некоторые распоряжения обнаруживали более глубокое, чем у приходских и монастырских наставников, понимание человеческой натуры. Так, в указе «о подтверждении священникам, чтобы они, при наложении епитимьи преступникам поступали осмотрительнее», было выделено несколько психологических типов находящихся на покаянии. Одни «жестокосердны» и не способны ни к какому раскаянию, другие — внутренне холодны и равнодушны, третьи — склонны к отчаянию, но есть и такие, которые «при признании приносят о грехах сокрушение». Наблюдающим в монастырях за колодниками и духовникам в приходских церквях, контролирующим исполнение епитимьи, полагалось «размерять милость» и, видя искренние чувства преступника, сокращать сроки церковного наказания. Более того, в изменившихся обстоятельствах России второй половины XVIII века Синод приветствовал разумное отношение к правилам Вселенских соборов и санкционировал новый взгляд на лишение причастия. Оказалось, что запрет приобщения святых таин признан было недейственным ввиду общего ослабления силы религиозного чувства прихожан синодальной церкви в век екатерининского просвещения<sup>129</sup>, с одной стороны, и немалого числа тайных раскольников, с другой<sup>130</sup>.

Следовательно, даже такой в целом вторичный вопрос, как сроки покаяния преступников, оставленный на усмотрение местных консисторий или епархиальных архиереев, находился под контролем, требовал апробации Синода и отчета перед канцеляриями и Сенатом. В конце концов в ряде указов прозвучали абсолютно четкие формулировки — «дела, не подлежащие духовному суду, для

---

<sup>129</sup> См.: Отлучение от причастия, говорилось в указе, «не страшно многим, но и желаемо ленивым стало» (ПСЗ. Т. XX. № 14996. С. 926–927. 1780. 21 марта; № 15029. С. 954–955. 1780. 2 июля и др.)

<sup>130</sup> См.: ПСЗ. Т. VI. № 4009. С. 678–681. 1722. 15 мая; № 4022. С. 700. 1722. Май.

решения отсылать в светские команды», «попам знать одно свое духовенство, а в светские дела мешаться запрещено»<sup>131</sup>.

Таким образом, наказание покаянием мирянам за преступления, не направленные против веры и нравственности в сфере семейных отношений, выносились без участия клира, а сами священнослужители допускались лишь до весьма обременительного для них обеспечения исполнения сентенций. В то же время приговоренный светским судом в монастыре оказывался в зоне действия канонического и церковного права и, в частности, законов Василия Великого, решений Вселенских и Поместных соборов<sup>132</sup>. Однако, разумеется, на практике строгого следования столь авторитетным уставам не было. Настоятель обязан был действовать прежде всего в соответствии с грамотами, которые находились при доставляемом в обитель арестанте и предписывали порядок его содержания. Поэтому «наказание покаянием» и «наложение епитимьи», ссылка «под начало» и «на смирение» определялись не столько «правилами святых отцов», сколько высочайше утвержденными инструкциями и сводились приблизительно к одним и тем же мерам воздействия, которые можно условно разделить на «смиряющие тело» и «врачующие душу».

«ПОВЕЛЕВАЮ ПОБУЖДАТЬ ПОКАЯТЬСЯ  
ПРИ ПОМОЩИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ И МОЛИТВЫ»

В зависимости от тяжести содеянного преступник мог обрекаться на неисходное пребывание в обители «под крепким смотрением, в кандалах и в особом уединении»<sup>133</sup>, а мог проживать вместе с братией и искупать свою вину в трудах и аскезе. Такие осужденные ру-

<sup>131</sup> ПСЗ. Т. XVII. № 12536. С. 472–473. 1765. 30 декабря; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 276. С. 318–319. 1765. 21 декабря; № 621. С. 741–742. 1771. 11 июля и др.

<sup>132</sup> См. об этом: *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях: опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 174, 176, 182; и др.; 56-ое, 57-ое правила Святого Василия Великого // *Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями.* М., 1876. С. 326–328.

<sup>133</sup> См., например: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 14. 1762 г. Д. 136. Л. 5.

били дрова, возили воду, выгребали золу из печей, стирали белье, пасли скот и делали прочую так называемую «черную монастырскую работу». Наиболее изматывающими считались «поваренные хлебопечные труды», разделка теста, «мукосеяние», которые исполнялись иногда в «жезлах», требовали постоянного физического напряжения и длились до 20 часов в сутки. Тяжкий труд повинных в «смертных злодеяниях» усугублялся пыткой голодом. Все осужденные тот или иной срок содержались на хлебе и воде<sup>134</sup>, иногда с сухоядением по средам и пятницам и полным лишением хмельного<sup>135</sup>.

Примечательно, что подобное содержание осужденных мирян, совершивших уголовные преступления, преобладало во время правления Елизаветы, когда в приговорах к ссылке в святую обитель о «наказании покаянием» вообще, как правило, не упоминалось<sup>136</sup>. Разумеется, арестанты обязаны были посещать вечерние песнопения, но в целом кара за «смертные злодеяния» в монастыре более походила на каторгу или тюрьму, под которую и приспособливались обители с их замкнутым пространством и высокими стенами. Внутренний иноческий потенциал православных монастырей оставался нереализованным, наказание касалось прежде всего умерщвления плоти, а не возрождения духа и быстро заканчивалось могильной ямой без креста и плиты с именем<sup>137</sup>.

---

<sup>134</sup> Так, в июле 1769 года бывший рязанский титулярный советник князь Никита Щетинин за избиение своей жены Пелагеи Афанасьевой и дворовой женки, отчего обе вскоре умерли, был лишен чинов и заключен на полгода для покаяния в монастырь, где содержался на хлебе и воде, после чего был сослан в Нерчинск (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 80).

<sup>135</sup> См. об этом: *Розанов Н. П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 3. Кн. 1. С. 73; *Колчин М. А.* Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк // *Русская старина*. 1887. Т. 56. № 10. С. 60–63.

<sup>136</sup> Ср., например, ведомости о содержащихся в Соловецком монастыре колодниках с указанием их преступлений и назначенного наказания за 1742–1786 годы (*Колчин М. А.* Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 591–613).

<sup>137</sup> См., например, описание сада, примыкающего к знаменитому Спасо-Евфимиеву монастырю в Суздале, который в действительности являлся безымян-

Во время правления Екатерины принудительный пост, аскеза, «черные труды» и «нешадное смирение своевольтва по монастырскому обычаю»<sup>138</sup> традиционно оставались главными мерами воздействия на преступников. Разве что реже использовались пытки и телесные наказания да постепенно ликвидировались земляные тюрьмы<sup>139</sup>. Однако осужденные направлялись в обители не на каторжные работы, не в заключение, а на покаяние. Некоторые высочайше подтвержденные приговоры судов, а также грамоты и инструкции по содержанию преступников свидетельствуют, что инициатором распространения «наказания покаянием» была именно императрица.

Одно из первых решений о наказании «купно» покаянием, принятых на высочайшем уровне во время правления Екатерины, было подписано всего через несколько недель после ее восшествия на престол. Судебное дело и приговор по нему, не вызвавшие никакого резонанса в середине XVIII века, сейчас могут стать впечатляющим опровержением низкой стоимости жизни крепостного в России. 7 августа 1762 года по именному указу в распоряжение Синода из военной конторы поступил вахмистр Ямбургского драгунского полка дворянин Петр Жуков. Жуков был разжалован в солдаты, но прежде отправки в действующую за границей армию должен был в течение нескольких дней поклонами перед народом каяться в церкви Воскресения Никитского сорока на Бронной. Вина Жукова состояла в том, что у его человека Андрея Матвеева на груди образовалась «болезнь», которую вахмистр, привычный к лечению ран в походных условиях, попытался сам удалить ланцетом. Операция доморощенного хирурга оказалась неудачной, и, несмотря на все усилия Жукова, крестьянин умер. В приговоре было сказано: «Хотя то от Жукова без намерения к смертному убийству последовало,

---

ным арестантским кладбищем: *Пругавин А. С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (к вопросу о веротерпимости). М., 1905. С. 17.

<sup>138</sup> См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 522. С. 619–620. 1772. 11 декабря; № 621. С. 741–742. 1771. 11 июля и др.

<sup>139</sup> Один из последних указов о заключении в земляную тюрьму датирован 7 июня 1739 года (см.: *Фруменков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск, 1965. С. 15–41).

однако ж смерть оному крестьянину приключилась»<sup>140</sup>. Об исполненном обряде покаяния теперь уже солдата Жукова иерей церкви Андрей Афанасьев направил в Синод рапорт.

Сохранилось собственноручное решение Екатерины о покаянии, принятое в 1766 году по делу об убийстве геодезиста Ивана Шулепникова, расследование которого тянулось уже более восьми лет. Все подозрения падали на вдову геодезиста Федору Андрееву дочь Шулепникову, но она упорно отрицала свою вину, давая при этом путанные и противоречивые показания. При осмотре трупа объявила, что муж скоропостижно скончался. Однако в челобитной, отправленной в Усольскую воеводскую канцелярию, описала странную историю, как уснула днем в горнице, а потом обнаружила себя запертой, на ее стук в дверь прибежали дворовые девки и, войдя в комнату, объявили о смерти мужа. Спустя же некоторое время Шулепникова донесла главному сыщику Архангелогородской губернии, что спала она в покоех не одна, а с мужем, потом пришли те же дворовые девки, ее вынесли вон, а мужа задушили. В конце концов она сослалась на беспамятство, произошедшее от печали, и заявила, что вообще забыла все свои свидетельства по данному делу. В Усольской воеводской и Галицкой провинциальной канцеляриях резонно сочли, что «для изыскания истины» Шулепникову надо пытать, но ее принадлежность к благородному сословию создавала сложности, и провинциальные чиновники от греха подальше решили обратиться в Сенат. Сенаторы граф Мартын Скавронский, Василий Суворов, князь Алексей Козловский и князь Петр Трубецкой также предпочли не рисковать и отправили доклад императрице. Екатерина непосредственно на тексте доклада написала по-французски: «Есть большое количество показаний против этой женщины, но ее показания противоречивы... Я освобождаю ее от допроса и повелеваю заключить на один год в монастырь или тюрьму, не дозволяя никому ее видеть кроме священника, который должен побуждать ее покаяться при помощи религиозных чувств, поста и молитвы... затем поступить, как законы повелевают»<sup>141</sup>.

<sup>140</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 14. 1762. Д. 169. Л. 1–9.

<sup>141</sup> См.: Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–4; Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 98–100; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 8.

Показательно, что во второй половине XVIII века само понятие *покаяние* в качестве судебной процедуры приобретает двойной смысл. С одной стороны, дознаватели и увещатели из священнослужителей призваны были добиваться от преступников *покаяния* или *раскаяния*, предполагающего добровольное изложение всех обстоятельств дела<sup>142</sup>. С другой — постепенно *наказание покаянием* становится неотъемлемой частью высочайших конфирмаций по уголовным делам и начинает все чаще, особенно со второй половины 1770-х годов, включаться в приговоры судами всех инстанций<sup>143</sup>.

Монастырское покаяние предполагало не только традиционные «черные труды» и принудительный пост, но и целый ряд хорошо известных религиозных практик, направленных на то, чтобы осужденный «преступление свое восчувствовал сердечно и совершенно исправился»<sup>144</sup>. Основой покаянной дисциплины являлись земные поклоны от 30 до 500 во время каждой утрени, вечерни и на литургиях с произнесением «возбуждающей к страху Божьему» молитвы «Боже, буди милостив ко мне, грешному», а также чтение псалмов, «не спешно, но с благоговением»<sup>145</sup>. В случае использова-

<sup>142</sup> См., например: «Две главы о том, как увещателю обращаться с содержащимися под стражею» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–15<sup>об</sup>).

<sup>143</sup> Многозначность понятия *покаяние*, так или иначе отождествляемого и с *исповедью*, и с *епитимьей*, может быть зафиксирована и на материале предшествующих эпох. Однако в XVI–XVII веках на исповедь приходил ни в чем не подозреваемый православный верующий, искренне кающийся в грехах и искупающий их налагаемой церковью епитимьей. В XVIII столетии священник уже принуждал к исповеди преступника, который наказывался светским судом, использующим, в частности, и практики религиозных взысканий (см.: Дмитриевский А. А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. I. Службы круга седмичного и годичного чинопоследования таинств: историко-археологическое исследование. С. 339–352).

<sup>144</sup> См., например: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 77–82.

<sup>145</sup> Так, в июле 1768 года вдова тайного советника Даниила Ефремова Мария Иванова за убийство крепостной девки была помещена на три месяца в московский Девичий монастырь на покаяние, класть в день во время литургии публично по 30 поклонов (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 78). См. также об этом: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–1<sup>об</sup>; Колчин М. А. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 61–62; Роза-

ния монастыря исключительно в качестве тюрьмы приказывалось осужденных колодников «никуда кроме церкви не выпускать». Если же в обитель доставлялись арестанты, приговоренные к полной изоляции, то к ним в казематы мог входить только настоятель и духовник для исповеди<sup>146</sup>. Для увещевания и наставничества выбирался «старец добрый и крепкожильный», которому и предстояло определить плоды раскаяния и очищения совести преступника. С одной стороны, анафема и отлучение мирян от церкви во второй половине XVIII века постепенно перешли в разряд средневековой экзотики. С другой — явно наметившаяся в годы екатерининского правления тенденция к использованию государством религиозных практик для нравственного исправления преступников проявилась в реанимации такого преданного забвению, в прямом смысле ветхозаветного ритуала, как *публичное покаяние*.

«ПОМОЛИТЕСЬ ОБО МНЕ, ГРЕШНОМ»:  
ОЧЕРК ИСТОРИИ ПУБЛИЧНОГО ПОКАЯНИЯ

В христианство опыт публичного покаяния<sup>147</sup> действительно пришел из традиций иудаизма, претерпев при этом глубокую смысловую, функциональную и обрядовую трансформацию. В первые века нашей эры ветхозаветная очистительная жертва усилилась открытым признанием совершенного греха в присутствии всей церковной общины<sup>148</sup>. Это публичное покаяние, получившее в ли-

---

нов Н. П. История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). М., 1870. Ч. 3. Кн. I. С. 73–74.

<sup>146</sup> См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Пг., 1914. Т. L. Ч. 1. Ст. 78; Колчин М. А. Ссылъные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 61.

<sup>147</sup> Речь идет, разумеется, о принудительном признании грешника в своих неблагоприятных поступках и помыслах, т. е. об использовании публичного покаяния в качестве наказания за то или иное преступление.

<sup>148</sup> В частности, исследователи упоминают такие формы публичного покаяния у древних иудеев, как самобичевание; просьба прощения на могиле умершего; привязывание руки, которой было совершено убийство, цепями к телу; лежание на земле у входа в синагогу. См. об этом, например: Neusner J. Repentance in Judaism // Repentance: a Comparative Perspective. Lanham, MD, 1997. P. 60–75; Feldtkeller A. The Step beyond Judaism. What Became of “Metanoia”

тературе название *древнего* или *канонического*, играло важную дисциплинирующую роль и назначалось за особо опасные, расшатывающие устои общества преступления. Прилюдно исповедоваться в содеянном должны были убийцы, прелюбодеи, отступники от веры<sup>149</sup>. В IV веке каноны Арльского, Анкирского, Эльвирского и Неокесарийского поместных соборов к подобным страшным деяниям добавляют разбой, лихоимство, лжесвидетельство, скотоложество<sup>150</sup>.

Зреющий в недрах христианской церкви раскол на Восточную и Западную привел к углублению различий в покаянной практике и, в частности, в форме публичной исповеди и церковного наказания за совершенные грехи. Публичное покаяние на Западе имело свой разработанный обряд и начиналось с особого ритуала «вхождения», или *ordo poenitentium*. Грешника коротко стригли, облачали в черные ветхие одежды или даже власяницу, приводили в храм, где при большом скоплении народа епископ, наложив на него руки, тем самым объявлял о вступлении преступника в чин кающихся. Происходило это первоначально в первый понедельник после Пасхи, однако с VIII века началом Великого поста и особого духовного сокрушения стала Пепельная среда. С тех пор именно в этот день

---

in Earliest Christianity among the Gentiles of Syria? // Ritual and Ethics. Patterns of Repentance: Judaism, Christianity, Islam. Second International Conference of Mediterraneanum. Paris-Leuven, 2004. P. 99–124 и др.

<sup>149</sup> См.: Правила Никейского Святого Вселенского Первого Собора // Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877. С. 38–42. А. И. Алмазов полагает, что грехи, подлежащие публичной исповеди, неразрывно связанной с публичным покаянием, имели отношение к «вероотступничеству, блуду, убийству» (Алмазов А. И. Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 44–45).

<sup>150</sup> См.: Правила Анкирского Святого Поместного Собора // Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 1880. С. 56–65; Правила Неокесарийского Святого Поместного Собора // Там же. С. 73–76, 80–83; *Darras J. É., Spalding M. J., White C. I.* Council of Arles against the Donatists // Idem. A General history of the Catholic Church: from the Commencement of the Christian Era until the Present Time. N.Y., 1866. P. 393; Nicene and Post-Nicene Fathers. Second Series. N.Y., 2007. Vol. XIV. P. 73; 82-ое правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 371–373; а также: *Uhalde K.* Juridical Administration in the Church and Pastoral Care in the Late Antiquity // A New History of Penance. Leiden, 2008. P. 97–120.

голову кающегося грешника посыпали пеплом, оставшимся от сожженных ветвей прошлогоднего Вербного воскресенья<sup>151</sup>.

Покаяние могло растянуться на несколько лет, в течение которых осужденный преступник, называемый «пенитент», лишался таинства причастия, должен был соблюдать строгую аскезу, совершать исключительно богоугодные поступки и во время церковных служб падать ниц перед прихожанами, испрашивая у общины спасительных молитв за себя. Восстановление грешника в церковных правах происходило обычно в Великий четверг или Светлое воскресенье на Пасху и сопровождалось специальной молитвой епископа в присутствии прихожан храма<sup>152</sup>.

В Восточной церкви складывалась несколько другая система публичного покаяния, состоящая из четырех или даже из пяти ступеней<sup>153</sup>, которые соответствовали отдельным этапам длительного периода этого духовного наказания и очищения<sup>154</sup>. Кающиеся соответственно разделялись на «плачущих», «слушающих», «припадающих», «предстоящих» и «вместе стоящих». По правилам Василия Великого «плачущие» перед богослужением вставали на колени перед входом в церковь или в ее внешнем притворе и умоляли идущих в храм помолиться о прощении их вины. «Слушающие» действительно имели возможность слушать проповедь, находясь во внутреннем притворе церкви вместе с оглашенными, и с ними же должны были покидать храм в момент начала таин-

---

<sup>151</sup> D'Aubigne J. H. M. History of the Great Reformation of the Sixteenth Century Germany, Switzerland, etc. N.Y.; Boston, 1844. Vol. I. P. 12–33; Beck H. The Pastoral Care of Souls in South-East France During the Sixth Century. Rome, 1950. P. 188–190; Meens R. M. J. Penance in Medieval Europe: 600–1200. Cambridge, 2014. P. 26.

<sup>152</sup> См. об этом, например: Теста Б. Таинства в католической церкви. М., 2000. С. 212–217; Meens R. M. J. Penance in Medieval Europe: 600–1200. P. 25–27, 118–139.

<sup>153</sup> Об отсутствии нескольких, четко определенных каноном ступеней покаяния в Западной церкви см.: Meens R. M. J. Penance in Medieval Europe. P. 25–27.

<sup>154</sup> В частности, в «Каноническом послании» Григория Чудотворца было сказано: «Плач бывает вне врат молитвенного дома, где стоя согрешающий должен просить входящих [в храм], чтобы помолились за него. Слушание — внутри врат в притворе... Припадание же [состоит в том], чтобы стоящий внутри врат храма выходил вместе с оглашаемыми. Стояние вместе [состоит в том], чтобы [согрешивший] стоял вместе с верными и не выходил с оглашаемыми» (Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Пг., 1916. С. 61).

ства евхаристии. «Припадающие», или коленопреклоненные, допускались уже во внутреннее помещение церкви и во время службы могли стоять у входа вместе с вдовицами и стариками. Когда «слушающие» удалялись из храма, «припадающие» «припадали ниц», публично исповедовали свой грех и также должны были уйти со службы. «Предстоящие» и «вместе стоящие» находились в церкви среди «верных» прихожан, но были лишены возможности делать пожертвования и причащаться<sup>155</sup>.

Однако приблизительно во второй половине III века в Восточной церкви<sup>156</sup>, а спустя несколько столетий, к VII–VIII векам, и в Западной происходит постепенный отказ от практики канонического публичного покаяния. Было это связано и с жесткостью ограничений даже после прощения грешника церковью, и с психологической сложностью открытой прилюдной исповеди, и с исключительностью обряда, в большинстве случаев допускаемого один раз в жизни верующего<sup>157</sup>. Чрезвычайную роль сыграл, конечно, факт включения церкви в официальную жизнь империи

---

<sup>155</sup> Например, в восьмом правиле Никейского I Вселенского собора упоминается установленный срок покаяния для двоеженцев и падших во время гонений на христианскую церковь. В 12-м правиле говорится об «образе покаяния» людей воинского звания, которые приняли мученичество, а потом, ослабев духом, вновь вернулись к светской жизни и службе: «Таковым повелевает[ся] по трехлетнем слушании быть в числе припадающих в продолжении десяти лет и выходить вместе с оглашенными» (Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877. С. 30–36, 42–46).

<sup>156</sup> По мнению А. И. Алмазова, «с введением должности покаянного пресвитера публичная исповедь теряет характер самостоятельного института, отличного от исповеди тайной» (Алмазов А. И. Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 48, 58, 65; см. об этом также: Суворов Н. С. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви. Ярославль, 1884. С. 95).

<sup>157</sup> Исследователи указывают на практику отождествления покаяния и предсмертной исповеди или же уподобления публичного признания в совершенных грехах второму, так называемому «трудному крещению», которое возможно только один раз в жизни верующего. Так, в VII веке Иоанн Дамаскин писал о «многотрудном крещении через покаяние и слезы» (Иоанн Дамаскин. Полное собрание творений. СПб., 1913. Т. I. С. 304). См. об этом, например: Алмазов А. И. Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 39–40; Poschmann B. Die abendländische Kirchenbuße im Ausgang des christlichen Altertums // Münchener Studien zur hitorischen Theologie. 1928. Heft 7. S. 119–120; Vogel C. La discipline pénitentielle en Glaule des origins à la fin du VII<sup>e</sup> siècle. Paris, 1952. P. 118–121, 195.

именно в IV столетии, что, в частности, принципиально изменило отношение к повсеместному крещению взрослых людей. Вместе с отказом от массового принятия христианства в зрелом возрасте и постепенном снижении значимости института оглашенных ослаблялась и покаянная дисциплина церкви<sup>158</sup>.

Анализ канонических и литургических памятников позволил исследователям прийти к выводу, что в конце IV–VII веке из византийских богослужебных книг исчезают молитвы о прилюдно кающихся и собственно чинопоследование публичного покаяния, однако воспроизводится ритуал расположения в храме и вне его пределов четырех основных групп людей, обнародовавших свой грех. Можно предположить, что сохранение в книгах упоминания о «плачущих», «слушающих», «припадающих» и «стоящих с верными» было связано с эволюцией дисциплинарных норм<sup>159</sup>, периодом так называемой *покаянной пустоты*, или *покаянного молчания*, который предшествовал установлению традиции повсеместной регулярной тайной исповеди. Иными словами, в Восточной церкви сначала произошел отказ от практики исповедования согрешившего перед общиной, а затем и от очевидного для прихожан наложения на него запрета присутствовать во время службы в храме и

---

<sup>158</sup> В III веке оглашение приобрело форму длительного испытания, что повлекло за собой разделение готовых принять таинство крещения на группы. Среди оглашенных, в частности, были «слушающие», «коленипреклоняющие», «простертые», «просящие». Часто им отводилось место перед храмом и в храме с приносящими публичное покаяние. Как указывает А. И. Алмазов, «когда язычество совершенно пало, а крещение возрастных совершенно уступило крещению младенцев, оглашение не стало играть видной роли в христианской обрядности» (Алмазов А. И. История чинопоследований крещения и миропомазания. С. 64–67, 76–87; см. о месте оглашенных и кающихся в древней церкви: Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии литургике. Ч. II. Литургика. Сергиев Посад, 1918. С. 45–49).

<sup>159</sup> Сложный, растянувшийся на столетия отказ от публичной исповеди отмечают исследователи и в странах Западной Европы. Так, в VIII веке во Франции существовало тайное признание в тайных проступках, обычное публичное покаяние в публичных грехах и, наконец, торжественная публичная исповедь в день Пепельной среды, когда верующему запрещалось присутствовать на службе вплоть до Великого четверга (см.: Mansfield M. C. The Humiliation of Sinners: Public Penance in Thirteenth-Century France. P. 23–27, 116–123; см. также: Hamilton S. The Practice of Penance: 900–1050. Woodbridge, Suffolk, 2001. P. 104–111).

зримого для всех отлучения от причастия. Собственно, подобный прецедент был зафиксирован еще в 34-м правиле Василия Великого: «Жен, прелюбодействовавших и исповедавшихся в том... Отцы наши запретили явно разглашать их грех, да не подадим причины к смерти обличенных, но повелели стоять им с верными без приобщения, доколе не исполнится время покаяния»<sup>160</sup>.

В Византии в VI веке при монастырях появляются покаянные книги, связанные с подвижнической деятельностью константинопольского патриарха Иоанна Постника, которые служили руководством для пресвитеров при совершении этого таинства<sup>161</sup>. К IX–X векам, т.е. ко времени принятия Киевской Русью христианства, в Восточной церкви уже существовали покаянные уставы, в составе называемых номоканонов, содержащие правила тайной исповеди, распознавания грехов, наложения епитимьи, чтения соответственных молитв при обряде частного покаяния и т.д.<sup>162</sup> В епитимийных номоканонах публичное церковное покаяние, регламентированное соборами и отцами церкви, заменяется окончательно тайным, или частным, покаянием.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что русская православная традиция не знала канонического древнего публичного покаяния<sup>163</sup> и в весьма облегченной форме использовала в качестве наказания демонстрацию греховности верующе-

---

<sup>160</sup> 34-ое правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 275–278.

<sup>161</sup> Об изданиях Устава Иоанна Постника см.: Алмазов А. И. Тайная исповедь в восточной православной церкви. Т. I. С. 72.

<sup>162</sup> См.: Алмазов А. И. Канонарий монаха Иоанна: к вопросу о первоначальной судьбе номоканона Иоанна Постника. Одесса, 1907. С. 1–13; Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 240–244; Пентковский А. М. Покаянная дисциплина христианской Церкви в конце I тысячелетия // Журнал Московской Патриархии. М., 2002. № 10. С. 63–70 и др.; обзор литературы по этому вопросу: Шаляпин С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013. С. 33–61, 68–85.

<sup>163</sup> Так, в источнике второй половины XI века «Заповеди святых отец ко исповедающимся сыном и дочерем», одном из ранних памятников начального этапа становления древнерусской покаянной дисциплины, речь, в частности, шла о полах-исповедниках и отношениях между священником и «покаяльниками детьми» (Пихоя Р. Г. Возникновение памятников покаянной дисциплины

го, которому отводилось определенное место во время службы<sup>164</sup>. Так называемые «большие епитимьи», растянутые на годы и даже десятилетия, хотя и упоминались в Уложении со ссылкой на авторитет Василия Великого и других отцов церкви, но в практике наказаний или вообще не применялись или назначались в редчайших исключительных случаях<sup>165</sup>.

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, детально изобразивший в своих «Записках о Московии» различные религиозные обряды первой половины XVI века, ни разу не упомянул о «плачущих» на коленях или же о «припадающих ниц» и признающихся в грехах. Автору записок лишь довелось видеть прихожан, которым запрещалось непосредственное присутствие на службе за те или иные проступки, суть которых, однако, не разглашалась и оставалась тайной духовника. «Существует множество причин, к тому же совершенно ничтожных, — пишет Герберштейн, — по которым у них запрещается вход в церковь, однако недопущенные становятся обычно у дверей или окон и оттуда видят и слышат священнодействие так же, как если бы они были в храме»<sup>166</sup>.

В Уложении 1649 года есть лишь две статьи, которые предполагают срежиссированные сцены, происходящие при скоплении народа и внешне напоминающие обряд публичного покаяния: убийцы собственных детей должны были после года тюрьмы «приходить к церкви и объявлять свой грех людям вслух» и «клянущийся на криве» обязывался два года «плакать» у дверей храма<sup>167</sup>. Однако в первом случае не представляется возможным указать конкретные

---

Древней Руси в XI в. // Античная древность и Средние века: Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. С. 73–86).

<sup>164</sup> В данном контексте важно различать каноническое древнее публичное покаяние, с одной стороны, и запрет на причастие святых тайн и присутствие на церковной службе с верными, не предполагающий, однако, прилюдное исповедование совершенного греха, — с другой. См. об этом, например: Freeze G. The wages of sin: The Decline of Public Penance in Imperial Russia // Seeking for God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia. De Kalb, 1993. P. 53–82.

<sup>165</sup> См. об этом: Смирнов С. И. Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 169–170.

<sup>166</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 201.

<sup>167</sup> ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XXII. Ст. 3. С. 154; Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. 1649. 29 января.

примеры использования такого ритуального наказания<sup>168</sup>. Второй же прецедент просто отсылает к 64-му правилу Василия Великого: «А кто крест поцелует накриве: и тому Василий Великий в шестьдесят четвертом своем правиле полагает запрещение на десять лет, два лета да плачется, три лета да послушает Божественных писаний, четыре лета да припадает, и едино лето да стоит с верными и потом Божественного причащения причаститься»<sup>169</sup>. Столь объемная цитата из трудов богослова, жившего в Кесарии Каппадокийской в III веке, приведена была в русском своде законов XVII столетия не в качестве инструкции для вынесения судебных приговоров<sup>170</sup>, а прежде всего для акцентирования преступности ложной клятвы. Не случайно после ссылки на авторитет святых отцов идет обращение к православным настоятелям: «И того ради подобает отцам духовным детей своих духовных поучати и наказывати страху Божию, и чтобы промеж себя в соседстве жили любовно»<sup>171</sup>. Между тем 56-е правило святого Василия Великого, по которому убийца на 20 лет лишался причастия и только четыре года должен был, стоя перед церковью, признаваться входящим в своем преступлении, в Соборное уложение вообще не вошло и, соответственно, не стало частью активной судебной практики<sup>172</sup>.

<sup>168</sup> См., например: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XVI–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 28.

<sup>169</sup> ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. 1649. 29 января. Ср.: 64-ое правило Святого Василия Великого // *Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями.* М., 1876. С. 335.

<sup>170</sup> Об обстоятельствах попадания некоторых архаичных установлений на страницы Уложения говорится в его преамбуле: «Бояре князь Никита Иванович Одоевской с товарищи, выписав из правил Святых Апостол и Святых Отец, и из градских законов греческих царей, и из старых судебников... и те статьи написав, к государю приносили» (ПСЗ. Т. I. № 1. С. 1–2. 1649. 29 января).

<sup>171</sup> ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10. С. 72. 1649. 29 января.

<sup>172</sup> В правиле 56 сказано: «Волею убивший, и потом покаявшийся, двадцать лет да будет без причастия святых тайн: четыре года должен он плакать, стоя вне дверей молитвенного храма и прося входящих в оный верных сотворить о нем молитву, исповедуя, притом, свое преступление; по четырех годах да будет принят в число слушающих Писание и с ними да исходит в продолжение пяти лет; семь лет с припадающими да молится; четыре года да стоит только с верными, но да не сподобится причастия; по исполнении сих да причастится святых тайн» (56-ое правило Святого Василия Великого // *Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями.* М., 1876. С. 326–328).

## ПУБЛИЧНОЕ ПОКАЯНИЕ В ВОИНСКОМ АРТИКУЛЕ

Впервые в русском законодательстве понятие *публичное покаяние* дважды появляется на страницах Воинского артикула в связи с ситуацией, когда «кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей», который, между тем, «никому никакого вреда не учинил и обязательства с сатаню никакого не имеет». Кроме того, «явное покаяние при собрании людей» присуждалось «ругателю, [не допустившему] никакого богохуления», но упоминающему имя Бога всуе «нарочно, или и с злости, или в пьянстве»<sup>173</sup>. Как уже указывалось, в целом в Воинском и Морском уставах упоминался и целый ряд других преступлений, за которые «купно» следовало наказание покаянием. Однако в случаях лжесвидетельства, блуда, неумышленного убийства, превышения необходимой обороны и т.д. речь шла собственно о покаянии без акцента на обязательность прилюдного исповедования грехов<sup>174</sup>. При этом тексты Воинского и Морского уставов не фиксируют принципиальных различий между определениями самого понятия *покаяние* и практически отождествляют *церковное покаяние*, *явное покаяние* и, наконец, *публичное покаяние*.

Восприятие столь экзотического для российского законодательства термина, как *явное*, или *публичное покаяние*, было бы легко объяснить механическим заимствованием из западноевропейских артикулов, и прежде всего из шведского военно-уголовного кодекса Густава II Адольфа 1632 года, обновленного в 1683 году Карлом XI, а также датского, бранденбургского и нидерландского уставов<sup>175</sup>. Однако в главном первоисточнике Воинского артикула, шведском военном законодательстве XVII века, публичное покаяние вообще не упоминается. Русский правовед П. О. Бобровский,

<sup>173</sup> ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320–322. 1716. 30 марта.

<sup>174</sup> См.: ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 366–370, 373, 379. 1716. 30 марта; см. также Морской устав: ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 49–50, 78–79. 1720. 13 января.

<sup>175</sup> См.: Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Артикул воинский по русским и иностранным источникам. СПб., 1882. Вып. 1. С. 151; Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. N.Y., 2004. P. 115, 126–128.

работы которого остаются до сих пор единственным фундаментальным источниковедческим исследованием Воинского устава, отмечает, что наказание публичным покаянием и трехдневным арестом с содержанием на хлебе и воде упоминалось лишь один раз в голландских артикулах, когда речь шла о богохульстве<sup>176</sup>. Поэтому можно предположить, что введение в нескольких статьях Воинского артикула практики *публичного* или *явного покаяния* являлось не простой калькой западноевропейских военных кодексов, а стало результатом опосредованного влияния протестантской традиции<sup>177</sup> на законодательство Петра<sup>178</sup>.

После появления в Воинском артикуле статей, предполагающих наказание *публичным покаянием*, и повторения некоторых из них в Морском уставе<sup>179</sup> на протяжении последующих десятилетий данный, не прописанный нигде обряд был спонтанно реализован и зафиксирован в ряде документов. Факты публичных покаяний были крайне редкими, однако все же сохранились отдельные свидетельства, позволяющие воспроизвести столь назидательные и мощные по своему эмоциональному воздействию сцены. Дела приговоренных «купно» к публичному покаянию поступали от светских команд в Синод, где, как правило, и принималось решение о выборе прихода для прилюдного духовного наказания. Приходской священник<sup>180</sup> оповещал народ заранее, и, разумеется, недостатка в желающих присутствовать на столь торжественном и суровом событии не было. В назначенное время стража доставляла кающегося

---

<sup>176</sup> Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Артикул воинский по русским и иностранным источникам. СПб., 1882. Вып. 1. С. 151.

<sup>177</sup> Речь идет о том, что еще Лютер во время Реформации постепенно склонился к мысли о пагубности тайной исповеди, индульгенции, отпущения грехов и пришел к выводу об особой силе коллективного публичного покаяния.

<sup>178</sup> Определенную роль в обращении к публичному покаянию мог сыграть факт подчинения Синоду лютеранской общины Петербурга и епархии (см.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1859. Вып. 1. С. 142; Суворов Н. С. О церковных наказаниях. С. 186, 219).

<sup>179</sup> ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 49–50, 78. 1720. 13 января.

<sup>180</sup> См. об положении приходского духовенства в иерархической структуре православной церкви, так или иначе включенной в бюрократический аппарат империи: Freeze G. L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, 1977. P. 13–45.

ся в церковь, где он должен был занять видное место и стоять там, окруженный солдатами. Затем появлялся дьякон, зачитывал приговор, при первом упоминании имени преступника указывая на него рукой, и объявлял: «И ныне он ту свою вину исповедуя, приносит покаяние и просит от всемилостивейшего Бога отпущения. Того ради извольте, все православные, слышав оное его покаяние, от таких и подобных тому причин остерегаться, а о нем, кающемся, дабы сподобился он от Господа Бога принять прощение, помолитесь». После этих слов преступник клал три земных поклона перед алтарем и произносил собственные покаянные слова: «Я, низжайший и всех грешнейший раб, перед Господом Богом и перед вами, православные христиане, за предъявленное мне согрешение, с сокрушением сердца и с осуждением того греха, прошу прощения перед всеми и молю ради человеколюбия вашего, помолитесь обо мне, грешном, чтобы оной мой грех от Господа Бога мне оставился в жизни сей и в будущем веке. Аминь». Далее следовала литургия, после которой священник и кающийся подписывали только что воплощенную форму публичного покаяния. Затем преступник вновь поступал в распоряжение светских команд<sup>181</sup>.

Очевидно, что подобный сценарий *публичного покаяния* был весьма осовремененной импровизацией и имел лишь отдаленное внешнее сходство с византийским каноном, прописанным в 56-м правиле Василия Великого. Примером еще одной довольно вольной трактовки этой древней практики стал вынесенный в 1730 году приговор, направляющий солдатку вдову Агафью Фаддееву в церковь для публичного покаяния.

Эта Агафья жила в Петербурге и, лишившись кормильца, промышляла рукоделием и волшебством. Однажды пришел к ней крестьянин Мартын Алексеев, отчаявшийся помочь своей безумной жене Авдотье дочери Гавриловой. Агафья пошла на Неву, зачерпнула ковш воды и увидела, что Авдотья кто-то сглазил сразу же после свадьбы. Поселился в ней нечистый дух, который так и подталкивает несчастную утопиться или повеситься. Мартыну ведунья посоветовала только одно — смотреть за женой. Однако,

---

<sup>181</sup> См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1859. Вып. 1. С. 140–141; *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. С. 184–185.

видимо, он не поверил предсказанию, и напрасно: Авдотья вскоре действительно утопилась в Неве, прямо напротив Выборгской стороны. Тут уж в дело вмешалась полицмейстерская канцелярия, провели расследование и выяснили, что Агафья — потомственная ведунья и волшебству научил ее отец, московский посадский человек. Для публичного покаяния Агафья была направлена в Успенский собор к священнику Петру Федотову. В течение трех дней она во время богослужения стояла вне церкви, у дверей, всем проходящим мимо сообщала о своих занятиях волшебством, кланялась и просила прощения и молитвы перед Богом. Закончилось дело довольно благополучно: у Агафьи нашлись влиятельные поручители, кто знает, может те, которым она когда-то помогла своим прорицанием. В духовном правлении с нее взяли подписку о том, что она оставит навсегда занятия волшебством, и отпустили с миром<sup>182</sup>.

По высочайшей конфирмации сходный обряд *публичного покаяния* был определен помещику, отставному подпоручику Петру Григорову за убийство священника Григория Никитина, приехавшего к нему в гости. На Григорова накладывалась епитимья в одном из монастырей Рязанской епархии, и полагалось ему «один год стоять в притворе церковном при входных дверях и как вошедшему в церковь, так и исходящему из церкви народу в предписанном своем согрешении приносить публичное покаяние и просить, что б они об отпущении ему того пригрешения приносили перед Богом общие с ним молитвы, а в последующие четыре года приходить ему в церковь на всякое церковное славословие и класть земные поклоны... а до причастия святых тайн, кроме смертного случая, его не допускать»<sup>183</sup>.

По всей видимости, на основании статей Воинского артикула попал под *публичное покаяние* за ложную присягу некий капитан Вуйчич. Довольно странный случай произошел в 1761 году в расквартированном в Новороссии корпусе, состоящем из сербов,

<sup>182</sup> См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1859. Вып. 1. С. 141–142; *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. С. 186–187.

<sup>183</sup> Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. I. № 522. С. 619. 1762. 11 сентября.

которые по политическим и религиозным мотивам покинули Австрийскую империю и поступили на русскую службу. Капитан Гернич донес на прапорщика Милютиновича, что тот сообщил ему о заговоре против генерал-лейтенанта И. С. Хорвата. Выяснилось, что подполковник Перич, полковник Адабаш и сам прапорщик Милютинович решили Хорвата убить и даже заготовили для этого заряженные пистолеты. Началось следствие, в ходе которого капитан Вуйчич под присягою подтвердил факт готовящегося покушения, однако донос Гернича оказался ложным. В результате самого Гернича решено было лишить чинов и сослать на поселение в Сибирь, а Вуйчича определить к публичному церковному покаянию. Пока шло разбирательство и суд, в Петербурге дважды сменилась власть, и взошедшая на престол Екатерина помиловала и Гернича, и Вуйчича, а в бумагах сенатского архива так и осталась сентенция, приговаривающая сербского капитана к публичному церковному покаянию<sup>184</sup>.

Таким образом, в русских законодательных документах XVIII столетия появляется термин *публичное церковное покаяние*, который не отличается смысловой определенностью и легко находит себе место в синонимическом ряду таких легко взаимозаменяемых в текстах источников понятий, как *тайное покаяние*, *исповедь*, *епитимья*, *пребывание в монастыре под начал и на смирении* и т. д. Соответственно, публичное покаяние в России этого периода не имеет никакого определенного обряда и представляет собой причудливое сочетание древнего византийского ритуала, определяемого правилами святых апостолов и святых отцов, требований номоканона и отдельных элементов католической и особенно протестантской традиции, безусловно оказавшей влияние на текст соответствующих статей Воинского артикула. Публичное покаяние исключительно редко появлялось в текстах приговоров и оставалось уникальным событием, имеющим мощное назидательное воздействие на сознание подданных. Этот реанимированный в абсолютно новом социальном контексте обряд становился частью большого театрализованного действия русского самодержавия, резонно усматривающего в результативной манипуляции сознанием подданных одно из не-

<sup>184</sup> См.: Сенатский архив. СПб., 1909. Т. 13. С. 147–148.

обходимых условий своего государственного успеха. В данном контексте разворачивающееся в Москве на протяжении четырех недель постановочное публичное покаяние двоих убийц Жуковых может рассматриваться как важная сцена барочного театра Екатерининского абсолютизма.

### ДЕЛО ЖУКОВЫХ

В 1766 году в Москве во время Великого поста ожидалось, что Успенский собор Кремля в четвертое воскресенье, церковь Петра и Павла на Новой Басманной — в пятое, церковь у святой Параскевы на Пятницкой в четверг пятой недели и, наконец, церковь у Николая Явленного на Арбате в Лазареву субботу будут переполнены прихожанами и окружены толпами любопытствующего народа<sup>185</sup>. В эти дни должен был состояться обряд публичного покаяния двоих убийц — лейб-гвардии Преображенского полка каптенармуса Алексея Жукова и жены его Варвары Николаевой, по отцу Полтевой, которые вместе с несколькими крепостными людьми жестоко расправились с матерью и пятнадцатилетней сестрой Жукова<sup>186</sup>.

Вообще надо заметить, это семейство доставило немало хлопот властям. Отец убийцы статский советник Александр Петрович Жуков с 1744 по 1752 год был воеводой в Пензе<sup>187</sup> и отличался вызывающим казнокрадством, лихоимством и жестоким отношением к населению. Жуков не брезговал ничем: отправлял своих людей по селам и собирал дань деньгами, лисьим мехом, медом и даже кре-

<sup>185</sup> РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 9.

<sup>186</sup> Об этом деле есть обстоятельная работа американского ученого Николаса Хрисидиса: *Chrissidis N. A. Crying Their Hearts Out: A Case of Public Penance in the Era of Catherine the Great // Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. Bloomington, IN, 2011. P. 107–125.* См. также тезисы Г. О. Бабковой: *Бабкова Г. О. Репрезентация «милости»: дело А. и В. Жуковых в контексте реформирования уголовного права в России второй половины XVIII века // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX века: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009. С. 14–16.*

<sup>187</sup> См., в частности: *Заозерская Е. И. Помещик Жуков и его хозяйство // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 213–226.*

постными девками<sup>188</sup>. Он мог месяцами держать невинных в колодках и заставлять работать в своем поместье пахотных солдат и новокрещенов: косить траву, возить сено, поставлять к столу раков или даже поймать живого волка<sup>189</sup>. Обычно Жуков практиковал такой нехитрый способ грабительства, как использование своей воеводской должности, которая позволяла ему арестовывать людей без видимых причин. С этих несчастных он требовал выкуп — иногда деньгами, а иногда ценными подношениями. Так, однажды он прознал, что приписанный к подушному окладу площадной подьячий Кондратий Попов женат на Агафье Емельяновой, которая в свое время не только вернулась из турецкого плена, но и привезла с собой весьма дорогие вещи из Царьграда. Подьячий Попов оказался в тюрьме и лишь спустя месяц был вызволен женой, передавшей Жукову через городничего Григория Брюхова и денщика Степана Топоркова кипарисный сундук, лампаду с серебряными цепочками и золотой пояс с бляхами<sup>190</sup>.

Вокруг Жукова сложилась целая шайка вымогателей, которая, прикрываясь близостью к воеводе, бесчинствовала в окрестностях Пензы, проявляя особую жестокость по отношению к мордовским крестьянам. В 1754 году власть все же вынуждена была отреагировать на многочисленные жалобы и челобитные, поступающие из Пензенской провинции. Однако призвать к ответу зарвавшегося казнокрады и грабителя оказалось непросто, поскольку разносчик объявлений, а затем и сержант специальной роты Сената были искусаны спущенной на них злейшей собакой во дворе усадьбы Жукова<sup>191</sup>. В конце концов воевода все же оказался под стражей, а специально созданная комиссия вынуждена была разбирать 233 следственных дела преступника и его окружения в течение долгих пяти лет<sup>192</sup>.

---

<sup>188</sup> Так, единожды Жуков приказал денщику Степану Авдониному без долгих разговоров забрать у жены однодворца Петра Карунтяева Афимьи Федоровой крестьянскую девку Федосью Тимофееву. Девку отправили в елецкую вотчину воеводы и там выдали замуж за крепостного Никифора Филипова (РГАДА. Ф. 304. Оп. 3. Д. 123. Л. 83–84).

<sup>189</sup> См.: Там же. Д. 17. Л. 64–64<sup>об</sup>; Д. 27. Л. 6–7, 20–21<sup>об</sup>; Д. 85. Л. 13–15 и др.

<sup>190</sup> Там же. Д. 172. Л. 3–5, 51–53<sup>об</sup>.

<sup>191</sup> Там же. Д. 195. Л. 17.

<sup>192</sup> Там же. Д. 96. Л. 5–7<sup>об</sup>; Д. 141. Л. 121–122; Д. 195. Л. 35–35<sup>об</sup> и др.

Однако этим скандальная известность Жуковых не ограничилась. В том же 1754 году, когда отец семейства обязан был неотлучно находиться в Пензе<sup>193</sup>, а по вопросу о его незаконных действиях дважды в неделю проходили заседания в Юстиц-коллегии, Москву потрясло страшное убийство в доме бывшего воеводы на Никитской улице в приходе церкви Воскресенья Христова. Вину за гибель своей жены Аграфены Ивановны и малолетней дочери Надежды, задушенных ночью в собственной спальне, Жуков без колебаний возложил на сына Алексея<sup>194</sup>. В следственную комиссию он направил донесение о женитьбе сына на некоей Варваре Николаевой дочери по отцу Полтевой без согласия родителей, растрате их имущества и всяческом непочтении к матери, «почему она име[ла] опасения к нечаянному прекращению своей жизни»<sup>195</sup>. Убийцами действительно оказались Алексей Жуков и его жена Варвара, которых довольно скоро нашли в доме Настасьи Полтевой, тещи преступника, тут же раскрылись и обстоятельства столь безжалостного злодеяния.

Жуков с молодой женой, склонив к преступлению слугу Михаила Григорьева, столяра Ивана Иванова, калмыка Александра Александрова и двух дворовых девок, Авдотью Ионову и Катерину Данилову, решил завладеть деньгами и драгоценностями матери. Страх перед пролитой кровью банда убийц залила хмельным, тут же найденным в разграбленном доме, и, прихватив коробку или «скринку» с деньгами, серебряную кружку, а также платки, посуду и пуховую подушку, на коляске с гиканьем и песнями отправилась в дом Настасьи Полтевой у Мясницких ворот. Продолжающееся до утра веселье не омрачила даже полупустая шкатулка, в которой оказались не ожидаемые Жуковым 40 тысяч, а всего лишь 563 рубля 20 копеек<sup>196</sup>.

Следствие возглавил генерал-поручик Александр Данилович Татищев, он же и вынес приговор: «Алексея Жукова, жену его Вар-

<sup>193</sup> Там же. Д. 226. Л. 36–38<sup>об</sup>.

<sup>194</sup> Тем более что сам Жуков ранее подвергся нападению со стороны второго сына, ну а третьего, в свою очередь, чуть не довел до самоубийства угрозами и жестокостью (РГАДА. Ф. 196. Д. 226. Л. 11).

<sup>195</sup> Там же. Ф. 304. Оп. 3. Д. 226. Л. 1–1<sup>об</sup>.

<sup>196</sup> Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2<sup>об</sup>.

вару, тещу Настасью Полтеву, Михаила Григорьева, Ивана Иванова, калмыка Александра колесовать и тела их положить на колеса; а девкам Авдотье Ионовой и Катерине Даниловой отсечь головы»<sup>197</sup>.

Убийство произошло в ночь на 10 сентября 1754 года, а 30 сентября Елизавета Петровна еще раз подтвердила свое запрещение вершить смертную экзекуцию до специального высочайшего распоряжения. Однако вопреки этому указу приговоренные к колесованию Алексей и Варвара Жуковы не отправились на каторжные работы в Рогервик и даже не были отмечены клеймом «ВОР», как предписывалось поступать в подобных случаях. Убийца матери и сестры, а также его жена долгие годы оставались в одиночных камерах, закованные в кандалы с тяжкими гирями на шее. Позже в манифесте Екатерины II будет сказано: «Мы довольно ведаем, сколь ужасное сие преступление поразило сердце покойной нашей тетки»<sup>198</sup>. Однако, по всей видимости, Елизавета не столь была травмирована этим действительно чудовищным злодеянием, сколько, не имея внутренней возможности отступить от принятого на себя обязательства отказаться от смертной казни, сочла единственно правильным решением похоронить убийц заживо.

Между тем следствие по делу овдовевшего и лишившегося дочери бывшего пензенского воеводы продолжалось до смерти императрицы. В 1762 году унаследовавший российский престол племянник Елизаветы Петровны объявил амнистию, как это принято у многих приходящих к власти правителей. Александр Петрович Жуков, казнокрад и взяточник, не чужающийся насилия, рукоприкладства и грубого вымогательства, был освобожден из-под стражи, а многотомное дело о его беззакониях отправилось по императорскому указу в архив<sup>199</sup>.

Жуков не моргнув глазом зачастил в Сенат, чтобы возвратить описанное во время следствия имущество и подтвердить наслед-

---

<sup>197</sup> РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 3–3<sup>об</sup>.

<sup>198</sup> ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 615. 1766. 24 марта.

<sup>199</sup> Тысячи страниц допросных речей тяжким грузом осели в Юстиц-коллегии. Затем бумаги следственной комиссии о злоупотреблениях пензенского воеводы Жукова перекочевали в 6-й департамент, а через 10 лет были переданы в 5-й «для уравнивания в делах московских департаментов Сената» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Д. 3811. Л. 55–55<sup>об</sup>).

ство жены, убитой их родным сыном. Как свидетельствует примечание к первой публикации эпиграммы Ломоносова, там-то и встретил поэт, остолбеневший от грубости человеческой натуры, подъехавшего цугом бывшего пензенского воеводу. Видимо, манеры Жукова отдавали какой-то свидригайловщиной — он едва не подмигнул Ломоносову и, обратив его внимание на приближающуюся грозу, заявил: «Напиши стихи на приезд мой в Сенат во время грозы». Вздрыгавший Ломоносов был готов на экспромт:

Между Сенатских цуков  
Что вижу я? И Ж[уков]...  
Дивятся все, дивишься ты и сам:  
Как не греметь во гневе небесам!<sup>200</sup>

Видимо, полное отсутствие рефлексии у этой «подлой бессердечной породы»<sup>201</sup> позволило выжить в нечеловеческих условиях заточения Алексею и Варваре. К началу правления Екатерины непосредственные исполнители преступного замысла Жукова крепостной Михаил Григорьев и столяр Иван Иванов, а также калмык Александр Александров и вдова Настасья Полтева уже умерли в тюрьме, так и не дождавшись решения следственной комиссии<sup>202</sup>. Вообще императрица получила от предыдущих правлений по одной только Юстиц-коллегии 6027 нерешенных дел, не считая неразобранных бумаг, на протяжении многих лет поступающих на рассмотрение из всех губерний<sup>203</sup>. Среди многочисленных рапортов она не могла не обратить внимание на доклад Сената по поводу

---

<sup>200</sup> Ломоносов М. В. Эпиграмма // Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 782, 1175–1177.

<sup>201</sup> Толстой Л. Н. Война и мир.

<sup>202</sup> РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2<sup>об</sup>.

<sup>203</sup> В 1766 году Сенат за подписью Александра Бутурлина, Петра Панина, Николая Чичерина и Адама Олсуфьева доносил Екатерине: «[Юстиц-коллегии] в трех департаментах нерешенных дел по указам правительствующего Сената и святейшего Синода из конторы интересных, челобитчиковых, апелляционных и производимых по крепостной конторе, начавшихся от 1712-го года состоит шесть тысяч двадцать семь, да сверх того явилось еще не разобранные дела после выбылых разными случаями повытчиков, кои ныне разбираются и описываются, без чего точного оным числа показать невозможно» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Д. 3729. Л. 378–378<sup>об</sup>). См. об этом также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 8.

тянущегося с 1754 года в Московской полицмейстерской канцелярии расследования столь циничного убийства матери и совсем юной сестры. Тогда-то ей, видимо, и пришла замечательная идея — «не кровавиться»<sup>204</sup> попусту и в то же время дать серьезный нравственный урок подданным. Разумеется, лучшего контекста, чем Евангельское учение, для этого нельзя было придумать.

Однако прежде необходимо было выяснить, где, собственно, находятся преступники, имели ли они детей до заключения и не прижили ли новых, пока 10 лет содержались под караулом. Довольно скоро генерал-прокурор Сената князь Вяземский получил рапорт из Московской губернской канцелярии: «Означенной Жуков и жена его содержатся в [учрежденной розыскной] экспедиции вместе, а детей у них никого нет»<sup>205</sup>.

### ИНСЦЕНИРОВАННОЕ ПОКАЯНИЕ

Тогда же императрица задумала вместе со статс-секретарем Г. Н. Тепловым осуществить постановку ритуала публичного покаяния. Затем она обратилась к митрополиту Новгородскому Дмитрию, епископу Псковскому Иннокентию и епископу Тверскому Гавриилу, поручив им уже детально «исследовать какие в древней церкви нашей употреблялись подобным злодеям наказания и каким образом души их предавались в помилование Богу»<sup>206</sup>. Иерархи, разумеется, с прямолинейной наивностью ответили, что «убийцу матери и сестры законы осуждают на смерть» и вообще-то монархи — «сами властители духовные и мирские», соответственно и «казнь таким злодеям состоит в [их] воле и власти»; но, с другой стороны, если вспомнить об «истинном христианстве», вроде как положено «прямое покаяние»<sup>207</sup>.

Что такое «прямое покаяние», никто в точности не знал, если не считать стояния «в праздничные и воскресные дни вне церкви на

<sup>204</sup> Достоевский Ф. М. Преступление и наказание.

<sup>205</sup> РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 4.

<sup>206</sup> ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 616. 1766. 24 марта.

<sup>207</sup> РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 5–6; ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 616. 1766. 24 марта.

паперти»<sup>208</sup>, поэтому было задумано просто срежиссировать величественное действо, призванное не столько «раны уязвленным приумножить», сколько «неуязвленных осторожнейшими сделать»<sup>209</sup>. Иными словами, прописывался особый обряд прежде всего для глубокого эмоционального воздействия на законопослушных подданных, а вовсе не для спасения душ двоих деморализованных и полубезумных убийц. Корреспонденция статс-секретаря императрицы Г. Н. Теплова и генерал-губернатора Москвы П. С. Салтыкова, собственноручная правка Екатерины детально продуманных формулировок манифеста, черновые варианты и окончательные тексты проповеди<sup>210</sup> — все говорит о том, какая большая работа была проделана для точно выверенного сценария постановочного публичного покаяния.

Императрица лично контролировала мельчайшие нюансы задуманной инсценировки. В частности, 24 марта она распорядилась тайно ночью накануне первого акта публичного покаяния доставить убийц в Кремль и вывести их утром к Успенскому собору уже при скоплении народа<sup>211</sup>. В личном послании от 26 марта к градоначальнику Петру Салтыкову Екатерина писала: «Осведомитесь доподлинно, не брюхата ли Жукова жена. И ежели найдена брюхата, то можно ее к покаянию возить на роспусках и дать какую ни есть обувь, чтоб не зазнобить. А под рукою можете и объявлять другим, что вы сие сделали в отмену предписанного обряда по причине той, что она непраздна»<sup>212</sup>. В тот же день со

---

<sup>208</sup> В частности, в специально подготовленном докладе иерархи писали: «[покаяние убийцы] исполнить могут следующим образом: при одной из публичных церквей в праздничные и воскресные дни во время пения стоять вне церкви на паперти, приносить Господу Богу со слезами покаяние... при том должно назначить искусного священника на проповедь... сверх того велеть диакону читать следующую ектению: *о еже прияти быти покаянию припадающих сих и исповедающих беззаконие свое*» (РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 5–6).

<sup>209</sup> ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 616. 1766. 24 марта.

<sup>210</sup> РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–26; Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 63–63<sup>об</sup>, 68.

<sup>211</sup> Указ генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову. 1766. 24 марта // РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 23.

<sup>212</sup> Письмо Екатерины II графу П. С. Салтыкову. 1766. Март (РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 24).

специально назначенным кабинет-курьером Гарезиным в Москву было отправлено 30 копий манифеста и приложений, правда с опечаткой — вместо «прославления» в тексте молитвы ошибочно набрали «прославления». Опечатку приказывалось исправить пером и разослать манифест из Московского департамента Сената «куда надлежит». 27 марта из Петербурга выехал нарочный еще со 150 экземплярами уже откорректированного текста без досадных погрешностей. Все происходило в обстановке строгой конфиденциальности. В московской конторе Синода после получения указа императрицы и письменных распоряжений генерал-губернатора Салтыкова приказано было «объявить секретно с подпискою, дабы до прописанного в том сообщении времени оное никому объявляемо не было, а содержание б было в секрете неотменно»<sup>213</sup>. Петербургскому кабинет-курьеру следовало «дождаться окончания процессии над Жуковыми» и привезти лично императрице отчет Салтыкова<sup>214</sup>.

Как уже указывалось, покаяние убийц должно было происходить один раз непосредственно в центре православной столицы, в Успенском соборе, и трижды в церквях в разных концах Москвы, где предписывалось воспроизводить один и тот же заданный ритуал. Таким образом, практически все жители Первопрестольной, которых полиция к тому же обязана была оповестить за сутки до начала литургии, имели возможность получить столь уникальный, можно сказать, экзистенциальный опыт.

В четвертое воскресенье Пасхи действо планировалось начать в 9 утра непосредственно перед службой. Жуковых должны были в сопровождении двух священников и хорошо вооруженной «пристойной» военной команды провести через Ивановскую площадь в Успенский собор, давая ясно понять толпе, что это имитация пути на эшафот: «тем точно порядком, как осужденные водимы бывають на смертную казнь». Внешний вид убийц напоминал вольную стилизацию традиций канонического публичного покаяния — посконные свиты, распущенные волосы, босые, в оковах, в руке по

<sup>213</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1766 г. Д. 108. Л. 10.

<sup>214</sup> См.: Письмо Г. Н. Теплова П. С. Салтыкову. 1766. Март (РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 26); Письмо П. С. Салтыкова Г. Н. Теплову. 1766. Апрель (Там же).

зажженной восковой свече<sup>215</sup>. Располагаться кающимся следовало по византийскому канону у церковного притвора<sup>216</sup>.

Прежде всего торжественно объявлялся предварительно опубликованный для всенародного известия высочайший манифест, который был условной заменой сентенции, провозглашаемой обычно перед смертной казнью. Затем убийцы на коленях произносили специально написанную покаянную молитву. После молитвы перед началом литургии опять-таки воспроизводились элементы древнего ритуала, отраженного еще в правилах Василия Великого: преступники каждого входящего в церковь должны были умолять просить за них прощения у Господа Бога.

Далее следовало чтение ектении «О еже приюту быти покаянию припадающих сих и исповедающих беззаконие свое, Господу помолимся». Эта особая молитва состояла из прошения и прерывающего его восклицания «Господу помолимся», которое повторялось поющим хором и традиционно было рассчитано на неослабное внутреннее напряжение и постоянное возбуждение эмоций собравшихся. Ектению, как обычно, читал не священник, а дьякон, т. е. служитель церкви, находящийся на низшей ступени священства и не имеющий права совершения таинств, что в известной мере превращало его слова в выражение чаяний паствы и усиливало общее ощущение соборности.

После ектении, в соответствии с правилами службы, звучала проповедь, которую, однако, вряд ли могли слышать преступники, поскольку читать ее протопопу церкви Николая Гостунского Постникову предназначалось «с особого амвона при дверях внутри» храма. На этом литургия заканчивалась и народ, выходящий из Успенского собора, вновь проходил мимо убийц, которые производили тот же текст просьбы о молитве. Для проведения всего этого постановочного действия специально назначался представитель

---

<sup>215</sup> См., например: *D'Aubigne J. H. M. History of the Great Reformation Of the Sixteenth Century Germany, Switzerland.* P. 12–33; *Mansfield M. C. The Humiliation of Sinners: Public Penance in Thirteenth-Century France.* P. 92–93, 123; *Meens R. M. J. Penance in medieval Europe: 600–1200.* P. 154, 182–183.

<sup>216</sup> См.: 56-ое, 57-ое, 64-ое, 82-ое правила Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 326–328, 335, 371–373.

клира, архимандрит Знаменского монастыря, член синодальной конторы Варфоломей и «особливый» судья.

Таким образом, первый в истории России детально прописанный ритуал публичного покаяния появился во время правления Екатерины II и представлял собой свободную стилизованную эклектику традиций самых различных конфессий и эпох, что, разумеется, мог позволить себе только своевольный просвещенный абсолютизм XVIII столетия. Не менее многоуровневыми по своим смыслам оказались и тексты, которые должны были сопровождать этот театрализованный обряд. Императорский манифест, продиктованная убийцам молитва, специально написанная для этого случая «ектения о кающихся»<sup>217</sup>, проповедь протопопа Постникова и, наконец, адресованное каждому входящему и выходящему из храма исступленное обращение преступников отличались семантической сложностью и диалогичностью.

#### «ИСПОВЕДАЮЩИЕ БЕЗЗАКОНИЕ»

Ключевым понятием, объединяющим всю церемонию, было, безусловно, понятие *закон*. В молитве убийцы должны были каяться, признавая совершенное ими «беспримерное беззаконие», а в «прошении» сокрушаться по поводу «тягости [своего] беззакония»<sup>218</sup>. Во время ектении дьяк вместе со всей паствой взывал к Богу о принятии покаяния «исповедающих беззаконие». В Манифесте пре-

---

<sup>217</sup> И в данном контексте также нельзя буквально согласиться с обер-прокурором Святейшего синода П. П. Победоносцевым, который в своем весьма объемном исследовании дела Жуковых обмолвился, что «во время литургии дьякон возглашал особую ектению о кающихся» (*Победоносцев П. П. Убийство Жуковых // Победоносцев П. П. Исследования и статьи. СПб., 1876. С. 324*). Прошения об оглашенных, в которых, как правило, упоминались кающиеся и одержимые, вышли из употребления в Восточной христианской церкви вместе с угасанием традиции крещения во взрослом состоянии в IV веке, т. е. задолго до принятия христианства на Руси. «Ектения о кающихся», «исповедающих беззаконие свое», прочитанная в Успенском соборе в 1766 году, была еще одной стилизацией просвещенного абсолютизма, культивирующего законность и правосудие.

<sup>218</sup> Здесь и далее см.: РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 177. Л. 10–15; ПСЗ. Т. XVII. № 12600. С. 615–620. 1766. 24 марта.

ступники обвинялись в нарушении *Закона Божьего и естественного*, в страшном злодействе и *беззаконии*, которое не только среди христианских народов, но даже у идолопоклонников и «без всякого закона живущих людей» считается немислимым.

Этот мотив получил богословское звучание в проповеди «Слово о содеявших в 1754 году убийство над матерью и сестрою своими, а ныне преданных церковному покаянию перед народом». Во-первых, постулировалось, что по Закону Божьему сам факт убийства человека, сотворенного по образу и подобию, есть грех против величия Бога и Его власти, которую Он имеет над человеческой жизнью. Во-вторых, в «Слове» речь шла об особенностях наказаний за оскорбление родителей по Новому Завету. Акцентировался тот факт, что «Божественный законодатель» не упоминал об отцеубийстве, поскольку даже не предполагал, что лишаящие родителей жизни «ехидны и чудовища» вообще могут существовать. Переходя в теме неизбежного суда протопоп по извечной христианской традиции противопоставлял закон Ветхого Завета и благодать Евангелия: «Закон представляет нам Бога Судьею, Евангелие проповедует Отцом. <...> Закон вопиет: проклят всяк, ежи не пребудет во всем писанном в книге закона. Но благодать с кротостью [обещает] беззакониями умершего воскресить». Тема закона и благодати, задавая еще один важный лейтмотив ритуала публичного покаяния, перерастала в тему карающего правосудия и возвращающего к жизни милосердия. «Правосудие в наказании грешников, — вещалось в проповеди, — милосердие в призывании их к покаянию»<sup>219</sup>.

Таким образом, совершающийся на Соборной площади обряд соединял в себе правосудие и милосердие, являлся и наказанием, и помилованием, а его соборность придавала всему действию высокое назидательное значение. Именно так аргументировалось в Манифесте высочайшее решение о наказании убийц Жуковых публичным покаянием: «...угоднее ли Богу будет лишением живота...

---

<sup>219</sup> Приводимые протопопом примеры снисхождения Господнего касались деяний и иудейского Бога, и христианского: по Священному Писанию, прощены были убивший Урию царь Давид, мытарь, трижды отрекшийся Петр, гонитель Савл и, наконец, разбойник на кресте, буквально в последние минуты незаконной своей жизни.

злодеев наказать, или... без нарушения нашего правосудия и без соблазна народного, остав[ить] живот их в руке Всевышнего судьи на собственное совести раскаяние». Иными словами, идеи, заложенные в текстах сценария, представляли собой идеологическое обоснование произошедшего более 20 лет назад отказа от смертной казни и практики замены ее покаянием, устанавливающейся уже в екатерининское правление. Для того чтобы вынести «на всенародный позор» совершенное преступление, в данном исключительном случае покаяние становилось публичным и включало элементы узнаваемого ритуала не только смертной казни, но и политической смерти.

Апелляция к законодательству периода царствования Елизаветы Петровны и прямо и косвенно присутствовала в подготовленном проекте публичного покаяния. От лица иерархов Русской православной церкви провозглашалось неотъемлемое право монарха ради «сохранения правосудия в народе по законам казнить злодеев». Текст манифеста включал проникновенное размышление императрицы о совместимости христианского учения и власти «лишать живота» даже убийц. Как уже отмечалось, отдельные элементы самого обряда покаяния имитировали сцену на эшафоте. И, наконец, непосредственно предписывалось с сообщниками Жуковых поступать по указу 1754 года, т. е. экзекуции не вершить, дело отправить в Сенат, ждать распоряжений, а преступников пока сослать на каторгу.

Итак, постановочное публичное покаяние 1766 года являлось заранее прописанным ритуалом, витиевато вплетающим в русское православное богослужение древний византийский обряд, детали пепельной среды, а также элементы ритуала смертной казни и политической смерти. Театрализованное действие рационально выстраивалось вокруг просветительского идеала законности и вдохновлялось христианской духовностью смирения и прощения. Однако венчалась вся эта сложнейшая конструкция образом, ради репрезентации которого, собственно, и совершалось публичное покаяние, — смысловым центром сценария была фигура «великой и милосердной самодержицы Екатерины Алексеевны». В финале проповеди, которая традиционно завершала литургию, провозглашалось, что именно она и привела «души преступников к Божию

милосердию». «Не се ли, Христова церковь! прямое твое утверждение?» — вопрошал протопоп Постников под сводами Успенского собора. «Милосердие благого Бога, общая церкви вся молитва и благочестивое монархии попечение» сливались воедино и призваны были «подать великое наставление» подданным.

Московский генерал-губернатор Салтыков мог быть доволен — театрализация покаяния прошла в строгом соответствии со сценарием императрицы. Об этом он и поспешил донести в рапорте, отправленном в Петербург с тем самым курьером, который привез высочайшие распоряжения по поводу наказания Жуковых: «Апреля второго числа в первой для их покаяния назначенный воскресной день в Успенском соборе по содержанию вложенного при манифесте обряда во всем наиточнейшее исполнение учинено». Упомянул Салтыков и о зрителях, среди которых «был как я, так и многие знатные особы; а народу было такое множество, что во всем Кремле не оставалось уже почти такого места, которое бы людьми с немалым утеснением не занято было». Что касается до главных участников действия на Ивановской площади, то они, как и предполагалось, остались безучастными и никакого «наичувствительнейшего раскаяния приметить в них было невозможно»<sup>220</sup>. Но, собственно говоря, столь монументальная постановка первого в истории России публичного покаяния и не затевалась ради исправления двоих убийц, а предназначалась именно для народа, теснившегося в соборе и заполонившего все пространство вокруг него.

Высочайше срежиссированная постановка была с точностью воспроизведена еще трижды на Новой Басманной, на Пятницкой и, наконец, в Лазареву субботу на Арбате. После Пасхи началась подготовка к отправке убийц под начал в монастыри — Алексея на Соловки, а Варвару в Тобольскую епархию — на 20 лет, включая и время, проведенное в тюрьме с момента их страшного преступления<sup>221</sup>. 7 июля 1766 года Салтыков доносил императрице: «На сих днях от шестого Сената департамента сообщено мне, что смертоубийцы Алексей Жуков в Соловецкий, а жена его Варвара То-

<sup>220</sup> Рапорт московского генерал-губернатора П. С. Салтыкова Екатерине II. 1766. 3 апреля (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 63–63<sup>об</sup>).

<sup>221</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 20–23<sup>об</sup>. См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 9–10.

больской епархии Далматской девичь[ий] монастырь<sup>222</sup> от конторы Святейшего Синода за надлежащим караулом отправлены»<sup>223</sup>. В РГАДА сохранились указы Екатерины, направленные из Синода архангелогородскому епископу Иосафу, архимандриту Соловецкого монастыря Досифею, митрополиту Tobольскому Павлу и игуменье Богородично-Рождественского Ильинского монастыря Евфимии, также уцелели их рапорты и инструкция военным, сопровождающим бывшего каптенармуса и его жену, а ныне приговоренных к покаянию Алексея и Варвару Жуковых. Эти документы позволяют воссоздать сложившуюся во второй половине XVIII века стандартную процедуру конвоирования преступников к месту их духовного исправления в отдаленных монастырях.

#### «В МОНАСТЫРЬ ПОД НАЧАЛ»

Капралу 3-го Московского батальона Кузьме Бердекову и солдатам Илье Рогову и Калине Сорову была выдана инструкция<sup>224</sup>, два запечатанных указа: один — епископу Архангелогородскому Иосафу, другой — архимандриту Соловецкого монастыря Досифею; кроме того, они получили 54 рубля 35 копеек прогонных денег и по тесачу на каждого. Им предстояло нанять три ямские подводы<sup>225</sup> и под неусыпным надзором доставить Жукова сначала в Архангельск к епископу, а затем и на Соловки. В дороге двое из троих пристав-

---

<sup>222</sup> Основанный в 1644 году Далматовский Успенский монастырь был мужским, но в 45 километрах от него находилась Свято-Введенская женская обитель, которая и стала местом временного пристанища Варвары Жуковой. Убийца вскоре была конвоирована в Богородично-Рождественский Ильинский женский монастырь в Тюмени. 27 июня 1766 года архимандрит Михаил направил от Tobольской духовной консистории следующий рапорт в московскую контору Синода: «Прислана смертоубийца каптенармуса Алексея Жукова жена Варвара Николаева дочь для содержания Tobольской епархии в Далматове... и отослана в тобольский Богородицы Рождественской девичь[ий] монастырь к игуменье Евфимии» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 65).

<sup>223</sup> Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 68.

<sup>224</sup> Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 56–57; Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 2–3.

<sup>225</sup> См.: Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 58.

ленных военных постоянно должны были находиться с убийцей, держа наготове обнаженный тесак. При необходимости в селах разрешалось просить у приказчиков или управителей подкрепления из крестьян. Ехать нужно было только по главному, «надлежащему» тракту в светлое время суток и зорко следить, чтобы преступник не нанес себе увечья и не отравился. С этой целью полагалось постоянно обыскивать Жукова и проверять любую пищу и питье, прежде чем дать ему. Бумага, чернила и любая возможность письменных контактов также исключались. В случае смертельной болезни преступника можно было допустить до святого причастия.

В свою очередь капралу и солдатам строго запрещалось бесчинствовать по дороге, вымогать взятки и распространяться о государственных делах как в разговорах, так и в личной переписке. Для острастки к инструкции прилагался указ Петра I от 13 января 1724 года «О неписании секретных дел в партикулярных письмах»<sup>226</sup>.

Точно такую же инструкцию с печатью получил капрал 2-го Московского батальона Петр Рубцев, который с солдатами Кириллом Кузнецовым и Степаном Зиминим должен был доставить Варвару Жукову в Тобольскую духовную консисторию лично митрополиту Павлу, а затем сопроводить убийцу до Далматова и оттуда в тюменский Богородично-Рождественский Ильинский женский монастырь к игуменье Евфимии. Конвоирам также полагалось неотлучно находиться при Варваре с обнаженными тесакими, требовать подмоги в случае опасности со стороны этой женщины и ни в коем случае на передвигаться с ней на подводах в темноте. Разница заключалась лишь в сумме прогонных денег — до Тобольска из казны было выделено 75 рублей 11 копеек с четвертью<sup>227</sup>.

В документах не указывается скарб, с которым прибыла Варвара в Тюмень, зато сохранилась «опись имеющемуся у присланного к содержанию в Соловецкий монастырь смертоубийцы каптенармуса Алексея Жукова собственного его экипажу». Унтер-офицер, не поднявшийся по Табели о рангах даже до XIV класса и обвинен-

<sup>226</sup> ПСЗ. Т. VII. № 4409. С. 200. 1724. 13 января. О борьбе Петра I с лихоимством см., например: Серов Д. О. Петр как искоренитель взяточничества // Исторический вестник. Романовы: Династия и эпоха. М., 2013. Т. 3 (150). С. 70–95.

<sup>227</sup> РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 67–69.

ный в страшном преступлении, вовсе не был в России XVIII века «лагерной пылью» и явился на покаяние в сопровождении двоих слуг и с изрядным имуществом. В частности, в его сундуках имелось несколько икон, псалтырь киевской печати, три тулупа, лисья шуба-венгерка, заячья фуфайка, красный суконный камзол, штаны бархатные черные, два шлафара или халата — один на белой тафте, другой шит шелком, двадцать пять рубашек, три пары сапог, перина с двумя подушками, соболья шапка с парчовым верхом, две серебряные ложки, карманные серебряные часы, две головы сахару, двадцать пять рублей денег и, наконец, совершенно необходимые для смирения в обители — четыре хрустальных стакана, четыре рюмки и окованный погребец с пятью штофами<sup>228</sup>. Все это богатство вместе с преступником и печатным указом императрицы, содержащим инструкцию по его духовному исправлению, архимандрит ставропигиального Соловецкого монастыря Досифей получил под расписку<sup>229</sup>, которую капралу Бердекову следовало доставить в московскую контору Синода. Такой же высочайше намеченный план церковного покаяния был выдан и Евфимии, игуменье Ильинского монастыря в Тюмени, куда прибыла Варвара Жукова<sup>230</sup>.

В обителях к убийцам надлежало приставить наиболее уважаемых монахов, которые бы следили за их нравственным исправлением и постоянно «напоминали силу веры и закона и страшный суд Божий». Сосланные на покаяние обязаны были посещать литургии, всякий раз исповедоваться и исполнять «сносные по силе монастырские труды»<sup>231</sup>. В церковь они дальше трапезы не допускались и лишались причастия, на которое могли рассчитывать только перед смертью<sup>232</sup>. По правилам святых отцов, спустя 20 лет с момента

<sup>228</sup> РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 7–8.

<sup>229</sup> Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 59.

<sup>230</sup> Расписка игуменье Евфимии о принятии Варвары Жуковой. 1766 г., 28 июля (Там же. Л. 71).

<sup>231</sup> Там же. Л. 202–203, 214–215.

<sup>232</sup> Не далее как в конце 1766 года Жуков тяжело заболел и согласно инструкции был исповедован и приобщен святых тайн, о чем сотник Федор Ястребинский оставил запись в книге рапортов караульной службы Соловецкого монастыря, а архимандрит Досифей донес в Святейший правительствующий синод (Там же. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4785. Л. 18, 20; Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 83–83<sup>об</sup>).

совершения убийства, т. е. в 1774 году, преступники, постигшие всю глубину своего греха, могли быть допущены до церковных таинств. На протяжении всего этого времени приставленный к Жукову иеромонах Соловецкого монастыря Киприан и начальница женской обители, куда была заключена Варвара, должны были доносить несколько раз в год иерархам о духовном исправлении преступников. В свою очередь, от Синода требовалось лично императрице регулярно сообщать о «знаках раскаяния» грешников<sup>233</sup>.

Поначалу рапорты архимандрита Соловецкого монастыря Досифея и епископа Tobольского и Сибирского Варлаама, направляемые в московскую кантору Синода и затем и в Сенат, стабильно сообщали о смирном поведении обоих Жуковых, исправном посещении ими церковного пения и регулярном исповедовании во время постов<sup>234</sup>. Однако довольно скоро выяснилось, что дела обстояли не столь благостно. По неизвестной причине в 1773 году Варвару из Богородично-Рождественского Ильинского монастыря вновь перевели в Далматовскую обитель. Вскоре начальница Нимфодора донесла епископу Варлааму, что Жукова предается «невоздержанному пьянству», ведет себя непристойно, а водку добывает у местных жителей, пользуясь тем, что укрепления монастыря разрушены в ходе Пугачевского восстания. Вообще на долю монахинь в эти годы выпали большие испытания: были они, по словам Нимфодоры, «старыми и дряхлыми», обитель перевели за штат, средств не было даже на восстановление разрушенной огады, церковь сожгли бунтовщики, да к тому же еще прислали на духовное исправление пьющую и буйствующую убийцу<sup>235</sup>. Правда, вскоре началь-

---

<sup>233</sup> Указ Ее Императорского Величества самодержицы всероссийской из московской Святейшего Правительствующего Синода канторы ставропигиального Соловецкого монастыря архимандриту Досифею с братией. 1766 г. 19 мая (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4774. Л. 4, 7–8).

<sup>234</sup> Рапорты архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в московскую кантору Синода; рапорты иеромонаха Соловецкого монастыря Киприана архимандриту Соловецкого монастыря Досифею; рапорты епископа Tobольского и Сибирского Варлаама в московскую кантору Синода (Там же. Оп. 4. Д. 638. Л. 1–1<sup>06</sup>, Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 79–79<sup>06</sup>, 83–83<sup>06</sup>, 88–88<sup>06</sup>, 92–92<sup>06</sup>, 96–96<sup>06</sup>, 99–99<sup>06</sup>, 111–111<sup>06</sup>, 117–117<sup>06</sup>, 125–125<sup>06</sup>, 134–134<sup>06</sup>, 139–139<sup>06</sup>, 150–150<sup>06</sup>, 161, 164–164<sup>06</sup>, 200–200<sup>06</sup> и др.).

<sup>235</sup> Рапорт епископа Tobольского и Сибирского Варлаама в московскую кантору Синода (Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 180–180<sup>06</sup>); рапорт

ница донесла Варлааму, что Варвара, придя к ней в келью, перед всеми собравшимися монахинями на коленях со слезами просила прощения, а «невоздержанные поступки» объяснила происками дьявола<sup>236</sup>. В 1775 году по высочайшему постановлению решено было все же допустить Варвару до святого причастия в приходской Николаевской церкви села Далматово «за неимением в девичьем монастыре по сгорению церкви»<sup>237</sup>.

Нельзя сказать, что и Жуков на Соловках все эти годы сокрушался по поводу своих грехов, как это представлялось обычно в рапортах архимандрита Досифея. Он довольно быстро растранижил то немалое имущество, с которым прибыл в монастырь на покаяние, и впал в нищету. Пытаясь найти средства к существованию, Жуков отправлял двоих своих слуг в Архангельск на заработки. Довольно скоро монастырское начальство запретило ему подобные вольности, что, однако, не отменяло права убийцы на эту крещеную собственность. По одним сведениям, он их проиграл в карты, по другим — продал по 10 рублей за каждого<sup>238</sup>.

Тем не менее по правилам святых отцов в 1774 году двадцатилетнее отлучение Жукова закончилось и он был 25 марта допущен до причастия<sup>239</sup>. Однако если по церковному ритуалу убийца получил Божье прощение, то с высочайшим милосердием дело обстояло сложнее. По указу Екатерины преступник по-прежнему должен был пребывать в монастыре. Это обстоятельство, а также явно усугубляющиеся ментальные проблемы сподвигли его на дерзкое прошение, адресованное непосредственно императрице. В своем отчаянном послании Жуков наконец-то обнаружил «лютейшую

---

начальницы Далматова Введенского девичьего монастыря Нимфодоры епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму (Там же. Л. 186–186<sup>06</sup>, 188–188<sup>06</sup>).

<sup>236</sup> Рапорт начальницы Далматова Введенского девичьего монастыря Нимфодоры епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму (Там же. Л. 186–186<sup>06</sup>).

<sup>237</sup> Указ Екатерины II из Синода епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму. 1775. 11 апреля (Там же. Л. 197); рапорт епископа Тобольского и Сибирского Варлаама Святейшему правительствующему синоду о получении указа и действительном по оному исполнении. 1775. 18 октября (Там же. Л. 186–186<sup>06</sup>).

<sup>238</sup> См.: Колчин М. А. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 610.

<sup>239</sup> Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в московскую контору Синода. 1774. 5 мая (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 16. 1766 г. Д. 108. Л. 171–171<sup>06</sup>).

горесть» и «несносные» духовные страдания, избавлением от которых могла стать только казнь. «В таком духа моего смущении, — писал он, — получить едино желаю со усердием казнен быть смертию и тем пресечь мое мучение, кое несноснее и самой смерти»<sup>240</sup>.

Обнажившаяся чернота закоулков внутреннего мира этого духовно больного человека сочеталась с грубым рационализмом его примитивной натуры. Вынужденный существовать на 8 рублей в год, он жаловался на нищету, равнодушие бросивших его «сродников», а также на суровый климат Русского Севера и грубую пищу, которой должны были довольствоваться колодники в Соловецком монастыре. Помимо смертной экзекуции он просил у Екатерины о встрече с Варварой, вечной ссылке на поселение с женой или хотя бы о постриге его в монастырь Тобольской епархии, ближе к той, с которой 20 лет назад он убил свою мать<sup>241</sup>.

Очевидно, что императрице никогда не было никакого дела до судеб этих двоих деградировавших людей, которые являлись лишь реквизитом в масштабной постановке, призванной смягчить и облагородить чувства подданных. Екатерина с недоумением передала прошение Жукова в Сенат, где оно, разумеется, было оставлено без рассмотрения<sup>242</sup>. Однако брезгливое игнорирование со стороны престола окончательно расстроило психику Жукова. В день коронации императрицы он демонстративно совершил очередное кощунство. Во время торжественного молебна, когда архимандрит поминал царскую фамилию, Жуков, подойдя к настоятельскому месту, закричал: «Какая она императрица, она татарка!» Это уже было забытое «слово и дело», которое на Соловках попытались

---

<sup>240</sup> Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в Синод о высказанном Жуковым желании остаться в монастыре. 1775. 27 мая (Там же. Л. 201–203).

<sup>241</sup> Там же.

<sup>242</sup> «Ея императорского величества указ из Святейшего правительствующего Синода под номером 3878-м о отсылке в правительствующий Сенат смертоубийцы бывшего лейб-гвардии Преображенского полку каптенармуса Алексея Жукова прошения о свободе его из Соловецкого монастыря, а жену ево Варвару Николаеву из Тобольской епархии, и соединяя их обоих послать в вечную ссылку или постричь его кроме оного Соловецкого монастыря в Тобольской епархии в монашество, сего ноября 22 дня мною получен» [Рапорт архимандрита Соловецкого монастыря Досифея в Синод. 1775. 23 ноября (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1766 г. Д. 108. Л. 235)].

скрыть, взяв с каждого монаха письменные обязательства строжайшего молчания под угрозой смертной казни. Начались допросы и расследования, а «поругателя» императорской чести, закованного, отправили для разбирательства в Архангельск. Тем не менее сведения о невиданном богохульстве дошли до императрицы. Екатерина выпад Жукова, называемый в следственных бумагах «блеванием», оставила без внимания, заметив, что «такого усопшего в злодеяниях человека никакого, кажется, наказание к желаемому раскаянию привести не может». Вскоре Жукова вернули на Соловки и полностью изолировали от других заключенных. Спустя два года, проведенные в монастырской тюрьме, он повесился в собственной камере<sup>243</sup>.

Публичное покаяние Жуковых так и осталось единственным в истории России случаем столь грандиозного и детально проработанного использования светской властью церковной символики и авторитета христианской веры для наказания по уголовному делу. Публичные покаяния, в отличие от покаяний в монастыре или приходской церкви, не вошли в практику судопроизводства во время правления Екатерины. Однако императрица вовсе не отказалась от назидательных мероприятий вынесения наиболее страшных преступлений на всенародный позор и включения в эти публичные действия тех или иных ритуальных элементов *смертной казни, политической смерти, шельмования или церковного покаяния*.

Так, печально известная Дарья Николаевна Салтыкова, жестоко убившая более 70 своих крестьян<sup>244</sup>, была приговорена Сенатом к смертной казни, замененной на целый ряд унижительных экзекуций, которые имели не менее глубокий назидательный для других подданных смысл. С одной стороны, представлялся случай продемонстрировать монаршее милосердие, с другой — использовать практически весь арсенал обрядов, направленных на прилюдное уничтожение личности преступницы. Императорским именным

---

<sup>243</sup> См.: Колчин М. А. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. С. 610.

<sup>244</sup> С. М. Соловьев пишет о 75 жертвах Салтыковой по обвинению ее же крепостных (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XIV. Т. 27–28. С. 125).

указом Салтыкова лишалась дворянства и фамилий отца и мужа, превращаясь в Дарью Николаеву дочь. Все население Москвы было заранее оповещено о дате ее публичного наказания. В назначенный день Салтычиху вывели на эшафот, установленный на Красной площади, и зачитали вынесенную Сенатом смертную sentence, а затем указ Екатерины об изменении наказания. Злодеяния помещицы были настолько чудовищны, что вопрос о помиловании молчаливо обходился, а напротив, заявлялось о «крайнем прискорбии» императрицы по поводу «бесчеловечных смертных убийств». Затем Салтыкову на глазах у собравшейся толпы приковали на эшафоте к столбу и повесили на шею доску с надписью «Мучительница и душегубица». Спустя час закованная в железо преступница была направлена в специально для нее сделанную земляную тюрьму Ивановского монастыря, где ей предстояло находиться в темноте и полной изоляции до конца дней, чтобы «лишить злую душу всякого человеческого сообщества». Разумеется, Салтыковой запрещалось святое причастие, а также возможность находиться в храме — она выпускалась из своего заточения только во время службы, которую слушала у дверей церкви. Очевидно, что власти не было большого дела до духовного спасения обезумевшей крепостницы. Дело Салтычихи адресовалось прежде всего всему населению, чтобы «указ о наказании Дарьи Николаевой за мучительство крепостных и многие убийства» «всяк был известен и во всем государстве публиковался печатными указами»<sup>245</sup>.

В целом анализ соотношения понятий *Закон Божий* и *закон государственный* в политическом языке XVIII века затронул очень глубокие архаичные пласты истории русского и даже древнерусского права, общественного сознания, религиозного чувства, отношений «священства» и «царства»<sup>246</sup>. Несмотря на явное присутствие

<sup>245</sup> ПСЗ. Т. XVIII. № 13211. С. 782. 1768. 10 декабря.

<sup>246</sup> Эволюция восприятия юридических норм в русском обществе детально рассмотрена в работах В. М. Живова. Тезисно концепция автора сводится к следующему: с момента принятия христианства в России существует два права — церковнославянское, базирующееся на переводных византийских источниках, и русское, тесно связанное с обычаем и язычеством. С середины XVII века законодательная деятельность получает культурный статус, теряет сугубо прагматическое значение и становится одним из инструментов культурных преобразований. См., например: Живов В. М. История русского права

в реалиях эпохи Просвещения и регулярности мощно проросших сквозь толщу столетий понятий, норм и традиций церковного законодательства, русское общество жило по *закону государственному*. *Закон Божий*, между тем, мог полностью определять мотивацию личности в критические моменты жизни, а если этой личностью оказывалась правительница самодержавной империи, то кардинальным образом влиять и на содержание *закона государственного*. С другой стороны, авторитет *Закона Божьего* и институт церкви по-прежнему оставались важными элементами социального контроля со стороны государства, хотя сфера действия религиозного права стремительно сокращалась.

И, наконец, идеологическая и эмоциональная составляющая процесса сакрализации верховной власти в России неизбежно находилась в смысловом поле христианского учения. Понятие *закон*, так или иначе восходящее к высоким теософским смыслам Пятикнижия Моисея и Нового Завета, в рассматриваемый период имело, разумеется, не только духовное, но и исключительно светское содержание и осознавалось современниками как главное орудие управления государством и главная прерогатива самодержца. В официальном и панегирическом контексте эта персона именовалась помазанником Божиим или Божиим министром и располагалась на самой вершине сословной пирамиды. Высочайшие решения реализовались с помощью *государственного закона*, который получил как бы второе издание своего возвышенного смысла, но уже через сакрализованный образ светского правителя.

В то же время определенное разграничение сферы действия *Закона Божьего* и *государственного* лишь частично проясняет всю сложность смыслового содержания понятия *государственный закон*.